

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 19

PEHOME

Санкт-Петербург
2023

Редколлегия:

- И. И. Елисеева*, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (зам. гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
М. В. Масловский, д-р соц. наук, проф. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Периодическое печатное издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-55387 от 17 сентября 2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Социология труда

<i>Бизюков П. В.</i> Инволюция трудовых протестов в России	5
--	---

Социология здоровья и медицины

<i>Глухова М. Е.</i> Факторы вовлечения населения в использование дистанционных врачебных консультаций	29
--	----

Социология и экономика культуры

<i>Потапов Д. А.</i> Графический дизайн в оптике семиотики и понимающей социологии	49
<i>Хомченко Д. Ю., Шмидова Е. П., Щербак Р. С.</i> Между рынком и историей: практики нелегальной археологии. Социологический взгляд на будни копателя	60

Биография и общество

<i>Сымонович Ч. Э.</i> (Авто)биографии современных горожан 1945 года рождения как источник сведений по антропологии Ленинграда — Петербурга	91
<i>Выжевский С. В.</i> Первый историк российской легкой атлетики Оскар Юрьевич Бушман	113

CONTENTS

Sociology of Labor

<i>Bizyukov P. V.</i> Involvement of labor protests in Russia	5
---	---

Sociology of Health and Medicine

<i>Glukhova M. E.</i> Factors influencing the involvement of different population groups in the use of remote consultations	29
---	----

Sociology and Economics of Culture

<i>Potapov D. A.</i> Graphic design in the optics of semiotics and understanding sociology	49
<i>Khomchenko D. U., Shmidova E. P., Shcherbak R. S.</i> Between the market and history: practices of illegal archeology. A sociological view of the everyday life of a digger	60

Biography and Society

<i>Symonovich Ch. E.</i> (Auto)biographies of modern citizens born in 1945 as a source of information on the social anthropology of Leningrad — St. Petersburg	91
<i>Vyzhevskii S. V.</i> The first historian of Russian athletics Oscar Bushman	113

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.25990/socinstras.pss-19.bef0-h157

EDN: EJMWCJ

УДК: 316.334.22

П. В. Бизюков

ИНВОЛЮЦИЯ ТРУДОВЫХ ПРОТЕСТОВ В РОССИИ

Статья основана на материалах проекта «Мониторинг трудовых протестов», в рамках которого собрана информация о протестах за пятнадцать лет — с 2008 по 2022 год. В ней рассматриваются способы, то есть формы действия работников, отстаивающих свои интересы в публичном конфликте с работодателем, то есть в рамках трудового протеста. Главной особенностью ситуации является то, что в стране действует «запретительный», как его называют эксперты, закон о забастовках. Не имея возможности высказывать несогласие с работодателем законными методами, работники вынуждены искать какие-то иные способы для выражения своих требований. Набор форм протеста разнообразен от наиболее простых, таких как выдвижение претензий, до сверхрадикальных — голодовок, блокирования магистралей и др. Кроме них есть еще митинги, остановки работы, но одни из них используются чаще, а другие реже. Мало того, частота использования форм меняется год от года. В статье делается попытка объяснить причины выбора одних и отказа от других форм. Главный вывод заключается в том, что институциональные формы используются все реже, а стороны трудовых конфликтов действуют не по правилам, а спонтанно, в стилистике «ad hoc». Такое движение от институциональности к стихийности — это развитие в обратную сторону, то есть инволюция.

Ключевые слова: трудовые конфликты, трудовые протесты, профсоюзы, забастовки, формы протеста.

Petr V. Bizyukov

INVOLUTION OF LABOR PROTESTS IN RUSSIA

The article is based on the materials of the project “Monitoring of labor protests”, which collected information on protests for fifteen years — from 2008 to 2022. It discusses ways, i.e. forms of action of employees defending their interests in a public conflict with the employer, i.e. as part of a labor protest. The main feature of the situation is that the country has a “prohibitive” law on strikes, as experts call it. Not being able to express disagreement with the employer by legal means, employees

are forced to look for some other ways to express their demands. The set of forms of protest is varied from the simplest, such as making claims, to the ultra-radical ones — hunger strikes, blocking highways, etc. In addition to them, there are also rallies, work stoppages, but some of them are used more often, while others are less common. Moreover, the frequency of use of forms varies from year to year. The article attempts to explain the reasons for choosing some and rejecting other forms. The main conclusion is that institutional forms are used less and less, and the parties to labor conflicts do not act according to the rules, but spontaneously, in the “ad hoc” style. Such a movement from institutionality to spontaneity is a development in the opposite direction, i.e. involution.

Keywords: labor conflicts, labor protests, trade unions, strikes, forms of protest.

Введение

Тематика социально-экономических конфликтов появилась в отечественном обществоведении во второй половине 1980-х годов. До этого возможность столкновения интересов, особенно в трудовой сфере, просто отрицалась. Первая полноценная работа на данную тему появилась еще в 1983 году, когда в Новосибирске вышла книга Ф. Бородкина и Н. Коряк «Внимание: конфликт!». Позже, когда эти же авторы выпустили второе издание своей книги, они специально подчеркивали, что в их общении с руководителями предприятий и организаций тема конфликтов вызывала неизменный интерес и самые горячие обсуждения. Но при этом они вспоминают, что первое издание было «мучительным делом» и «готовая рукопись путешествовала по рецензентам и редакторам более четырех лет... Основным камнем преткновения была запретность самой темы, догматическая убежденность многих о том, что при социализме не может быть серьезных социальных конфликтов» (Бородкин, Коряк 1989: 10). Это был безусловный прорыв, хотя новосибирские авторы рассматривали главным образом социально-психологические и организационные аспекты конфликтов.

В 1989 году масштабная шахтерская забастовка, в которой участвовало почти полмиллиона работников угольной промышленности, показала, что есть особый вид конфликтов — трудовые, основанные на противоречиях между наемными работниками и работодателями. Забастовку угольщиков описывали немало авторов (Лопатин 1998; Борисов 2001; Ильин 1998). В основном это были описательные тексты, в которых приводились хронологии, действия участников,

анализировались их оценки событий и других акторов. Эти книги позволяли понять суть такого нового явления, как российские трудовые конфликты, их причины, протекание, и, что очень важно, те формы, в которых они проходили. 1990-е годы дали разнообразный материал о способах, с помощью которых работники отстаивали свои интересы (Бизюков 1995; Борисов, Козина 1998). Ведь несмотря на существование соответствующего законодательства о трудовых спорах, в основном конфликты были стихийными и для своего протеста работники выбирали то, что, по их мнению, давало эффект, а не то, что соответствовало требованиям закона. Главным инструментом тогда были качественные исследования, позволяющие глубоко понять суть наблюдаемого явления. Именно тогда появилось понимание дуальности ситуации, о которой речь пойдет ниже: есть закон, но его практически никто не соблюдает; есть разные формы протеста, но они имеют мало отношения к той нормативной модели, которая предписана правом. Позже, в 2000-х и 2010-х годах, возможностей для изучения трудовых конфликтов стало исчезающе мало. Предприятия начали закрываться от внешних наблюдателей, и качественные исследования конфликтной тематики стали почти невозможны. Вариантов для сбора информации осталось немного — главным образом статистика различных органов: судов, трудовых инспекций, прокуратуры и т. п. Однако сразу стало понятно, что такой подход имеет существенные ограничения, так как в поле зрения попадали далеко не все конфликты и протесты, возникающие между работниками и работодателями, а только те, которые регистрировались этими органами. Исследования трудовых конфликтов не прекратились, но они стали опираться на формальные индикаторы и выглядели как абстрактные схемы, в которых использовались многочисленные показатели, индексы, но за ними было трудно увидеть суть самих противоречий между сторонами (Гагаринская, Дыкина 2019).

Новый импульс изучению трудовых конфликтов был придан развитием интернета: возник поток новостей с мест о социально-экономической жизни и в том числе о забастовках, пикетах работников, голодовках и т. п. Это позволило в 2008 году создать систему отслеживания публичных форм трудовых конфликтов, то есть протестов, которые описывались журналистами, порой весьма подробно. Разумеется, журналистские описания не содержат всей информации, но они позволяют фиксировать даты, регионы, отраслевую принадлежность предприятий и организаций, причины, состав акторов и другие параметры. Это, при постоянном сборе информации, позволило создать систему сбора

не только описаний трудовых протестов, но и накапливать количественную информацию о публичных акциях работников и параметрах их выступлений.

Изучение конфликтных ситуаций дает много информации о его участниках и о среде, в которой они действуют. Становится понятно, в каких условиях действуют те, кто вовлечен в конфликт, придерживаются ли они каких-то правил, приходится ли им соблюдать хоть какие-то ограничения или, наоборот, действуют так, как считают нужным, без учета правил, морали и закона. Довольно часто участники противостояния отказываются от ограничений, которые соблюдаются в нормальных условиях, и предстают друг перед другом и перед теми, кто их видит, «без масок».

Трудовые отношения — одна из самых конфликтогенных сфер общественной жизни. Противоречия между работниками и работодателями возникают постоянно, хотя немногие из них разрастаются до конфликтов, а еще меньшее количество приобретает открытую публичную форму, то есть становится протестами. Здесь подходит аналогия с айсбергом: над водой возвышается только видимая часть, а большая скрыта и находится под водой. Трудовые протесты — это часть конфликтов работников и работодателей, которые становятся публичными, и по ним можно судить о степени напряженности между этими двумя главными акторами трудовых отношений. Именно поэтому в демократических странах учетом забастовок и открытых выступлений работников занимаются государственные органы. Ведь трудовые протесты могут стать триггером для массовых социально-политических потрясений и контроль за ними позволяет увидеть формирующуюся напряженность в обществе и как-то ее предотвратить.

В России ситуация с контролем за трудовыми протестами выглядит странно. С одной стороны, существует законодательство, которое регламентирует порядок организации трудовых споров и забастовок. Хотя, по мнению многих экспертов и профсоюзных лидеров, предписанная законом процедура организации законной забастовки настолько сложна и запутанна, что ее следует считать «запретительной». Нужно отметить, что такая процедура была утверждена в самом начале 1990-х, которые традиционно рассматривают как время экономических и социальных свобод. Это звучит парадоксально, но именно в это время наемные работники и профсоюзы были законодательно лишены своего самого эффективного средства воздействия на работодателя (Герасимова 2016: 145–172). Парадокс сохраняется и поныне: де-юре забастовки разрешены, де-факто они запрещены. Это сильно ухудшило правовое

положение и работников, и профсоюзов и позволило в дальнейшем лишить их еще целого ряда инструментов — ослабить их позиции в процессе коллективных переговоров, снять правовую защиту от увольнения с низовых профсоюзных лидеров, сузить их зону влияния на трудовые отношения и др. (Бизюков 2021: 29–62). Институциональное ослабление профсоюзов позволило принять целый ряд антирабочих законов: расширить основания для временных трудовых договоров; легализовать заемный труд; ослабить систему компенсаций за вредные условия труда; повысить пенсионный возраст и т. п.

Однако в ситуации, когда работники одновременно лишаются инструментов воздействия и сталкиваются с ухудшением своего положения, неизбежно нарастают противоречия и конфликты. Соответственно, увеличивается и видимая часть — протесты. Но «запретительная» процедура забастовок не дает возможности работникам протестовать, организуя забастовку. Поэтому они вынуждены искать иные способы действий для выражения своей позиции и демонстрации несогласия с позицией работодателя.

В рамках Мониторинга трудовых протестов¹, который ведется с 2008 года, используется довольно широкое определение, позволяющее учитывать разнообразие форм, к которым прибегают работники, публично защищая свои интересы и права. *Под протестом здесь понимается открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники (или отдельный работник) предприятия (организации, корпорации) или трудовая группа отказываются от традиционной деятельности и принятых взаимоотношений, предпринимают действия, направленные на отстаивание своей социально-трудовой позиции путем воздействия на работодателя или других акторов, способных влиять на позицию работодателя, с целью ее изменения в желаемую сторону. К концу 2022 года в базе данных Мониторинга собрана информация о 4729 протестах за 180 месяцев.*

Важнейшим направлением анализа Мониторинга является отслеживание форм, используемых работниками для выражения своего протеста. Собственно говоря, это главное, что делает протест видимым, маркирует действия работников как крайнюю форму несогласия

¹ Мониторинг трудовых протестов — информационно-аналитическая система, в рамках которой собирается, обрабатывается и анализируется информация о трудовых протестах. Главным источником информации являются публикации в открытой прессе. Данные о протестах публикуются ежемесячно с 2008 года. На середину 2022 года собрана информация о 4507 случаях за 174 месяца. Подробнее с результатами и методикой Мониторинга трудовых протестов можно ознакомиться на сайте <http://www.trudprotest.org/>.

и возмущения. Причины, состав участников, характер их отношений, результаты протеста — это, безусловно, важные параметры протеста, но окружающие видят либо остановившееся производство, либо людей с плакатами на улицах, голодающих, штурмующих офисы компаний и т. п. Форма протеста характеризует положение и настроение работников. Если они выходят на согласованный с городскими властями пикет, в отведенном месте, с четко определенным временем начала, продолжительностью и т. п., то это свидетельствует об их готовности решать конфликт в рамках закона и права, вступать в переговоры, искать компромиссы. Но если перед нами толпа, громящая офисы и свои же рабочие места, вступающая в стычки с полицией, то это говорит о высокой степени напряженности, агрессии и неприятия сложившейся ситуации. Урегулирование протестов необходимо в обоих случаях, но в первом — подразумевается возможность перехода к переговорам и диалогу. Во второй ситуации необходимо сначала снять острое состояние, остановить агрессию и нормализовать ситуацию, например, устранив очевидное нарушение, вызвавшее бунт. Возможно, это само по себе нормализует обстановку и дальнейшего урегулирования не потребует — так чаще всего бывает, когда протесты возникают из-за долговременных невыплат зарплаты. Как только людям заплатят или пообещают выплаты, они успокаиваются, хотя в этом случае, как показывает практика, не исключены и новые задержки с выполнением обещаний и новые эксцессы.

Формы трудовых протестов

В рамках Мониторинга на основе анализа текстов о протестных акциях был выделен набор форм, которые используются для выражения несогласия и возмущения. Не имея возможности воспользоваться правовой процедурой, работники произвольно подбирают те способы действий, которые, по их мнению, позволили бы им решить возникшие проблемы.

Под формой протеста здесь понимается способ действий, с помощью которого работники выражают свои требования, возмущение и несогласие, адресуя их работодателю или другим акторам, способным повлиять на него. В рамках одного протеста может использоваться сразу несколько форм, так как работники пытаются найти ту, которая окажется наиболее эффективной. Порой это выглядит так: работники начинают с самых простых форм выражения

своего несогласия, например с предъявления требований к работодателю, и одновременно угрожают, что невыполнение приведет к более радикальным действиям. Если работодатель не реагирует, то работники усиливают давление, организуют митинг или пикет, затем останавливают работу, начинают голодовку, и так до тех пор, пока их не услышат или они не сдадутся. Поэтому в некоторых случаях используется только одна форма, а в других приходится использовать целый набор. Данные о частоте использования разных форм протеста приведены на рис. 1.

Рис. 1. Распространенность форм трудовых протестов в 2008–2022 годах (% от общего количества трудовых протестов)

Примечание: так как в рамках одного протеста могло быть несколько форм протеста, то сумма превышает 100%.

Прежде всего нужно отметить две группы форм, имеющих крайне низкую частоту, но очень важных для понимания ситуации, — законные и сверхрадикальные акции. Легальные способы соответствуют трудовому законодательству, к их числу относятся *«остановка работ»*

по статье» (4%)¹ и *«коллективный трудовой спор»* (2%)². Причины их редкого использования различны. Законные акции чаще всего бесполезны и неэффективны, хотя это и есть те самые правовые формы защиты, с помощью которых предписывается урегулировать возникающие противоречия и конфликты. Сверхрадикальные — сопряжены с высоким риском ответственности за незаконные действия, такие действия не останутся незамеченными, но приведут ли они к желаемому результату или их инициаторы пострадают еще больше — неизвестно. К числу абсолютно сверхрадикальных форм трудовых протестов относятся несколько способов действий, которые хоть и встречаются редко, но вызывают громкий отклик в общественном мнении. Речь идет о *голодовках, блокировании транспортных магистралей и захватах предприятий*. Доля таких протестов невелика и составляет 5, 2 и 2% соответственно. Законные формы встречаются редко, но их почти никто не замечает, а радикальные формы всегда получают большую известность и вызывают публичный резонанс. Такие действия граничат с нарушением закона, а порой и нарушают его, но они свидетельствуют об отчаянном положении работников и крайне высоком уровне социальной напряженности трудовых отношений.

Таким образом, легитимные и сверхрадикальные акции — это две группы протестных форм, контроль за которыми позволяет получать важные оценки. Законные с точки зрения права протесты — это индикатор легальной институциональности при регулировании трудовых конфликтов, а сверхрадикальные — наоборот, свидетельство полного отказа от легальности и институционального регулирования конфликта. Эти две группы находятся в некоем равновесии и сопоставимы по частоте, однако они выполняют роль своего рода крайних точек, обозначающих

¹ «Остановка по статье» — здесь имеется в виду ситуация, предусмотренная статьей 142 российского Трудового кодекса (Трудовой кодекс РФ 2023), в соответствии с которой рабочий имеет право остановить работу в случае более чем двухнедельной задержки зарплаты и не возобновлять ее до полного погашения задолженности. Эта ситуация в официальных документах не трактуется как забастовка, здесь используется фраза «остановка работы по причине более чем двухнедельной задержки заработной платы в соответствии со статьей 142 ТК РФ».

² «Коллективный трудовой спор» — так называется процедура урегулирования конфликта между работником и работодателем российским законодательством, которая описана в Трудовом кодексе в главе 61 (Трудовой кодекс РФ 2023) «Рассмотрение и разрешение коллективных трудовых споров». Это, как уже говорилось выше, долговременная и сложная процедура, требующая разных действий: собраний работников, заседания примирительных комиссий, арбитража и согласований, которые необходимо оформлять множеством документов. Обычные протестные действия — пикеты, митинги и забастовки — могут осуществляться только в рамках официального трудового спора.

границы пространства протестов, внутри которого находятся другие, которые используются работниками для отстаивания своих интересов.

Самой привычной и традиционной формой борьбы работников считается забастовка, то есть **полная или частичная остановка работы**. Законная забастовка может быть только частью коллективного трудового спора, о котором говорилось выше, а все другие акции, связанные с остановкой работы, попадают в число незаконных. Тем не менее количество случаев стихийной остановки работы каждый год исчисляется сотнями. Практически каждая четвертая акция сопровождается остановками работы — частичными (15%), когда прекращается работа отдельных подразделений (участков, цехов и т. п.) или когда происходит полная остановка предприятия, организации, компании (12%). Нужно иметь в виду, что остановка работ — это довольно радикальная акция, требующая от ее участников и решимости, и смелости, так как незаконная забастовка предусматривает серьезную ответственность для организаторов и участников. Работники решаются на это только в том случае, если это выглядит как ответ на еще большее беззаконие со стороны работодателя в отношении них, например, из-за многомесячных задержек зарплаты.

Самой распространенной формой протеста является **«выдвижение требований»**, то есть различные способы предъявления работодателю своих претензий или требований, высказываемых группой, через представителей или даже индивидуально, устно или письменно (40%). От обычного обсуждения такая форма отличается тем, что, высказывая претензии, работники сопровождают их угрозой перехода к более радикальным действиям. Чаще всего это выглядит как собрание работников, в ходе которого высказывается недовольство, выдвигаются требования к работодателям и иногда выдвигаются угрозы перехода к более решительным действиям. Обычно претензии готовятся заранее, хотя бывают и стихийные собрания, когда работники на месте формулируют свои требования и выдвигают их. Это простейшая, а точнее, минимальная форма протеста, требующая небольших и самых простых организационных усилий и отличающаяся от обычного внутреннего конфликта только наличием угрозы эскалации. Скорее всего, именно поэтому она используется чаще других.

Митинги и пикеты — вторая по распространенности форма протеста, во время которых работники высказывают свои претензии и требования в каком-то публичном пространстве (32%). Степень публичности может быть разной — иногда работники собираются на территории предприятия, иногда рядом с ним, но бывает, что они

выходят на улицы и площади городов. Тут следует отметить одну особенность: если митинг происходит на рабочем месте или непосредственно на предприятии, то он чаще всего возникает стихийно. А для проведения митинга за пределами предприятий уже требуются организационные усилия. Во-первых, нужно получить разрешение властей на проведение такой акции, иначе она будет незаконной и ее участники и организаторы могут преследоваться по закону. Во-вторых, это должно происходить в разрешенном месте и в разрешенное время, то есть не сразу, как только возник конфликт, а в лучшем случае через несколько дней. За это время участники должны сохранить готовность провести акцию, что бывает не всегда. Отсюда вытекает, в-третьих, что уровень организации должен быть достаточно высоким — нужен оргкомитет, который оформит документы и получит разрешение, нужна связь с участниками и их готовность действовать совместно. Но главное, такая форма протеста оформляется на основе общегражданского законодательства о массовых мероприятиях и нет необходимости организовывать сложную процедуру трудового спора. Это, безусловно, облегчает ситуацию и делает такую форму весьма популярной. Соотношение этих форм таково: на одну «внутреннюю» акцию (то есть в пределах предприятия или возле него) приходится три «внешних» (на улицах и площадях городов).

Третьей по распространенности формой протеста стало **обращение работников к властям** (31%). Это довольно странная форма, потому что она, как правило, имеет форму не требований, как это бывает при взаимодействии с работодателем, а просьбы или жалобы, обращенной к тому, кто может повлиять на позицию работодателей. Сюда относятся открытые письма, видеообращения, размещаемые в социальных сетях, всеерные рассылки информации о своих проблемах с просьбой помочь, направляемые сразу во множество инстанций от правоохранительных органов и высшего политического руководства страны до СМИ и общественных организаций. Порой такие действия работников трудно назвать протестом, и потребовалась специальная методическая работа, чтобы дать ответ на вопрос: является ли, например, видеообращение группы работников к губернатору с просьбой помочь им получить задержанную зарплату протестом или нет. Было найдено как минимум два аргумента за то, чтобы такие действия считать протестными. Во-первых, такие действия выходят за рамки как привычного, так и институционального взаимодействия работников и работодателей. Обращение к президенту, премьер-министру или губернатору никак не вписывается в обычную практику взаимодействий начальников с подчиненными,

не предусмотрено никаким законом, локальным нормативным актом или регламентом.

Во-вторых, довольно часто такие действия выглядят протестом на основании реакции работодателей. Сообщения об обращениях содержат множество описаний того, как преследуются те, кто осмелился высказать жалобу на работодателей кому-то вовне. Жалобщики порой подвергаются жесткому давлению и преследованию, примерно такому же, с каким приходится сталкиваться организаторам забастовок, хотя они всего лишь в соответствии с законом оформили жалобу в прокуратуру на задержку зарплаты или на необоснованные увольнения. Анализ текстов показывает, что даже вполне законное обращение в трудовую инспекцию может вызвать гневную реакцию работодателей, который рассматривает любое несогласие, а уж тем более обращение вовне («вынос мусора из избы»), как бунт и покушение на свою власть. Жалующихся маркируют как «бунтовщиков», им грозит увольнение, на них оказывается моральное давление, встречаются сообщения о случаях физического насилия и даже доведения жалующихся до самоубийства. Используя стилистику теоремы Томаса, работодатели рассматривают последствия подачи законной жалобы как реальное покушение на власть, как нанесение им ущерба и ведут себя так, как будто они столкнулись с реальным нанесением им ущерба и покушением на власть. Такими действиями они вводят ситуацию жалобы в поле протеста, тем самым превращая ее в протестную форму.

Множественность форм трудовых протестов

Перечень рассмотренных форм протеста выглядит довольно абсурдно. Практически никто не протестует в рамках правовой системы — большинство форм не просто не соответствуют трудовому законодательству, а порой и противозаконны. Вполне законная жалоба воспринимается как бунт, организацию митингов и пикетов работников приходится оформлять не как трудовой конфликт, а как гражданскую акцию, не используя трудовое законодательство. Во многом это обусловлено продолжающимся не первый год институциональным ослаблением регулирования трудовых отношений. Работникам все труднее самим отстаивать свои интересы в рамках закона, даже используя легальные способы. Поэтому с их стороны происходит постоянный поиск тех форм, которые способны привести к успеху. По умолчанию единого универсального способа не существует, поэтому каждый раз приходится искать, что именно в данное время, в данных условиях

поможет протестующим. Поэтому следует рассмотреть еще одну характеристику — *множественность форм трудовых протестов*. Выше говорилось, что работники не всегда ограничиваются каким-то одним способом выражения своего возмущения. Иногда они пытаются действовать комплексно, используя целые наборы протестных форм в попытках отстоять свои интересы. На рис. 2 приведены данные о количестве форм протеста в рамках одной протестной акции.

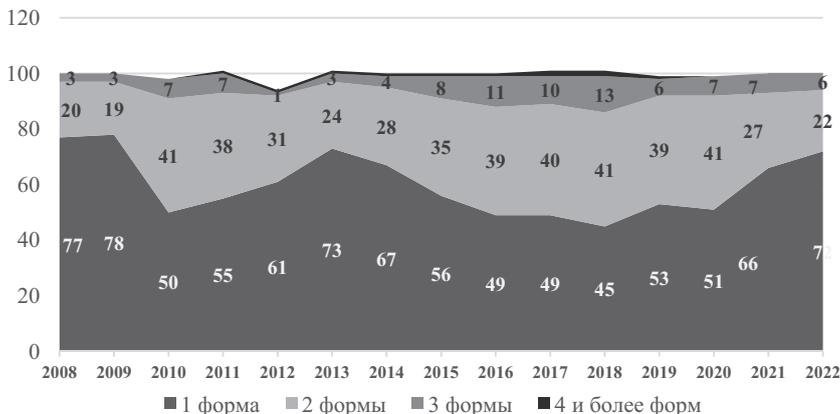

Рис. 2. Количество форм в рамках одной протестной акции в 2008–2022 годах (% от общего количества протестов)

Очевидно, что в большей части случаев работники используют какую-то одну форму протеста — доля таких простых акций колеблется от 45 (2018 год) до 78% (2009 год). Соответственно, на множественные приходится от 55 (2018 год) до 22% (2009 год). Значимость анализа соотношения простых и составных протестов заключается в том, что здесь можно судить о том, как работники пытаются найти способ урегулирования.

Радикальность протестов

Говоря о распространенности форм протеста, нельзя обойтись без понимания их различий. Общий перечень получен на основании изучения текстов о протестах, то есть это не умозрительный набор, а то, что используется в реальности. Поэтому они не выглядят пунктами, разработанными на основе какого-то одного четкого теоретического

основания. Список можно одновременно классифицировать по разным критериям. Например, протесты можно классифицировать по степени соответствия закону: законные акции (трудовой спор), акции, нарушающие трудовое законодательство (незаконная забастовка) и даже уголовное (перекрытие дорог, захват предприятий). Другое основание — это степень публичности: собрания, где выдвигаются требования, законные трудовые споры, голодовки, остановки работы, как правило, проходят внутри предприятий, а митинги, обращения к властям, перекрытия магистралей имеют публичный характер и проводятся за пределами предприятий. Но, пожалуй, самый важный критерий — это **уровень радикальности акций**, проявляющийся в интенсивности стремления работников изменить ситуацию. Высокая радикальность означает готовность участников бескомпромиссно менять ситуацию в свою пользу, не считаясь с издержками. Например, те, кто начинает голодовку, готовы остановить работу, нанести ущерб работодателю и даже своему здоровью. Наоборот, низкий уровень радикальности означает, что готовность к изменениям невелика, допускает переговоры и диалог, в ходе которого возможно даже снижение уровня требований. Смысл минимальной формы протеста (выдвижение требований к работодателю и угроза забастовкой) в том и заключается, чтобы начать переговоры и в рамках диалога добиться изменения ситуации.

Радикальность — это комбинированный критерий, включающий в себя как минимум три слагаемых: **наличие ущерба для одной из сторон, степени публичности и уровня организации**. Первое и главное слагаемое связано с направленностью действий протестующих на нанесение **ущерба**. В случае классической забастовки это экономический ущерб работодателю из-за остановки работ. Но это может быть и ущерб кому-то другому, например, при перекрытии дорог и магистралей. Также пострадавшими могут быть сами протестующие, если речь идет о потерях зарплаты во время забастовки или, еще серьезнее, — ущерб здоровью во время голодовки. Наконец, ущерб может быть репутационный, когда страдает образ, имидж работодателя. Вторая составляющая — **публичность** акций, которая тоже может быть различной. Одно дело, когда группа работников (бригада) останавливает работу и решает на рабочих местах свои проблемы с работодателем — здесь участвуют только два актора. Иное дело, если работники организуют митинг на городской площади. В этом случае невольными участниками становятся городские власти и правоохранительные органы, которые разрешают или запрещают акцию, общественность и пресса, к которой наряду с властями обращаются работники, пытающиеся таким образом

обнародовать свои проблемы и тем самым повлиять на работодателя. Наконец, третье слагаемое — *уровень организованности* протеста тоже определяет уровень радикальности. Наличие лидеров, коллегиальные органы принятия решений, связь актива с большинством протестующих (представительская функция) — все это способно усиливать потенциал протеста. Стихийно вспыхнувшая забастовка из-за задержек зарплаты может быстро прекратиться, если будут выплачены долги или даже их часть. Но если работу останавливает профсоюз или рабочей комитет, пользующийся доверием работников, то договориться с ним будет сложнее. Там уже речь пойдет не только о выплате долгов, но и о дальнейшем контроле за выплатами, графике погашения задолженностей, ответственности тех, кто допустил возникновение невыплат.

Эскалация протестов как поиск эффективных форм

Обсуждение проблемы радикальности акций необходимо для того, чтобы понять смысл множественных акций, то есть видеть в этом *процесс поиска эффективных способов воздействия* на работодателей. Не имея надежного, законного способа повлиять на ситуацию, работники перебирают разные формы, и практически всегда этот перебор имеет форму *эскалации*, то есть перехода от менее радикальных акций к более радикальным. Единственный зафиксированный в рамках Мониторинга случай, когда работники использовали шесть форм в рамках своего протеста, — это водители грузовых автомобилей, осуществляющих междугородние перевозки (дальнобойщики) и протестовавшие против введения дополнительных платежей (система «Платон») в ноябре 2015 года. Последовательность их действий выглядела так: сначала обращения к работодателям; потом к властям; далее — митинги в регионах; пикеты в столице; потом полные и частичные остановки перевозок; блокирование дорог за счет замедления движения или перекрытия их. Нужно еще подчеркнуть, что это была широкая межрегиональная акция, в которой участвовали дальнобойщики из более чем 50 регионов страны. Это была акция с высоким уровнем организованности и координации действий всех участников.

Другой пример: строители в маленьком сибирском городе начали протестовать против трехмесячных задержек зарплаты. Сначала они в соответствии с законом остановили работу по статье о задержках зарплаты; затем, все так же в соответствии с законом, организовали коллективный трудовой спор; довели его до забастовки; тем не менее все закончилось голодовкой, а потом и захватом предприятия.

В обоих случаях — и большого протеста дальнобойщиков, и локального протеста строителей — прослеживается одна и та же закономерность. Работники начинают с «мягких» акций и постепенно переходят ко все более «жестким», наносящим ущерб как работодателю, так и самим протестующим, попадающими в центр общественного внимания и даже выходящими на грань нарушения закона. Множественность форм протеста это не просто поиск эффективных способов воздействия на работодателей — это **эскалация протеста**. А доля таких составных протестов может одновременно рассматриваться как показатель отсутствия у сторон возможностей (желания) урегулирования конфликта, так и в качестве индикатора степени радикальности протестов. Чем больше форм протеста в рамках одного протеста, тем хуже качество процесса урегулирования и тем выше уровень напряженности.

Динамика форм протеста

Сложившееся соотношение в использовании различных форм протеста не всегда было именно таким в разные годы, как это показано на рис. 1. Их распространенность и соотношение менялись в разные годы. Динамика распространенности различных форм протеста приведена на рис. 3.

Соотношение разных протестных форм, которые использовались работниками, в разные годы было неодинаковым. Распространенность **законных** и **сверхрадикальных** форм остается на одном и том же низком уровне. Первые колеблются в коридоре шириной 11 процентных пунктов, от 1 до 12%, вторые — между 4 и 19%, ширина коридора 15 п. п. Причем максимальные значения в обоих случаях приходятся на первые годы наблюдений, после которых вариативность снизилась. Это, пожалуй, самые стабильные формы — их немного, но они есть всегда.

Более вариативная динамика у **остановок работы**, а точнее, у незаконных забастовок. Масштаб колебаний здесь — между 20 (2020 год) и 43% (2008 год), то есть 23 процентных пункта. Разумеется, их удельный вес выше и, соответственно, выше вариативность.

Предъявление требований работодателю является самой распространенной формой протеста, но только потому, что до 2019 года (за небольшим исключением в 2009 и 2013 годах) такой способ с большим отрывом опережал все остальные. В этот период практически в каждом втором случае протестующие работники предъявляли требования к работодателю и либо ограничивались этим, либо переходили к более радикальным акциям. Но в любом случае коллективные требования

с угрозой были основным способом выражения своего возмущения. Ситуация изменилась в 2018 году — когда работники в ходе протестов все реже обращаются к работодателю напрямую, а с 2020 года данная форма перестает быть самой распространенной. Размах вариаций здесь значительный, 41 п. п., от 13 (2009 год) до 54% (2010 год).

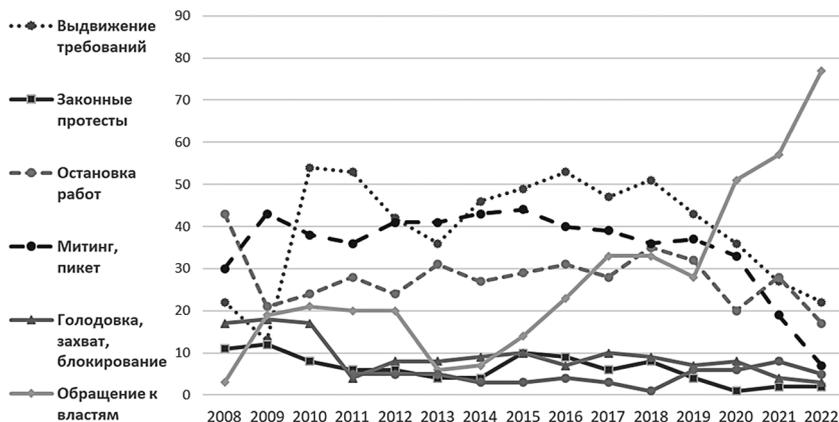

Рис. 3. Доля различных форм протеста в динамике за 2008–2021 годы (% от общего количества протестов)

Примечание 1: так как в рамках одного протеста могло быть несколько форм протеста, то сумма превышает 100%.

Примечание 2: данные сгруппированы. В категорию «Законные протесты» объединены «Остановка по статье» и «Коллективный трудовой спор»; «Остановка работ» — объединены данные «Частичная остановка работ» и «Полная остановка работ»; «Митинг, пикет» — объединены данные «Митинг, пикет», «Шествия, демонстрации», «Митинг солидарности»; «Голодовка, захват, блокирование» — объединены данные «Голодовка», «Захват предприятия», «Перекрытие магистралей».

То же самое можно сказать и про вторую по распространенности форму протеста — *митинги, пикеты, шествия* и т. п. До 2019 года приблизительно в 40% случаев работники выходили на улицы, заявляли о своих проблемах и искали поддержки у властей и общественности. Максимальной доля этой формы протеста была в 2015 году (44%), а минимальной в 2021 году (19%) — разница в 25 п. п.

Обращение к властям набирает распространенность с 2019 года. Можно с уверенностью говорить о том, что она вытеснила предыдущие

две и заменила их. Эта форма — третья по распространенности, если смотреть на весь период наблюдений (см. рис. 1), но, безусловно, главная в последние два года. Здесь виден максимальный размах — от 3% в 2008 году до 57% в 2021 году — 54 п. п.

Обращение к властям — цифровая челобитная

До 2019 года структура используемых форм протеста была стабильной, здесь почти не было таких структурных сдвигов, как, например, между отраслями, когда на рубеже 2014–2015 годов протесты сместились в зону неформальной экономики и слабого институционального регулирования (Бизюков 2019: 75–100). Причиной резкого изменения набора форм протеста после 2019 года стало значительное снижение эффективности тех способов, которые использовались раньше. То, что раньше позволяло добиться результата, перестало приносить эффект или это стало невозможно использовать. Объяснение сдвига довольно простое — именно в последние годы в стране изменилось отношение властей к проведению публичных мероприятий. Если раньше после собрания, где работодателю выдвигались требования, а он не реагировал — люди выходили на улицу, то есть выносили конфликт вовне, то в последние годы это почти невозможно. Обычно местные власти ограничивали только политические акции, но в последние годы они стали ограничивать проведение любых несанкционированных выступлений. Соответственно, это уменьшило возможности работников и профсоюзов организовывать давление на работодателей через митинги и пикеты. В таких условиях для эскалации конфликта работникам приходится или сразу переходить к жестким и радикальным акциям, «проскакывая» среднерадикальную стадию митингов и пикетов, или отказываться от своих требований. Но ситуация острого конфликта не позволяет им смириться, поэтому был найден вариант обращаться не к работодателю, а к тем, кто может повлиять на его позицию. Раньше это достигалось митингами и пикетами на площадях, а в последние годы, чтобы быть услышанными, приходится адресно обращаться в правоохранительные органы или к депутатам, губернаторам, министрам и т. п. Взрывной рост такого способа отстаивания своих интересов показывает, что арсенал мягких форм протеста значительно сузился.

На рост распространенности обращений к властям повлияло еще как минимум две причины. Во-первых, распространение интернета и социальных сетей. Наиболее популярной оказалась форма видеобращения, когда группа работников — от нескольких человек до нескольких

сотен — выстраивались группой и кто-то из них рассказывал о том, кто они, в чем их проблема и к кому они обращаются за помощью. Такое видео снимается за короткое время (после работы или в обеденный перерыв), требует минимального уровня организации и выкладывается в интернет. Во-вторых, сетевое видеообращение очень быстро делает ситуацию публичной и работодатели и власти вынуждены на нее реагировать, так как это видят не только работники, но и жители городов, где живут обращающиеся, и вышестоящее начальство всех уровней. С помощью этой формы о своих проблемах начали заявлять не только те, кто работает на крупных предприятиях или живет в городах. Работники из отдаленных сел, сотрудники маленьких организаций в глубокой провинции получили канал для озвучивания своих проблем и высказывания требований. Причем практика показывает, что это вызывает довольно оперативную реакцию властей и работодателей. Разумеется, они далеко не всегда идут навстречу работникам, но тем не менее вынуждены реагировать на такие обращения. Не имея возможности выходить на улицы и площади, в условиях фактического запрета на забастовки и при отсутствии реакции на требования работников, высказанные ими в непосредственном диалоге, работники нашли современную форму достижения публичности.

Уменьшение возможностей для мягких форм

И здесь опять виден парадокс: используя современную форму коммуникации, добиваясь широкой огласки в сетях и пабликах, работники используют архаичную форму жалобы на своих обидчиков, адресованную властям. Раньше это называлось «челобитная», которую люди низших сословий подавали высшим правителям с просьбой оградить их от притеснений и ущемлений. Сейчас из-за неэффективности институциональной системы урегулирования трудовых конфликтов архаичная форма обрела современное электронное оформление и вытеснила как прямой диалог с работодателем, так и уличную активность работников. Сужение «коридора возможностей» для работников, сталкивающихся с ухудшением своего положения, привело к отказу от форм, основанных на гражданских правах, субъектности работников. Вместо них стали использоваться способы, которые уместны в сословном обществе, где подданные обращаются к суверену с просьбой о защите. И то, с какой стремительностью взлетела популярность этой формы, показывает масштабы отката от институционального регулирования трудовых конфликтов и протестов.

В дополнение следует отметить, что структурные изменения форм протеста последних лет коснулись в основном мягких форм, которые позволяли работникам высказывать недовольство и возмущение без нанесения особого ущерба. Требование к работодателю вступить в диалог, публичное выражение своих проблем уступили место жалобам, адресованным региональному и политическому руководству страны, а также правоохрательным органам. Это стало настолько распространено, что, например, в 2021 году, если взять простые акции (те, в которых использовалась только одна форма), более половины из них (57%) были прямыми обращениями к властям, правоохрателям, депутатам и политическим акторам, а не к работодателям. Работники, чтобы получить задержанную зарплату, обращаются к губернатору, а не своему работодателю, который ее задержал! Это не предусмотрено трудовым законодательством и, в общем-то, является столь же незаконной практикой, как и стихийные забастовки и сверхрадикальные протесты, доля которых не меняется уже многие годы. По сути дела, произошла трансформация мягких форм протеста, когда от вполне законных способов, таких как собрания с выдвижением требований работодателю, митингов и пикетов, которые регулировались хоть и не трудовым, но хотя бы общегражданским законодательством, произошел переход к жалобам и челобитным, которые никак не вписываются в рамки институциональных способов регулирования конфликтов.

От институционального регулирования к «ручному управлению»: инволюция

Таким образом, весь спектр форм протеста от сверхрадикальных до мягких вышел за пределы правового регулирования. Произошел отказ от ситуации, когда для урегулирования острых трудовых конфликтов использовались более или менее институциональные формы, подразумевающие стандартные процедуры, права, обязанности сторон и т. п. Вместо них стали использоваться ситуативные, основанные на сиюминутном соотношении сил и возможности привлечь на свою сторону других акторов, способных помочь. Последнее обстоятельство весьма тревожное: обращение к другим акторам означает не просто вовлечение в конфликт работников с работодателем других субъектов. Это означает выход ситуации вовне, за пределы предприятия (фирмы, организации) и превращение трудового конфликта в более широкое социальное противостояние. В таком случае меняются роли акторов, способы их взаимодействий и формируется возможность для эскалации

и трансформации протестов из трудовых в социальные. В качестве примера можно привести протест в одном из российских городов в конце 2015 года, где работники одного из больших предприятий решили протестовать на центральной площади против задержек зарплаты. Но к ним присоединились пенсионеры, которых возмутила отмена льгот, горожане, оплатившие строительство жилья и не получившие его, водители грузовых междугородних автомобилей, протестовавшие против новых дорожных пошлин. В итоге локальный трудовой протест превратился в массовую акцию горожан, выдвигающих широкий набор требований.

В целом логика изменения форм трудовых протестов в стране выглядит как отрицание институционального подхода к регулированию конфликтов. Системы трудового права в разных странах содержат в себе подробные разделы, в которых описывается, как должны улаживаться противоречия между работниками и работодателями. Они определяют, что считать трудовым конфликтом, нуждающимся в специальном урегулировании, как стороны должны действовать, какие процедуры использовать, к каким формам выражения своей позиции они могут прибегать, а что запрещено. Например, работникам запрещается забастовка без предварительного объявления, а работодателям запрещен локаут и т. п. Определяется порядок переговоров, примирения, привлечения посредников и др. При всем разнообразии подходов к урегулированию трудовых конфликтов у них есть одна общая черта — они нацелены на то, чтобы противостояние оставалось внутри предприятия и не выплескивалось наружу, за пределы предприятия, фирмы, организации. Общество, государство кодифицирует все способы разрешения противоречий между участниками трудовых отношений, но все это не может быть сверхсложным, долгим и запутанным. Псевдоразрешительная процедура инициирует «творческий» поиск форм протеста, способного заставить работодателя услышать своих сотрудников.

Таким образом, прослеживается вполне отчетливая тенденция к смещению всех форм протеста из зоны институционального регулирования в стихийную. Полностью отрицается тот путь развития, который был проделан в XX веке для гуманизации и кодификации трудовых отношений. М. Буравой назвал такое попятное движение инволюцией, то есть не просто изменением без развития, а деградацией, отказом от уже достигнутых этапов развития. «Я придаю „инволюции“ динамичный смысл, связываю дегенерацию производства, общества и государства с экспансией обмена» (Буравой 2009: 3–12). В данном случае видна дегенерация системы институционального регулирования трудовых отношений и переход к принципу *ad hoc* или к так называемому

«ручному управлению». Это означает, что возникающие конфликты урегулируются не по заранее установленным правилам, а на основании конкретной ситуации, места, времени, потенциала каждой из сторон, их способности привлечь на свою сторону влиятельных акторов и т. п.

Основные выводы

В целом изучение форм трудовых протестов на протяжении 15 лет позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, необходимо **признать бесполезность существующего законодательства о регулировании трудовых конфликтов**. Современный российский закон о регулировании трудовых споров призван «запечатать» недовольство работников и не давать ему законных способов для реализации. Однако в стране ежегодно происходят сотни протестов разной степени радикальности, и «запретительный» закон не в состоянии остановить их. Работники используют разные формы, используют не только трудовое, а гражданское законодательство, пользуются возможностями интернета, наконец, организуют акции на грани нарушения закона, а то и преступая его. При этом законная процедура, в подавляющем большинстве случаев, остается невостребованной и конфликты разрешаются как угодно, только не в соответствии с законом.

Во-вторых, **неработающий закон запускает процесс поиска работающих форм протеста**, способных (или выглядящих такими в глазах работников) решить их проблемы. А так как практически все протесты носят локальный характер, то поиск ведется каждой группой самостоятельно, исходя из их возможностей и организаторских умений. В таких условиях, когда нет передачи опыта, координирующих центров, консультативной помощи, а главное, нет простой и эффективной известной всем процедуры — может работать только стихийный отбор, который неизбежно ведет к упрощению и примитивизации форм протеста. Мало того, локальность и ситуативность решений не дают гарантий того, что ситуация больше не повторится. После найденного сиюминутного решения, позволяющего уладить конфликт, протест может повториться по тому же поводу. В качестве примера можно привести одно из предприятий, расположенных в маленьком городе на Дальнем Востоке, где за весь срок наблюдений Мониторинга зафиксировано 14 протестов, происходивших почти ежегодно, но по одной и той же причине — из-за многомесячных задержек зарплаты. Каждый раз находилось какое-то решение, но спустя недолгое время долги опять накапливались, и рабочие снова то останавливали работу, то выходили на площадь.

В-третьих, запущенный стихийный *поиск форм протеста приводит к тому, что к ним рано или поздно адаптируются и их результативность снижается*. Начинает работать «эффект привыкания», когда неожиданные действия позволяют достигать результата только в первое время, но затем другая сторона находит способ нейтрализации и форма перестает работать. Приходится искать что-то новое. Особенность такого процесса в том, что в настоящее время практически все формы, используемые в протестах, находятся за пределами правового регулирования. Дальнейший поиск будет продолжаться не в правовом поле, не на стыке разных правовых систем, а за пределами этих зон. Скорее всего, это будут разные формы саботажа и / или несистемное насилие.

Логика инволюции форм протеста можно описать так: неработающий закон заставил искать способы, позволяющие работникам выражать свое несогласие и оказывать давление на работодателей. Какими станут последствия такой инволюции? Скорее всего, начнется *демонтаж других институтов, регулирующих трудовые отношения*. Например, уже упоминавшаяся отмена норм трудового права для тех, кто работал на строительстве объектов чемпионата мира по футболу в 2018 году. К числу таких же неудачных попыток можно отнести и попытку узаконить отмену производственных вредностей при наличии средств защиты. Эти попытки были отбиты при активном сопротивлении профсоюзов. Но вот закон о заемном труде, невыгодной для работников процедуре оценки условий труда, а главное, повышение пенсионного возраста отбить не удалось.

Здесь следует отметить один важный момент: инициатором ухудшений фактически является государство, зачастую с подачи бизнеса. Деградация методов регулирования конфликтов создает ситуацию, в которой стороны ищут того, кто обладает максимальным влиянием и ресурсом, то есть государство. Не случайно большая часть обращений работников адресована президенту, премьер-министру, губернаторам. Осознание своей доминирующей роли, при отсутствии сдерживающей институциональной силы в лице закона, приведет к тому, что власти рано или поздно заберут себе регулирующую функцию и станут формировать такие трудовые отношения, которые выгодны им и тем, кто их поддерживает. Поэтому регулирование трудовых конфликтов в рамках институционального, прежде всего правового регулирования, имеет принципиально важное значение для всего института трудового права, границ и пределов эксплуатации. Установление нормальных границ рабочего времени, размеры достойной оплаты, безопасные условия труда, правила приема и увольнения — ни один приемлемый параметр трудовых отношений не будет установлен,

если нет устойчивых и согласованных правил урегулирования противоречий, конфликтов, протестов.

Источники

Бизюков П. Траектория развития постсоветских профсоюзов: от традиции к альтернативе и обратно // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. — 2021, янв. — июль. — Т. 1–2, № 132. — С. 29–62. — URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2021/08/VOM1-2-1.pdf>.

Бизюков П. В. Подземная шахтерская забастовка // Социологические исследования. — 1995. — № 10.

Бизюков П. В. Трудовые протесты в России: территориальная и отраслевая локализация в 2008–2016 гг. // Мир России. — 2019. — Т. 28, № 1. — С. 75–100. — URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/8753>. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-75-100

Борисов В. Забастовки в угольной промышленности (Анализ шахтерского движения за 1989–1999 гг.). — М.: ИСИТО, 2001.

Борисов В. А., Козина И. М. Завал // ЭКО. — 1998. — № 7. — С. 106–124.

Бородкин Ф. М., Коряк Н. М. Внимание: конфликт! — 2-е изд., перераб. и доп. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — С. 10.

Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социологические исследования. — 2009. — № 9. — С. 3–12.

Гагаринская Г. П., Дыкина С. З. Управление трудовыми конфликтами организации (методология и практика): монография. — М.: Мир науки, 2019.

Герасимова Е. С. Коллективные трудовые споры и забастовки в России. Коллективные трудовые конфликты: Россия в глобальном контексте: монография / Под ред. Ю. П. Орловского, Е. С. Герасимовой. — М.: Юрид. фирма «Контракт», 2016. — С. 145–172.

Ильин В. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 гг.). — Сыктывкар: СыктГУ, 1998.

Лопатин Л. Н. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев / Под ред. Л. А. Гордона, А. А. Куделина. — М.: ИМЭМО РАН, 1998.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

References

Bizyukov P. Trayektoriya razvitiya postsovetskikh profsoyuzov: ot traditsii k al'ternative i obratno [Trajectory of development of post-Soviet trade unions: from tradition to alternative and vice versa]. *Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussion*, Jan.–July 2021 (1–2 (132)), pp. 29–62. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2021/08/VOM1-2-1.pdf>. (In Russ.)

Bizyukov P. V. "Podzemnaya shakhterskaya zabastovka" ["Underground Miners' Strike"]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1995, no 10. (In Russ.)

Bizyukov P. V. Trudovyye protesty v Rossii: territorial'naya i otraslevaya lokalizatsiya v 2008–2016 gg. [Labor protests in Russia: territorial and sectoral localization in 2008–2016]. *World of Russia*, 2019, vol. 28, no 1, pp. 75–100. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-75-100. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/8753>. (In Russ.)

Borisov V. *Zabastovki v ugol'noy promyshlennosti (Analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–1999 gg.)* [Strikes in the coal industry (Analysis of the miners' movement for 1989–1999)]. Moscow, ISITO, 2001. (In Russ.)

Borisov V. A., Kozina I. M. Zaval [Blockage]. *ECO*, 1998, no 7, pp. 106–124. (In Russ.)
Borodkin F. M., Koryak N. M. *Vnimaniye: konflikt!* [Attention: conflict!], 2nd ed., revised and extra. Novosibirsk, Nauka, Sib. Department, 1989. (In Russ.)

Burawoy M. Tranzit bez transformatsii: involyutsiya Rossii k kapitalizmu [Transit without transformation: Russia's involution towards capitalism]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2009, no 9, pp. 3–12. (In Russ.)

Gagarinskaya G. P., Dykina S. Z. *Upravleniye trudovymi konfliktami organizatsii (metodologiya i praktika): [Monografiya]* [Management of labor conflicts of the organization (methodology and practice)]. Moscow, Mir nauki, 2019. (In Russ.)

Gerasimova E. S. *Kollektivnyye trudovyye spory i zabastovki v Rossii: [Monografiya]* [Collective labor disputes and strikes in Russia]. Ed. Yu. P. Orlovsky, E. S. Gerasimova. Moscow, Law Firm Contract, 2016, pp. 145–172. (In Russ.)

Ilyin V. *Vlast' i ugol': shakhterskoye dvizheniye Vorkuty (1989–1998 gg.)* [Power and coal: the mining movement of Vorkuta (1989–1998)]. Syktyvkar, SyktGU, 1998. (In Russ.)

Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 19.12.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2023) [Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on December 19, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2023)], ch. 21, article 142. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/. (In Russ.)

Lopatin L. N. *Rabocheye dvizheniye Kuzbassa v vospominaniyakh yego uchastnikov i ochevidtsev* [The labor movement of Kuzbass in the memoirs of its participants and eyewitnesses]. Ed. L. A. Gordon, A. A. Kudelina. Moscow, IMEMO RAN, 1998. (In Russ.)

Бизюков Петр Вячеславович, социолог, автор и руководитель независимого информационно-аналитического проекта «Мониторинг трудовых протестов», Санкт-Петербург, Россия. bizyukov.pb@gmail.com

Bizyukov Petr V., sociologist, author and head of the independent information and analytical project «Monitoring of labor protests», St. Petersburg, Russia. bizyukov.pb@gmail.com

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-19.4fxy-9b26
EDN: AGYXWB
УДК: 316:61

М. Е. ГЛУХОВА

ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ВРАЧЕБНЫХ КОНСУЛЬТАЦИЙ*

Сегодня развитие телемедицины и дистанционных врачебных консультаций (ДВК) рассматривается в качестве одного из ключевых направлений цифровизации здравоохранения в нашей стране. Однако успех диджитализации должен измеряться не величиной предложения, а объемом спроса, а потому важной задачей становится изучение потребности и готовности разных социальных групп обращаться к таким способам взаимодействия с врачом. Представленная статья посвящена выявлению и описанию основных социально-демографических факторов, обуславливающих вовлеченность разных групп населения в использование ДВК. Данные получены в ходе социологического исследования, выполненного в комбинированной стратегии. На первом этапе проведены глубинные интервью ($N = 90$) с жителями крупных городов России, использующих цифровые технологии для заботы о здоровье и получения медицинской помощи. На втором этапе осуществлен опрос общественного мнения жителей Санкт-Петербурга по вопросам применения таких технологий в целях сохранения и поддержания здоровья, в том числе обращения к ДВК ($N = 861$). В результате было обнаружено, что жители Санкт-Петербурга довольно редко прибегают к ДВК (74% никогда не обращались к врачу дистанционно). Это связано, во-первых, с избеганием обращения к врачу в принципе и попытками самостоятельного лечения, а во-вторых, с недоверием к новым цифровым технологиям и общим недоверием к системе здравоохранения. При этом те группы, которые более всего нуждаются в новых способах коммуникации с врачом (пожилые и люди с низким доходом), оказываются наименее включены в использование ДВК.

Ключевые слова: цифровое здравоохранение, цифровые технологии, онлайн-консультации, телемедицина, опрос, интервью, дистанционные врачебные консультации.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект 20-013-00770А).

MARIYA E. GLUKHOVA

FACTORS INFLUENCING THE INVOLVEMENT OF DIFFERENT POPULATION GROUPS IN THE USE OF REMOTE CONSULTATIONS

Today, the development of telemedicine and remote medical consultations (RMC) is considered as one of the key areas of healthcare digitalization in our country. However, the success of digitalization should be measured by the volume of demand, and therefore it becomes an important task to study the need and readiness of different social groups to turn to such ways of interacting with a doctor. The presented article is devoted to the identification and description of the main socio-demographic factors that determine the involvement of different groups of the population in the use of RMC. The data were obtained in the course of a sociological study carried out in a combined strategy. At the first stage, in-depth interviews ($n = 90$) were conducted with residents of large Russian cities using digital technologies to take care of their health and receive medical care. At the second stage, a public opinion survey was conducted among residents of St. Petersburg on the use of such technologies in order to maintain and maintain health, including the appeal to the RMC ($n = 861$). As a result, it was found that residents of St. Petersburg rarely resort to RMC (74% have never consulted a doctor remotely). This is due, firstly, to the avoidance of going to the doctor and attempts at self-treatment, and secondly, to the distrust of new digital technologies and the general distrust of the healthcare system. At the same time, those groups that are most in need of new ways of communicating with a doctor (the elderly and low-income people) are the least included in the use of RMC.

Keywords: digital healthcare, digital technologies, online consultations, telemedicine, survey, interview.

Введение

Развитие цифровой медицины — одна из приоритетных задач внутренней политики страны, отраженная в целях национального проекта «Здравоохранение» (Национальный проект «Здравоохранение»). Предполагается, что цифровизация будет способствовать повышению эффективности оказания медицинской помощи, уменьшению бюджетных трат на здравоохранение, а также устранению неравенства в доступе к медицинским услугам (Lupton 2014).

Одна из важных составляющих цифровизации медицины, с которой пациенты сталкиваются уже сегодня, — это дистанционные врачебные консультации (ДВК) или телеконсультации «врач — пациент». ДВК рассматривается нами как часть телемедицинских сервисов, которая

может осуществляться как под контролем учреждений здравоохранения, так и возникать стихийно по инициативе врачей или их пациентов. Подобные услуги уже предоставляются платформами «Яндекс.Здоровье», «СберЗдоровье» и рядом других коммерческих компаний.

Во всем мире телемедицина считается актуальным направлением развития системы здравоохранения, но в России она, как указывают исследователи, особенно востребована из-за большой географической протяженности, низкой плотности населения в некоторых регионах, региональных различий в степени урбанизации и доступности медицинской помощи, а также неравномерного финансирования региональных систем здравоохранения (Перхов и др. 2010). Однако, несмотря на это, существует ряд факторов, препятствующих внедрению телемедицины в российскую систему здравоохранения.

Среди проблем можно выделить технологические и бюрократические барьеры, а также трудности организационного и правового характера. За последние 10 лет немало усилий было вложено в преодоление первых двух препятствий — развивалась цифровизация регионов (Коровкин 2020) и разрабатывалась юридическая база для внедрения новых технологий (Зингерман 2017). К проблемам практического характера можно отнести трудности внедрения новых обязанностей в рабочий день врача (Зингерман 2017), недоверие врачей к дистанционному взаимодействию с пациентами и недостаточное качество существующих медицинских онлайн-консультаций (Морозов, Владимирский, Сименюра 2020). Тем не менее пандемия COVID-19 усилила потребность в дистанционных сервисах, и некоторые учреждения здравоохранения (например, 1-й ГМУ им. Сеченова) начали внедрять их в свою деятельность (Василенко, Баблюян, Лилуохин 2021). Однако, по данным Института исследований развивающихся рынков бизнес-школы Сколково, именно объем спроса на ДВК, а не величина предложения соответствующих услуг, играет решающую роль в формировании цифрового неравенства между регионами (Коровкин 2020). По результатам исследований ВЦИОМ, 62% опрошенных россиян знают о ДВК, почти половина допускает для себя возможность дистанционного обращения к врачу, но лишь 8% когда-либо пользовались этой возможностью (Телемедицина в России: сегодня и завтра 2020).

Как отмечают исследователи, вовлеченность в новые технологически опосредованные способы коммуникации с врачом варьирует для разных групп населения (Телемедицина в России: сегодня и завтра, 2020). Обращение к ДВК предполагает обладание как техническими средствами — цифровыми и мобильными устройствами, а также устойчивым

интернет-соединением, так и соответствующими навыками — цифровой грамотностью.

В этом случае пожилые и люди с низким доходом оказываются наиболее уязвимыми, поскольку их возможности использовать цифровые технологии в целом и для заботы о здоровье в частности ограничены. Ученые отмечают, что представители старших возрастных групп значительно реже применяют цифровые инновации в своей повседневной жизни (Волченко 2016) и испытывают трудности с их использованием для коммуникации с врачом. Следует отметить, что именно в пожилом возрасте потери в продолжительности жизни, связанные с плохим здоровьем, наиболее высоки (Киселева 2011).

В то же время стоимость технологических средств, необходимых для обеспечения дистанционного взаимодействия врача и пациента, может быть слишком высокой для некоторых социальных групп, прежде всего для тех, основной источник дохода которых составляет пенсия (пожилые и люди с инвалидностью). При этом люди, обладающие меньшим доходом, сообщают о худшем состоянии своего здоровья, чем более обеспеченные (Канева, Байдин 2019).

Вместе с тем сегодня ощущается недостаток социологических данных, позволяющих судить о вовлеченности населения России в ДВК и готовности пользоваться новыми сервисами телемедицинских консультаций. Настоящее исследование частично восполняет этот пробел. Мы стремились выявить, как в действительности (как именно) представители разных социальных групп используют ДВК, а также факторы, препятствующие внедрению цифровой медицины в нашей стране.

Цель исследования

Выявить и описать основные факторы, обеспечивающие вовлеченность разных социальных групп в ДВК. В фокусе нашего внимания находятся онлайн- или телефонные консультации, а также их смешанные и промежуточные формы.

Методология

Представленное исследование является частью крупного проекта, выполненного в комбинированной стратегии и посвященного изучению использования цифровых технологий жителями России для заботы о здоровье и получения медицинской помощи. Обращение к ДВК

рассматривается как одна из практик цифровой заботы о здоровье. На первом этапе проведены глубинные интервью ($n = 90$), а на втором — опрос общественного мнения населения Санкт-Петербурга ($n = 861$).

1. Полуструктурированные интервью

Сбор интервью проводился в период с августа 2020 по апрель 2021 года, всего собрано 90 интервью. Построение выборки выполнено методом доступных случаев с элементами метода «снежного кома». Критерием включения информантов в выборку служил опыт использования цифровых технологий для сохранения и поддержания здоровья. Нам важно было охватить максимально широкий спектр способов применения цифровых инноваций — от полного отказа до их активного применения, в том числе для получения ДВК. Интервью проводились до возникновения «теоретического насыщения», то есть ситуации, в которой каждое последующее интервью не добавляет новых сюжетов к ранее полученным материалам.

В полученной выборке оказались 25 мужчин и 65 женщин в возрасте от 18 до 78 лет. Информанты — преимущественно жители крупных городов: Санкт-Петербурга, Москвы, Ульяновска, Петрозаводска, Нижнего Новгорода, Ярославля. Представлены все возрастные группы, люди с хроническими заболеваниями, инвалидностью, разного семейного статуса и дохода.

Полученные в ходе интервью данные были проанализированы в технике тематического кодирования (кодирование небольших секвенций текста, выделение и интерпретация основных тем в интервью (Clarke, Braun, Hayfield 2015)).

2. Опрос населения Санкт-Петербурга

По результатам предварительного анализа интервью была составлена анкета для изучения общественного мнения населения Санкт-Петербурга. Телефонный опрос проведен при помощи Ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования»¹ в августе 2021 года. Выборка репрезентативная (квотная по полу и возрасту), данные взвешены, $n = 861$. Телефонные интервью позволили включить в исследование также респондентов, наименее активно использующих Интернет в своей повседневной жизни. Примечательно, что сбор данных проводился в период пандемии,

¹ Проект № 106-21779.

когда доступность медицинской помощи менялась в силу эпидемиологических причин.

В выборке представлены жители всех районов Санкт-Петербурга, проживающие в городе не менее 1 года. Среди них 56% женщин и 44% мужчин. Средний возраст — 37,7 года. Практически половина участников исследования имеют высшее образование (48%), 47% состоят в зарегистрированном браке, 51% работают по найму, 52% имеют хронические заболевания.

Таблица 1

Распределение респондентов по полу и возрасту (до импутации), чел.

Возраст, лет	18–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
Мужчины	94	87	62	67	67
Женщины	93	84	74	85	148

Количественный анализ данных проводился с использованием метода биномиальной логистической регрессии. Вычисления выполнены с помощью программного обеспечения RStudio, версия 7872775e, 2022-07-22 для Windows. Пороговый уровень значимости — $p = 0.05$.

Результаты опросов общественного мнения обычно характеризуются высоким количеством «шума» и пропущенных значений. Так, доля пропусков в используемых в данной статье предикторов составляла от 0,35 до 11,61% (в среднем — 2,6%). Поскольку эти пропуски принадлежат разным кейсам, потеря данных достигает 212 наблюдений (25% от общего числа наблюдений). Чтобы этого избежать, перед моделированием была выполнена множественная импутация¹ с помощью пакета Amelia². Условием импутации является случайность пропущенных значений, которая проверяется с помощью MCAR-теста (Little 1988; Honaker, King, Blackwell 2011). Данные, собранные в результате опроса, удовлетворяли этому требованию ($\chi^2 = 7632, p = 0$).

¹ Импутация — процедура, которая позволяет восстановить пропущенные значения на основе существующих без изменения вариации в исходных данных с целью получения более полных и точных результатов последующего статистического анализа.

² Импутация произведена автоматически на основании ответов других схожих информантов с сохранением значений мер центральной тенденции и разброса, подробнее см. (Фомина 2019).

Таблица 2

Описательные статистики предикторов регрессионной модели

Признак	Медиана	Интерквартильный размах	Доля пропущенных значений
Возраст	46	28	0,35%
Самооценка здоровья (от 1 — очень плохо до 7 — очень хорошо)	5	2	1,51%
Изучаемый качественный признак	Абсолютные частоты	Относительные частоты	Доля пропущенных значений
Последнее посещение врача происходило в рамках ДМС	78	9%	4,88%
Последнее посещение врача происходило в рамках ОМС	564	65%	
Последнее посещение врача происходило на платной основе	217	25%	
Не приходилось проверять диагноз и / или назначения врача за последний год	731	85%	0,58%
Приходилось проверять диагноз и / или назначения врача за последний год	130	15%	
Заботились об эмоциональном / психическом здоровье в течение последнего месяца	226	26%	0,81%
Заботились об эмоциональном / психическом здоровье в течение последнего года и более	178	21%	
Никогда не заботились об эмоциональном / психическом здоровье	456	53%	

Табл. 2 (окончание)

Признак	Медиана	Интерквартильный размах	Доля пропущенных значений
Не хватает на продукты питания и одежду	37	4%	11,61%
Хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения	109	13%	
Хватает на продукты питания и одежду, но не на мелкую технику	123	14%	
Хватает на мелкую технику, но покупка крупной техники требует накоплений	354	41%	
Хватает на крупные покупки, но не на недвижимость и авто	184	21%	
Хватает на покупку недвижимости и автомобиля	52	6%	
Использовали нецифровые приборы для контроля показателей здоровья в течение последних 6 месяцев	143	17%	0,93%
Использовали нецифровые приборы для контроля показателей здоровья в течение последнего месяца	162	19%	
Использовали нецифровые приборы для контроля показателей здоровья в течение последней недели	340	39%	
Использовали нецифровые приборы для контроля показателей здоровья более полугода назад или никогда	215	25%	

Для выявления и описания ключевых особенностей социальных групп, имеющих опыт вовлечения в ДВК, был проведен регрессионный анализ (биномиальная регрессионная модель с бинарной зависимой переменной, порог значимости $p < 0.05$). Предикторы, измеренные в номинальных шкалах (например, частота заботы о психическом здоровье и использования нецифровых приборов для контроля показателей здоровья), были перекодированы так, чтобы представлять равнонаполненные группы (результаты представлены в табл. 2).

Ввод предикторов в модель осуществлялся «индуктивным» способом (методом последовательного включения) — сначала была добавлена переменная возраста, затем в полученную модель добавлялись другие предикторы. Выбор между такими «вложенными» моделями происходил с помощью критерия Акаике (AIC), позволяющего сравнить модели, отличающиеся друг от друга на один «шаг» — один добавленный или убранный предиктор. Последующая проверка с помощью функции `step()` подтвердила, что финальная модель оказалась наиболее оптимальной.

Так как зависимая переменная — «Когда вы в последний раз посетили врача дистанционно?» — распределена неравномерно с сильным смещением в сторону одной категории — «никогда», она была перекодирована в бинарную с вариантами ответа «никогда не посещал» / «когда-либо посещал», чтобы отразить опыт участия в ДВК (распределение ответов см. в табл. 3).

Тест на мультиколлинеарность выявил отсутствие линейной зависимости между объясняющими переменными (все значения GVIF $< 2,8$). Оценка качества модели показала, что ее точность составляет 75%, причем модель лучше предсказывает неиспользование ДВК, чем использование (специфичность — 95%, чувствительность — 14%).

Результаты

ДВК в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга

Опрос населения показал, что жители Санкт-Петербурга редко используют ДВК: 74% никогда не прибегали к использованию телемедицинских сервисов, мессенджеров или электронной почты для связи

с врачом, и лишь 10% делали это в течение последнего месяца¹. При этом телемедицинские сервисы, предоставляемые специализированными коммерческими платформами, использовали всего 5% опрошенных.

Таблица 3

Когда Вы в последний раз посещали врача дистанционно?

Когда Вы в последний раз посещали врача дистанционно?	Процент опрошенных
В течение последней недели	5
В течение последнего месяца	5
В течение последних 6 месяцев	7
От полугода до года	3
Более года назад	5
Никогда	75

Описывая свой последний опыт дистанционной коммуникации с врачом, 50% из числа прибегавших к данной услуге указали, что это происходило в рамках повторной консультации у лечащего врача, и 30% — что обращались к «доверенному» врачу. Еще 13% обратились к врачу, которого им посоветовали родственники, и лишь 6,3% получили консультацию на специализированных платформах («Яндекс.Здоровье», «Сбер.Здоровье»). В рамках ОМС медицинскую консультацию получали 30% опрошенных, в то время как в рамках ДМС — всего 11%.

В совокупности данные интервью и опроса позволяют предполагать, что ДВК востребованы прежде всего как консультации по поводу результатов медицинской диагностики и корректировки назначений. Говоря о приемлемости использования ДВК в принципе, информанты чаще всего отмечали именно повторный прием у врача как единственную возможную форму дистанционного приема. Они указывали, что в этом случае инициатива использования ДВК может исходить от врача. Использование цифровых технологий для дистанционной связи экономит

¹ Подробнее о распределении разных способов использования цифровых технологий в заботе о здоровье среди населения Санкт-Петербурга см. (Богомяглова, Орех, Глухова 2022).

время обеих сторон коммуникации, поэтому оценивается положительно. В этом случае для ДВК используются привычные каналы связи: мессенджеры и электронная почта.

В ходе интервью наличие такого опыта часто отмечали люди с хроническими заболеваниями, требующими постоянного наблюдения и предупреждения обострений, а также информанты с маленькими детьми. В этом случае пациенты имеют номер личного телефона врача и используют его в «неотложных» ситуациях для кратких консультаций по схемам лечения и корректировки сделанных ранее назначений. Иногда «доверенными» становятся врачи, с которыми информанты имеют личные отношения, — друзья, родственники и т. д. Информанты также отмечали преимущества ДВК во время ограничений, связанных с пандемией COVID-19, когда они становились практически единственной возможностью получить медицинскую помощь в ситуации не критических состояний здоровья.

Неформальный характер таких ДВК является как преимуществом, так и недостатком. С одной стороны, пациенты соглашались со свободой специалиста не отвечать на их вопросы и стремятся не злоупотреблять его расположением. Получение личного номера врача расценивается как «жест доброй воли» с его стороны и положительно влияет на отношения доверия. С другой стороны, отсутствие четко определенных договоренностей порождает практики неформальных платежей, которые могут ощущаться как недостаточные и / или «неловкие».

Особенности использования ДВК разными социальными группами

В табл. 4 приведены полученные регрессионные коэффициенты. Согласно совокупному коэффициенту псевдо- R^2 , полученная модель объясняет 12% вариации зависимой переменной и дает основания для выявления нескольких основных факторов вовлечения в телемедицинские консультации, таких как доход и активное использование других практик для заботы о здоровье.

Из табл. 4 следует, что вероятность использования ДВК возрастает пропорционально увеличению дохода. Можно предположить, что люди с высоким уровнем дохода могут позволить себе использование как платных телемедицинских сервисов, так и опираться на договоренности о личных контактах с врачами в частных клиниках. Это подтверждается следующими данными: для тех, кто использует ДМС, вероятность общения с врачом дистанционно возрастает практически в два раза.

Таблица 4

Результаты логистической регрессии

Признак	Отношение шансов	Доверительный интервал	<i>p</i>
Возраст	0.97	0.96–0.98	<0.001
Последнее посещение врача [В рамках ДМС]*	1.96	1.14–3.33	0.014
Самооценка здоровья	0.88	0.78–1.00	0.043
Приходилось ли проверять другого врача за последний год [Нет]**	0.64	0.42–0.99	0.045
Частота заботы об эмоциональном / психическом здоровье (посещение психолога, психотерапевта и др.) [В течение последнего года и более]***	1.61	1.05–2.46	0.027
Частота заботы об эмоциональном / психическом здоровье (посещение психолога, психотерапевта и др.) [В течение последнего месяца]	1.98	1.34–2.92	0.001
Доход	1.29	1.10–1.50	0.001
Частота использования нецифровых приборов для контроля показателей здоровья [В течение последних 6 месяцев]****	1.72	1.00–2.96	0.049
Частота использования нецифровых приборов для контроля показателей здоровья [В течение последнего месяца]	2.08	1.23–3.52	0.006
Частота использования нецифровых приборов для контроля показателей здоровья [В течение последней недели]	2.25	1.41–3.65	0.001

* По сравнению с теми, кто в последний раз посещал врача по ОМС.

** По сравнению с теми, кому приходилось перепроверять диагноз или назначения врача за последний год.

*** По сравнению с теми, кто никогда не заботился о своем психическом здоровье.

**** По сравнению с теми, кто никогда не использовал нецифровые приборы для контроля показателей здоровья.

Те респонденты, кто чаще заботится о своем психическом здоровье (медитирует, посещает психолога или психотерапевта), и те, кто чаще использует нецифровые приборы для контроля показателей здоровья, имеют более высокие шансы использования ДВК (в среднем вероятность вовлечения в онлайн-консультации для них возрастает в 1,8 и 2,0 раза соответственно). Также с возрастанием самооценки здоровья на 12% уменьшается вероятность пользования телеконсультациями. Можно заключить, что ДВК наиболее востребованы среди тех, кто привык следить за своим здоровьем и чувствует в этом необходимость (более критично оценивает свое состояние). Кроме этого, посещение психолога и психиатра сравнительно легко перенести в онлайн-формат (что подтверждается данными интервью, в которых единственным «врачом», к которому можно обратиться дистанционно, некоторые информанты называли психолога). В свою очередь, показания нецифровых приборов сами могут стать предметом дистанционной коммуникации — например, когда пациент регулярно сообщает своему лечащему врачу показатели здоровья.

Те, кому в течение последнего года приходилось перепроверять диагноз или назначения врача, имеют больше шансов использовать ДВК. Мы полагаем, что это свидетельствует о закреплении практики искать «второе мнение» у знакомых врачей или путем получения телеконсультаций как более дешевого и менее затратного аналога очного приема.

С увеличением возраста респондента вероятность использования ДВК падает. Это может быть связано прежде всего с низкой компьютерной грамотностью людей старшего возраста, физиологическими ограничениями («глаза быстро устают от экранов»), а также с недостатком средств на покупку нужной техники. Общее недоверие к новым технологиям, которое характерно для пожилых людей, может препятствовать вовлечению в ДВК (Волченко 2026).

Связей между частотой использования ДВК и полом, наличием хронических заболеваний, типом занятости, брачным статусом и уровнем образования выявлено не было — эти предикторы были удалены на этапе поиска оптимальной модели.

Причины использования ДВК

Среди причин использования ДВК большинство опрошенных назвали возможность получения быстрой консультации до очного визита к врачу (59%), отсутствие необходимости очного посещения врача (39%), а также удобство ДВК именно в условиях пандемии

COVID-19 (39%). Чуть менее четверти респондентов отметили, что к использованию ДВК их подталкивает возможность получить еще одно мнение о характере заболевания (22%). Еще 14% опрошенных ответили, что их «доверенный» врач недоступен для личного приема. Наименее популярными причинами использования ДВК были советы друзей и знакомых (9%) или возможность получения анонимной консультации (7%).

Следует отметить, что для жителей Санкт-Петербурга ДВК не становится заменой традиционным очным консультациям, а дополняет их. Так, 59% опрошенных, имевших опыт ДВК, используют их до визита к врачу. В интервью информанты отмечали, что ДВК может предшествовать очному приему, чтобы определить, насколько он необходим и к какому врачу нужно обратиться.

Отсутствие необходимости посещения врача, а также опасения и ограничения, связанные с пандемией COVID-19, являются вторыми по популярности причинами выбора ДВК (их отметили по 39% респондентов с опытом использования ДВК). Информанты отмечали загруженность государственных поликлиник, невозможность записаться на ближайшее время, а также частые очереди у кабинета врача, несмотря на прием по записи. В этом случае выбор в пользу ДВК обусловлен значительной экономией времени и отсутствием рисков заразиться и быть зараженным.

Причины неиспользования ДВК

Лидирующей причиной отказа от ДВК является недоверие к цифровым технологиям и приверженность «традиционным» способам взаимодействия с врачом (на очных консультациях). Как следует из интервью, такое недоверие может объясняться субъективной связью между постановкой диагноза и мануальным осмотром (табл. 5).

Следующие по распространенности причины неиспользования онлайн-консультаций носят практический характер: на данный момент ни телемедицинские сервисы, ни неформальные онлайн-консультации не предполагают выдачу рецептов пациентам и просмотр его медицинской карты (за редким исключением, когда дистанционную консультацию оказывает лечащий врач). Во время интервью информанты также отмечали, что при ДВК нельзя сдать анализы, что, с их точки зрения, делает консультацию бессмысленной и неинформативной.

К другой группе причин можно отнести смещение ролей во взаимодействии «врач — пациент». В интервью большинство информантов были уверены, что сами несут ответственность за свое здоровье, однако

врач ответственен за правильную постановку диагноза и выбор курса лечения. Результаты опроса подтвердили это наблюдение, показав, что 15 и 11% респондентов не хотят нести ответственность за корректность передачи своих симптомов врачу и заниматься самодиагностикой соответственно.

Таблица 5

Почему Вы пользуетесь услугами телемедицины?

Почему Вы пользуетесь услугами телемедицины?	Процент ответивших
Не знал / не знаю о такой возможности	16
Отсутствие возможности проведения физического осмотра врачом	25
Невозможность получения рецептов дистанционно	10
Невозможность постановки диагноза дистанционно	27
Необходимость проведения самодиагностики	11
Ответственность за корректное описание симптомов врачу	15
Повышенная вероятность выдачи некорректных рекомендаций	24
Отсутствие у врача информации о состоянии здоровья пациента в ретроспективе (о прошлых заболеваниях, их частоте, характере течения)	16
Анонимизированный характер взаимодействия	8

Анализ результатов в категории «Другое» позволил выявить еще несколько причин избегания ДВК. Одной из них являются технические ограничения: это и неумение использовать цифровые технологии (6%), и отсутствие необходимой техники — компьютеров, смартфонов и т. д. (7%). Другой распространенной причиной неиспользования ДВК является отсутствие в необходимости посещать врача.

Обсуждение результатов

Следует отметить, что респонденты испытывают потребность в дистанционной форме взаимодействия с врачами, особенно в период пандемии и коронавирусных ограничений. Несмотря на низкую

популярность ДВК на базе специализированных коммерческих платформ, благодаря инициативе пациентов и врачей возникают гибридные и промежуточные формы ДВК. Среди них повторная консультация по поводу результатов медицинской диагностики, общение с «доверенным» врачом о течении хронического заболевания или состоянии ребенка. Выявленные нами формы дистанционной коммуникации «врач — пациент» в целом согласуются с описанными исследователями ранее (Зингерман 2017).

Недоверие цифровым технологиям является одним из наиболее существенных препятствий внедрению ДВК. Респонденты опасаются, что при использовании онлайн-сервисов или других способов дистанционной связи с врачом падает качество диагностики. К сожалению, данные проведенных исследований скорее подтверждают это опасение (Морозов, Владимирский, Сименюра 2020).

Важно отметить, что мнение населения относительно ДВК, выявленное в настоящем исследовании, в целом совпадает с мнением медицинского сообщества (Опрос российских врачей). Так, участники нашего исследования полагают, что ДВК непригодны для первичного приема, но допустимы для ведения повторных консультаций, обмена медицинскими документами и информацией о медицинских показателях.

Опыт перепроверки диагноза или назначений, полученных от врача, увеличивает шансы использования ДВК. Как свидетельствуют предыдущие исследования, пациенты часто обращаются к интернету для уточнения врачебных рекомендаций (Зингерман 2017). Можно предположить, что использование цифровых инноваций в целом более привычно для таких пациентов, а соответственно, они обладают необходимыми навыками и для обращения к телемедицинским сервисам. Дополняя этот вывод, можно предположить, что ДВК также становится одним из инструментов перепроверки информации, полученной от другого медицинского специалиста.

В нашем исследовании пожилые и люди с низким доходом оказались теми, кто менее всего вовлекается в использование ДВК. Из предшествующих исследований известно, что именно эти категории населения оказываются особенно нуждающимися в телемедицинских сервисах, так как, во-первых, чаще испытывают проблемы со здоровьем и, во-вторых, сильнее ограничены в средствах решения этих проблем (Moody 2022).

Интересно, что портрет «типичного» пациента ДВК в России отличается от составленного по результатам зарубежных исследований.

Если за рубежом вовлеченность в телеконсультации имеет гендерную специфику (Владимирский 2018), то в нашем исследовании разницы в вероятности использования ДВК между мужчинами и женщинами выявлено не было.

Выводы

По результатам комбинированного исследования можно заключить, что обращение к ДВК не является популярной практикой (74% респондентов никогда их не использовали). Это может быть связано с недоверием к цифровым технологиям, а также отсутствием необходимого технического оснащения и навыков использования цифровой техники. Основной мотивацией использования ДВК являются коронавирусные ограничения и отсутствие необходимости тратить время на очный прием (при условии консультации с лечащим или «доверенным» врачом).

Уменьшение вероятности использования ДВК связано с увеличением возраста респондента, лучшими субъективными оценками состояния своего здоровья и отсутствием необходимости перепроверять назначения лечащего специалиста. Наоборот, респонденты с большим доходом, привыкшие следить за своим здоровьем (и физическим, и психическим), имеют больше шансов прибегать к ДВК.

Источники

Богомяжкова Е. С., Орех Е. А., Глухова М. Е. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга // Социологические исследования. — 2022. — № 10. — С. 145–155.

Василенко М. А., Баблюян Н. В., Лилухин А. М. Доступная телемедицина в условиях борьбы с пандемией COVID-19 // Материалы XI международной учебно-методической конференции «Инновации в образовании» (г. Краснодар, 24 марта 2021 г.). — Краснодар, 2021. — С. 65.

Владимирский А. В. Эффективность телемедицинских консультаций «пациент-врач»: status praesens // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. — 2018. — № 3 (8). — С. 64–70.

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2016. — № 5 (135). — С. 163–182.

Зингерман Б. В. О телемедицине «пациент-врач» // Врач и информационные технологии. — 2017. — № 1. — С. 61–79.

Канева М. А., Байдин В. М. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. — 2019. — № 12 (546). — С. 105–123.

Киселева Е. С. Продолжительность жизни и здоровье населения старшего возраста в России // Вестник Московского ун-та. Серия 6: Экономика. — 2011. — № 2. — С. 93–100.

Коровкин В. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? / Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (IEMS). — 2020.

Морозов С. П., Владимирский А. В., Сименюра С. С. Качество первичных телемедицинских консультаций «пациент-врач» (по результатам тестирования телемедицинских сервисов) // Врач и информационные технологии. — 2020. — № 1. — С. 52–62.

Национальный проект «Здравоохранение». [Электронный ресурс]: Комитет по здравоохранению Санкт-Петербурга [сайт]. — URL: <http://zdrav.spb.ru/ru/programms/zdorovie/> (дата обращения: 05.03.2022).

Опрос российских врачей «Информатизация здравоохранения, телемедицина и дистанционная диагностика». [Электронный ресурс]: Компания OnDoc. [сайт]. — URL: <https://drive.google.com/file/d/0B82zynEeVggIOWMtdFk2TmF5QWc/view> (дата обращения: 05.03.2022).

Перхов В. И. и др. О необходимости использования телеконсультаций при организации оказания высокотехнологичной медицинской помощи // Врач и информационные технологии. — 2010. — № 1. — С. 21–29.

Телемедицина в России: сегодня и завтра. [Электронный ресурс]: ВЦИОМ [сайт]. 26.05.2020. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicizina-v-rossii-segodnya-i-zavtra> (дата обращения: 05.03.2022).

Фомина Е. Е. Обзор методов и программного обеспечения для восстановления пропущенных значений в массивах социологических данных // Гуманитарный вестник. — 2019. — № 4 (78). — С. 10.

Clarke V., Braun V., Hayfield N. Thematic analysis // Qualitative psychology: A practical guide to research methods. — 2015. — Vol. 222, No. 2015. — P. 248.

Honaker J., King G., Blackwell M. Amelia II: A program for missing data // Journal of Statistical Software. — 2011. — Vol. 45. — P. 1–47.

Little R. J. A. A Test of Missing Completely at Random for Multivariate Data with Missing Values // Journal of the American Statistical Association. — 1988. — Vol. 83, No. 404. — P. 1198–1202.

Little R. J. A. Statistical Analysis with Missing Data. — N. Y.; London: John Wiley & Sons, 2019.

Lupton D. Critical perspectives on digital health technologies // Sociology compass. — 2014. — Vol. 8, No. 12. — P. 1344–1359.

Moody L. et al. Identifying individual enablers and barriers to the use of digital technology for the self-management of long-term conditions by older adults // Journal of Medical Engineering & Technology. — 2022. — P. 1–14.

References

Bogomyagkova E. S., Orekh E. A., Glukhova M. E. Tsifrovye tekhnologii v praktikah zaboty o zdorovie zhitelei Sankt-Peterburga [Digital technologies in the practice of caring for the health of residents of St. Petersburg]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2022, no 10, pp. 145–155. (In Russ.)

Clarke V., Braun V., Hayfield N. Thematic analysis. *Qualitative psychology: A practical guide to research methods*, 2015, vol. 222, no 2015, p. 248.

Fomina E. E. Obzor metodov i programmogo obespecheniya dlya vosstanovleniya propushchennykh znachenii v massivakh sotsiologicheskikh dannykh [Review of methods and software for recovery of missed values in sociological datasets]. *Gumanitarnyy vestnik*, 2019, no 4 (78), p. 10. (In Russ.)

Honaker J., King G., Blackwell M. Amelia II: A program for missing data. *Journal of statistical software*, 2011, vol. 45, pp. 1–47.

Kaneva M. A., Baydin V. M. Neravenstvo v dokhode i samoosnena zdorovia v Rossii [Inequality in income and self-worth of health in Russia]. *ECO*, 2019, no 12 (546), pp. 105–123. (In Russ.)

Kiseleva E. S. Prodolzhitel'nost' zhizni i zdorovie naseleniya starshego vozrasta v Rossii [Life expectancy and health of the older population in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, 2011, no 2, pp. 93–100. (In Russ.)

Korovkin V. *Tsifrovaya zhizn' rossiyskikh regionov 2020. Chto opredeliaet tsifrovoy razryv?* [Digital life of Russian regions 2020. What Defines the Digital Divide?]. Institute for Emerging Markets Research, SKOLKOVO Business School (IEMS), 2020. (In Russ.)

Little R. J. A. A Test of Missing Completely at Random for Multivariate Data with Missing Values. *Journal of the American Statistical Association*, 1988, vol. 83, no 404, pp. 1198–1202.

Little R. J. A. *Statistical Analysis with Missing Data*. N. Y.; London, John Wiley & Sons, 2019.

Lupton D. Critical perspectives on digital health technologies. *Sociology compass*, 2014, vol. 8, no 12, pp. 1344–1359.

Moody L. et al. Identifying individual enablers and barriers to the use of digital technology for the self-management of long-term conditions by older adults. *Journal of Medical Engineering & Technology*, 2022, pp. 1–14.

Morozov S. P., Vladzimirsky A. V., Simenyura S. S. Kachestvo pervichnykh teleditsinskiykh konsul'tatsiy "patsient-vrach" (po resul'tatam testirovaniya teleditsinskiykh servisov) [Quality of primary telemedicine consultations "patient-doctor" (based on the results of testing telemedicine services)]. *Vrach i informatsionnyye tekhnologii*, 2020, no 1, pp. 52–62. (In Russ.)

Natsional'nyy proyekt "Zdravookhraneniye" [National project "Healthcare"]. URL: <http://zdrav.spb.ru/ru/programms/zdorovie/> (access date: 05.03.2022). (In Russ.)

Opros rossiyskikh vrachey "Informatizatsiya zdavookhraneniya, teleditsina i distantsionnaya diagnostika" [Poll of Russian doctors "Informatization of health-care, telemedicine and remote diagnostics"]. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B82zynEeVggIOWMtdFk2TmF5QWc/view> (access date: 05.03.2022). (In Russ.)

Perkhov V. I. et al. O neobkhodimosti ispol'zovaniya telekonsul'tatsiy pri organizatsii okazaniya vysokotekhnologichnoi meditsinskoj pomoshchi [On the need to use teleconsultations in the organization of providing high-tech medical care]. *Vrach i informatsionnyye tekhnologii*, 2010, no 1, pp. 21–29. (In Russ.)

Telemeditsina v Rossii: segodnya i zavtra [Telemedicine in Russia: today and tomorrow]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicizina-v-rossii-segodnya-i-zavtra> (access date: 05.03.2022). (In Russ.)

Vasilenko M. A., Babloyan N. V., Lilyukhin A. M. Dostupnaya telemeditsina v usloviyakh bor'by s pandemiei COVID-19 [Available telemedicine in the fight against the pandemic COVID-19]. *Materials of the XI International Educational and Methodological Conference "Innovations in Education"* (Krasnodar, March 24, 2021). Krasnodar, 2021, p. 65. (In Russ.)

Vladimirsky A. V. Effektivnost' telemeditsinskikh konsul'tatsiy "patsient-vrach": status praesens [Effectiveness of telemedicine consultations "patient-doctor": status praesens]. *Zhurnal telemeditsiny i elektronnoy zdravookhraneniya*, 2018, no 3 (8), pp. 64–70. (In Russ.)

Volchenko O. V. Dinamika tsifrovogo neravenstva v Rossii [Dynamics of Digital Inequality in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye izmeneniya*, 2016, no 5 (135), pp. 163–182. (In Russ.)

Zinherman B. V. O telemeditsine "patsient-vrach" [About telemedicine "patient-doctor"]. *Vrach i informatsionnyye tekhnologii*, 2017, no 1, pp. 61–79. (In Russ.)

Глухова Мария Евгеньевна, аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.
mglukhova@eu.spb.ru

Glukhova Mariya E., PhD student at the European University in St. Petersburg, Russia.
mglukhova@eu.spb.ru

СОЦИОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-19.k3c3-4h79

EDN: FAOHNY

УДК: 316.772

Д. А. Потапов

ГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН В ОПТИКЕ СЕМИОТИКИ И ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье анализируются особенности графического дизайна как особой формы, наделенной собственной абстрактной интерпретацией и внутренним смыслом. С этой точки зрения структурализм и понимающая социология позволяют исследователю понять, не только в чем заключается специфика семиотики или коммуникационного акта между автором графического символа и носителем этого символа, но и дает возможность исследователю понять, как символ способен влиять на те или иные действия носителей этих символов. В данной статье рассматриваются подходы, с помощью которых можно изучать графический дизайн, и как можно его интерпретировать, опираясь на структурные элементы графического символа, путем наложения структурализма и понимающей социологии.

Ключевые слова: графический дизайн, графический символ, знак, структурализм, понимающая социология, интерпретация.

DMITRY A. POTAPOV

GRAPHIC DESIGN IN THE OPTICS OF SEMIOTICS AND UNDERSTANDING SOCIOLOGY

The article analyzes the features of graphic design as a special form endowed with its own abstract interpretation and inner meaning. From this point of view, structuralism and understanding sociology allows the researcher to understand not only what is the specificity of semiotics or a communication act between the author of a graphic symbol and the bearer of this symbol, but also enables the researcher to understand how the sign is able to influence certain actions of the bearers of symbols. This article discusses the approaches by which graphic design can be studied, and how it can be interpreted based on the structural elements of a graphic symbol, by superimposing structuralism and understanding sociology.

Keywords: graphic design, graphic symbol, sign, structuralism, understanding sociology, interpretation.

Введение

Графический дизайн как область проектно-художественной деятельности способен выражать различные идеи и смыслы в виде уникальных графических логотипов, шрифтов, изображений и т. п. Задача графического дизайнера заключена в его стремлении показать запоминающимся и считываемым все то, что находится в поле зрения общества.

В данной статье нами предпринята попытка раскрытия логики интерпретации графической визуализации с помощью структурализма и понимающей социологии. Во время взаимодействия индивидов возникает комплекс релевантных значимостей, выраженных в символах. Именно с помощью этих символов индивиды и объясняют свои действия в тех или иных ситуациях, а исследователь их интерпретирует. Структуралистский подход стремится объяснить знаковые системы, поведение людей через призму уникального смысла и структуры, поскольку благодаря семиотическому анализу обнаруживаются закономерности, которым подчиняется общество или индивид.

Возникает комплексность в двойственной природе знака (соответствие визуала и смысла), а также в понимании графического символа как элемента коммуникационного акта. Именно благодаря логике этих социологических моделей мы способны сначала реконструировать определенные взаимосвязи графических элементов, в формах которых выражены социальные феномены, а затем реконструировать их значения как функции определенного символического порядка. Основная задача выбранного фокуса: интерпретация скрытых смыслов того или иного графического символа путем наложения логики семиотики и понимающей социологии и применение этих подходов для приложения в изучении визуального языка.

Графический дизайн: структуралистский подход

В научной и научно-популярной литературе встречается упоминание о связи структурализма с семиотикой в виде структурно-семиотического подхода к изучению знаковых систем (Жердев 2021: 14). Это связано с тем, что для структурализма обычная жизнь представляется как текстуализированный мир со своими дополнительными смыслами, поэтому данная модель стремится разделить один смысл на другие, поскольку считает, что нет предельного значения для трактовки символа, поведения индивида и т. п.

Семиозис — термин, который объясняет создание и сущность того или иного знака (Жердев 2021: 8). Знак, в свою очередь, трактуется как воспринимаемый элемент, который способен передать, обработать информацию об ином предмете, индивиде, явлении и т. п. Семиотика включает в себя коннотативный и денотативный подходы, то есть в первом подходе нам важно переносное значение, а во втором — прямое значение вещи, символа и т. д. В графическом дизайне прослеживается такая же логика, поскольку графический символ не просто демонстрирует прямое значение, но и в то же время включает в себя скрытое значение и в определенных случаях может являться коммуникационным актом.

Особое внимание данному вопросу уделено в работах Ф. де Соссюра, в которых поясняется, что у языка есть два значения: материальное и ментальное (Соссюр 2006: 106). Получается, что означаемое является единицей плана содержания, а означающее — единицей плана выражения. Ф. де Соссюр подчеркивает важность означающего и означаемого, так как язык становится чистой абстракцией в том случае, когда мы не учитываем одно из восприятий, например означаемое. Поэтому графический символ можно интерпретировать не только через призму прямого значения, которое в него вложил графический дизайнер, но и с точки зрения его социальной практики употребления, поскольку символ может наделяться дополнительным смыслом со стороны социальной группы.

Логика графического дизайна заключается в коммуникативном акте (адресант передает сообщение адресату (потребителю)). Раскрывая особенности этой цепи, графический дизайнер (адресант) передает сигнал и сообщение через графический продукт, а принимает его адресат. В процессе восприятия и считывания графический символ начинает приобретать значения кода с его двойственной природой понимания. Понимание значения «означающий» и «означаемый» представляется как следующий этап коммуникативного акта, после которого адресат стремится уловить концепт продукта.

Расширение границ языковой коммуникации в дизайне позволяет увидеть способность одежды передавать различные смыслы так же, как и у графических продуктов. Автором данной концепции стал Р. Барт, который в монографии «Система моды» пришел к выводу, что одежда имеет три структуры: технологическую, иконическую и вербальную (Барт 2019: 34). С этой точки зрения исследователь может разбить любое изображение с одеждой на три категории и связать каждый элемент в рамках общей интерпретации при помощи уникальных шифтеров, которые позволяют закодированному коду переходить из одного измерения

(например, технологического) в другое. Так что исследователь может сформировать уникальный метод анализа вещей с нанесенным дизайном для общей интерпретации всех узловых элементов в рамках нашего восприятия.

У. Эко также предложил собственную модель объяснения, которая применима для анализа визуального языка. В понимании этого автора любой знак также может быть воспринят как некий текст. С одной стороны, текст — это диалог между создаваемым текстом и остальными ранними текстами. То есть возникает некая интертекстуальность, когда текст опирается на предыдущий текст (Филлипс 2008: 129). В этом отношении нельзя избежать слов и фраз, которые использовались ранее. Эко полагает, что, с одной стороны, текст порождает свои уникальные смыслы (Эко 2005: 117). С другой стороны, возникает диалог между автором и реципиентом, который принимает и интерпретирует смысл графического символа через свою уникальную систему идентификации.

Лотман писал, что «риторическое соединение „вещей“ и „знаков вещей“ в едином тексте порождает двойной эффект, подчеркивая одновременно и условность условного и его безусловную подлинность» (Лотман 2002: 74). Двойственность смысла вплетена в основу графического дизайна как многокомпонентный базис, который может трактоваться в зависимости от контекста.

Современные знаковые системы и область современного искусства, продолжателем которых является графический дизайн, имеют многомерную, многослойную систему интерпретации смысла графического символа.

Интерпретация графической визуализации в контексте структуралистского подхода

В рамках данной статьи нами проанализирован с позиции структурализма ряд графических продуктов. Для демонстрации структуралистского подхода взяты несколько графических символов, которые можно проанализировать с помощью социальных теорий. Этими графическими символами являются: скрещенные указательные пальцы, китайский флаг.

Графические символы по своему содержанию сложны и многозначны, воспринимаются преимущественно в переносном значении, поскольку это метафорический язык. Начнем с первого графического символа «указательные пальцы» (рис. 1).

Неподготовленный человек, впервые предпринимающий попытку интерпретации символа, может идентифицировать его как «скрещенные пальцы». Если индивид не обладает соответствующим предшествующим опытом, то его органы чувств будут настроены на восприятие композиции, цветовой палитры, но не смысла. С добавлением нового элемента к данному символу происходит смена первоначального смысла и новый контекст, который требует новой идентификации (рис. 2).

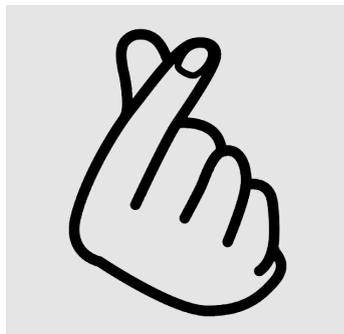

Рис. 1. «Скрещенные пальцы»

К указательным пальцам добавился новый графический элемент в виде сердца, но первоначальная настройка восприятия индивида будет продолжать заставлять идентифицировать его как все те же пальцы, но уже с другим элементом. Предполагается появление ассоциативного ряда «пальцы демонстрируют любовь», однако без знания дополнительного контекста индивид будет испытывать дополнительное затруднение, так как не понимает более точного смысла этого символа. У более старших возрастных групп могут возникать вопросы: почему молодежь может использовать этот символ. Такой логотип используют только участники k-рор-сообществ или люди, которые понимают, что данный логотип связан с корейской культурой. Участники k-рор-сообществ также применяют данный символ в ситуациях, когда кто-то хочет выразить любовь и уважение к чему-то или к кому-то. Данный графический символ в переводе с корейского языка означает любовь («саранхамнида»). В этом отношении символ начинает приобретать двойное значение — прямое и переносное. Как и в случае с корейским логотипом, указательные пальцы принимают значение означающего. Другими словами, это материальная форма графического символа. Однако что касается «саранхамнида» — это уже ментальное значение.

Рис. 2. Жест «Любовь»

Модель объяснения У. Эко основана на интерпретации и идентификации знака как некоего текста. Данная модель касается не всех продуктов

Рис. 3. Девочка с флагом

графического дизайна, а относится скорее к особым категориям. Одним из таких примеров можно считать флаги (рис. 3).

Графическая визуализация любого флага учитывает предыдущие флаги на уровне символов, цветовой гаммы, композиции и самой истории государства. Получается, что с китайским флагом возникает ситуация, когда символика звезд опирается на предыдущие комбинации звезд с целью улучшения и обогащения нового символа новыми смыслами. Кроме того, четыре звезды и красный цвет могут быть идентифицированы с существующей классовой системой, а также с основным цветом коммунистической партии. То есть здесь возникает особый диалог между реципиентом и автором, когда девочка смотрит на данный флаг. Графическая визуализация привносит особый смысл, раскрывающийся во взаимосвязи КНР и идей коммунизма.

Таким образом, графический дизайн в призме структурализма служит коммуникатором и передатчиком сигналов от адресанта к адресату посредством определенных невербальных коммуникативных практик. Графический символ является отображением существующего опыта индивида, социальной группы, социально-политической системы, формируя те или иные реакции у окружающих.

Графический дизайн: понимающая социология

Представители данной школы считают, что каждое действие индивида наделяется уникальным смыслом, и задача понимающей социологии — интерпретировать данный акт. И здесь очень важно отметить, что понимающая социология стремится исследовать в первую очередь причинные связи тех или иных действий, а не субъективные смыслы.

Графический дизайн как многокомпонентная система подразумевает анализ аспектов по «слоям»: цвет, направление, ритм рисунка, форма. Может быть предпринята попытка анализа цвета в графическом дизайне в рамках языковой игры посредством концепций Л. Витгенштейна. Он считал, что существует разница в том, как происходит понимание правил: с одной стороны, правила интерпретируются, а с другой

стороны, общество следует этим правилам (Витгенштейн 2018: § 198). С этой точки зрения формулировка цвета нами может рассматриваться не только через призму перцептивных свойств индивида, но и через языковую игру. Восприятие цвета в каком-то смысле переходит из измерения психологического в социальное, поскольку происходит научение воспринимать тот или иной цвет в обществе, где есть языковые игры. В сознании индивида формируются устойчивые связи между тем, как обсуждать цвет и как его воспринимать. Поэтому мы вначале внедряемся в языковую игру, а потом воспринимаем. Этим могут быть объяснены различия в интерпретации цвета с учетом культурного контекста: в траурной одежде Китая, Японии, где именно белый цвет является показателем утраты кого-либо, а не черный, как это принято во многих странах мира (Taylor 2009). С одной стороны, известно, что самый чистый цвет — это белый, поэтому он символизирует начало, чистоту, а в других странах вводятся определенные правила, которые говорят обществу, как определять и использовать цвета в рамках культурного контекста.

Дж. Мид в своей концепции рассматривал взаимосвязь «Я» с социумом. Именно активное взаимодействие с другими людьми, объектами материальной культуры помогают «Я» сформироваться гармонично. Поэтому здесь и выделяются такие коммуникационные формы, как жесты, символы. Мид полагал, что индивиды мыслят благодаря активному использованию символов, которые были усвоены в рамках коммуникационного акта. При этом «мышление всегда предполагает символ, который вызывает такую же реакцию в другом, которую он вызывает в самом мыслящем» (Mead 1963: 147). Поэтому он пришел к выводу, что в коммуникационном действии мы часто сталкиваемся с двумя видами символов: значимые и незначимые. В этом отношении значимые символы вызывают не просто отклик с точки зрения эмоций, но и в то же время формируют дополнительные мыслительные операции (Мид 1994: 219).

Благодаря этому подходу мы можем замерить не только то, как графический продукт способен вызвать обратную реакцию со стороны реципиента, когда попадает в поле социального восприятия, но и в то же время разделить каждый элемент в графическом логотипе на значимые и незначимые символы. Такой подход помогает изучить визуальный язык через призму методического подхода, когда после описания всех значимых элементов определенной графической визуализации мы разделяем их на значимые структурные элементы, которые мы интерпретируем с точки зрения социального-исторического контекста.

Интерпретация графического дизайна в рамках понимающей социологии

В рамках анализа графического дизайна мы не должны анализировать лишь одну полноценную фигуру в рамках визуального языка, мы также должны интерпретировать и другие элементы графического символа, такие как цвет, объем, фигура, контраст и др., поскольку все это включается в общий композиционный строй любого графического продукта. С этой точки зрения может быть предпринята попытка анализа цвета в графическом дизайне в рамках языковой игры Л. Витгенштейна.

В дизайне можно обнаружить принцип семейного сходства языковой игры (Витгенштейн 2018: § 65–77). Что есть красный цвет? Красный цвет — это одно название и одна сущность, или есть иная трактовка красного цвета? Например, в цветовой палитре существует несколько трактовок красного (SCARLET #FF2400, FERRARI #FF2800, IMPERIAL #ED2939 и др.), которые благодаря зрительному восприятию могут быть сгруппированы по насыщенности, яркости, блику, цветовой палитре, но отсутствует единый аспект, который был бы схож со всеми во всех отношениях.

С одной стороны, цветовая палитра красного оттенка SCARLET схожа с цветом FERRARI, однако при более детальном рассмотрении на элемент светотени и яркости можно заметить их различия. Субъективное восприятие обобщает предметы, элементы в одном, а разделяет их в другом отношении, к тому же могут быть добавлены дополнительные обозначения для изучаемого объекта. «Это не просто красный, а алый». Все эти виды красного оттенка образуют семью красного цвета. Снова возвращаясь к практике, индивид воспринимает языковое сходство не только через призму физиологии, но и через призму тренировки. Происходит научение называть что-то другим, определять, разделять и использовать определенное с целью следования определенному правилу, то есть расширяются границы восприятия символа, языковой игры.

Символический интеракционизм Дж. Мида, основанный на том, что все формы общения базируются на чтении определенных символов, указывает на существование конвенционального механизма считывания и интерпретации тех или иных графических символов. Фотография как форма отображения внутреннего мотива в действии (визуальном символе) позволяет интерпретировать эмоциональное состояние на фото, характер, обстоятельства, например анализ фотографии, сделанной девушкой в кафе «Chicko-Rico» в Москве (рис. 4).

Восприятие графического символа можно объяснить через понимание социального действия по Миду. Например, у девушки возник внешний раздражитель (графический символ), который вызвал у нее импульс (Ритцер 2002: 243). Таким образом, возникла ответная реакция при контакте с этим символом. Далее происходит переход в другую стадию социального действия — перцепцию. Здесь девушка явно начала обдумывать данный символ, поэтому она и пришла к выводу, что можно так же выразить любовь. На этой стадии девушка не просто получила импульс, когда считывала данный логотип, но она еще его оценивала с помощью своих ассоциаций и т. д. Стадия манипуляции демонстрирует идею о том, что субъект может не просто воспринимать данный графический символ, но и еще может использовать данный символ в своих целях (Mead 1938: 16). Например, показав данный жест другому человеку на фоне графического символа с сердцем, реципиент может подумать, что так ему показывают любовь в его сторону, по отношению к нему, а следовательно, он также может это показать в ответ. То есть он выполняет действия и желания адресанта. Последняя стадия — консумация, когда социальное действие подходит к своему логическому завершению.

Таким образом, можно сказать, что люди способны модифицировать или изменять значения и символы, используемые ими в действии и взаимодействии, на основе своей интерпретации ситуации, а участвуя в этих социальных взаимодействиях с учетом всех этих символов, доказывают, что человек развивает свою способность мыслить. Понимающая социология предполагает, что субъект совершает некое действие не в силу воздействия внешних факторов, а в силу личной интерпретации происходящих событий, исходящей из его мировоззрения. Понимающая социология предполагает, что индивид — субъект, а не объект наблюдения. Это также подразумевает, что человек не находится под влиянием совокупности воздействия внешних факторов, а создает собственный мир на основе личного восприятия происходящих с ним событий (Burger 1977: 165–175).

Рис. 4. Фотография в кафе

Заключение

Таким образом, структурализм и понимающая социология хорошо дополняют друг друга при анализе визуального языка в рамках членения графического продукта на самостоятельные элементы, которые можно подвергнуть глубокому анализу в рамках общей интерпретации. С одной стороны, структуралистский подход позволяет расшифровать скрытый смысл графического символа в контексте дихотомии (визуала и смысла, означающее и означаемое). С другой стороны, понимающая социология способна дополнить метафоричность визуального языка с помощью интерпретаций графического символа на уровне коммуникационного акта. В этом отношении благодаря комбинированному использованию этих моделей мы вполне можем сказать, что расширяются границы восприятия самого визуального языка.

Источники

Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М.: Академический проект, 2019.

Витгенштейн Л. Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. — М.: АСТ, 2018.

Жердев Е. В. Семиотика дизайна: художественная смыслообразность: монография. — М.: Академический проект, 2021. — С. 14.

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: Пер. с англ. — 2-е изд., испр. — М.: Гуманитарный центр, 2008.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Сост. Р. Г. Григорьева; предисл. С. М. Даниэля. — СПб.: Академический проект, 2002. — (Серия «Мир искусств»).

Мид Дж. Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. — М.: Изд-во МГУ, 1994.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. — 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — С. 243. — (Серия «Мастера психологии»).

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр.; под ред., примеч. Р. И. Шор. — 3-е изд., стереотип. — М.: КомКнига, 2006.

Эко У. Роль читателя исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. — СПб.: Symposium; М.: РГГУ, 2005.

Burger T. Max Weber, interpretive sociology, and the sense of historical science: A positivistic conception of verstehen // The Sociological Quarterly. — 1977. — Vol. 18, No. 2. — P. 165–175.

Mead G. H. The Philosophy of the Act / Ed. by Ch. W. Morris, J. M. Brewster, A. M. Dunham, D. Miller. — Chicago: University of Chicago, 1938.

Mead G. H. Mind, Self and Society. — Chicago, 1963.

Taylor L. Mourning Dress: A Costume and Social History. — N. Y.: Routledge, 2009.

References

Bart R. *Sistema mody. Statii po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on the semiotics of culture]. Transl. from fr. by S. N. Zenkin. Moscow, Academic project, 2019. (In Russ.)

Burger T. Max Weber, interpretive sociology, and the sense of historical science: A positivistic conception of verstehen. *The Sociological Quarterly*, 1977, vol. 18, no 2, pp. 165–175.

Eco U. *Rol' chitatelia issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader of the study on the semiotics of the text]. Transl. from eng. and ital. by S. Silver. St. Petersburg, Symposium; Moscow, RGGU, 2005. (In Russ.)

Jorgensen M. W., Phillips L. J. *Diskurks-analiz. Teoria i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Transl. from eng., 2nd ed., corrected. Moscow, Gumanitarniy Tsentr, 2008. (In Russ.)

Lotman Yu. I. *Statii po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art]. Series “The World of Arts”. Comp. R. G. Grigoriev; preface S. M. Daniel. St. Petersburg, Academic project, 2002. (In Russ.)

Mead G. H. *Mind, Self and Society*. Chicago, 1963.

Mead G. H. *The Philosophy of the Act*. Ed. by Ch. W. Morris, J. M. Brewster, A. M. Dunham, D. Miller. Chicago, University of Chicago, 1938.

Mead J. G. *Ot zhesta k simvolu* [From Gesture to Symbol]. *American Sociological Thought*. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1994. (In Russ.)

Ritzer J. *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. 5th ed. St. Petersburg, Peter, 2002, p. 243, series “Masters of Psychology”. (In Russ.)

Saussure F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [General Linguistics course]. Transl. from fr.; ed. by R. I. Shore, 3rd ed., stereotype. Moscow, KomKniga, 2006. (In Russ.)

Taylor L. *Mourning Dress: A Costume and Social History*. N. Y., Routledge, 2009.

Wittgenstein L. *Filosofskiye issledovania* [Philosophical Investigations]. Transl. from ger. by L. Dobroselsky. Moscow, AST Publishing House, 2018. (In Russ.)

Zherdev E. V. *Semiotika dizaina: khudozhestvennaya smysloobraznost'; [Monografiya]* [Semiotics of design: artistic meaning]. Moscow, Academic project, 2021, p. 14. (In Russ.)

Потапов Дмитрий Андреевич, магистрант 2-го курса департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
velikanovpotapov@yandex.ru

Potapov Dmitry A., 2nd year Master's student of the Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.
velikanovpotapov@yandex.ru

Д. Ю. Хомченко, Е. П. Шмидова, Р. С. Щербак

МЕЖДУ РЫНКОМ И ИСТОРИЕЙ: ПРАКТИКИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА БУДНИ КОПАТЕЛЯ

Коллекционеры обыскивают интернет-магазины, блошинные рынки, аукционы с целью найти интересующие предметы старины. В большинстве случаев эти предметы поступают от археологов-любителей, часто называемых черными копателями. В данной работе рассматривается деятельность малозаметного обычному обывателю, но широко распространенного сообщества копателей. Их можно найти не только на полях близ городов и в окрестностях разрушенных деревень, но и в труднопроходимых горных и лесных массивах, включая отдаленные таежные места. Группа копателей неоднородна как по месту и способам поиска, так и по отношению к находкам и встраиванию в рынок антиквариата. Незаконный статус копательской деятельности создает неоднозначность в их оценке и затрудняет изучение. В российских академических работах популярна точка зрения о необходимости противодействия нелегализованным раскопкам с помощью карательных мер. Однако нормативно и дисциплинарно окрашенные исследования и суждения не могут объяснить то, как устроена эта деятельность, как рекрутируются ее участники, какова их мотивация и внутренняя сегментация, каковы способы встраивания в рынок и какое значение имеют найденные предметы для копателей и сторонних наблюдателей. Для ответа на эти вопросы необходимо провести социологическое исследование, которое частично восполняется авторами статьи. В работе описаны мотивы к занятию копательской деятельностью, отношение к находкам и способы поиска в рамках взаимодействия актор-сети. Также рассмотрены моральные легитимации, сообщество копателей, как происходит встраивание в рынок антиквариата, а также как проходит оценка и продажа находок.

Ключевые слова: неформальная экономика, копатели, металлопоиск, коп, предметы старины, актор-сеть, мотивация копа.

*DANIIL U. KHOMCHENKO, ELIZAVETA P. SHMIDOVA,
ROMAN S. SHCHERBAK*

BETWEEN THE MARKET AND HISTORY: PRACTICES OF ILLEGAL ARCHEOLOGY. A SOCIOLOGICAL VIEW OF THE EVERYDAY LIFE OF A DIGGER

Connoisseurs of the old look through online stores, large markets, auctions in order to find interesting artifacts of the past. In most cases, these items come from amateur archaeologists, often referred to as black diggers. Thus, the work examines the

activities of a community of diggers that is hardly noticeable to the average person, but is non the less widespread. They can be found not only in the fields near cities and in ruined villages, but also in rugged mountain and forest areas. The group of diggers is heterogeneous both in terms of place and methods of searching, and in relation to finds and embeddedness in the antiquities market. The illegal status of digging activities creates ambiguity in their assessment and makes it difficult to study. In Russian academic works, there is a popular point of view about the need to counteract unlicensed excavations with the help of punitive measures. However, normative and disciplinary studies and judgments cannot explain how this activity is organized, how its participants are recruited, what is their motivation and internal segmentation, what are the ways of embedding in the market, and what is the significance of the found objects for diggers and outside observers. To answer these questions, it is necessary to conduct a sociological study without giving an evaluative color. The paper describes the motives for engaging in digging activities, attitudes towards finds and ways of searching within the actor-network interaction. Moral legitimations, the community of diggers, how the integration into the antiquities market takes place, as well as how the evaluation and sale of finds is carried out are also considered.

Keywords: informal economy, diggers, metal detecting, digging, antiquities, actor-network, digging motivation.

Введение. Проблемная ситуация

В июне 2016 года был найден и передан в национальный музей Дании крупнейший клад золотых изделий викингов¹, а в 2022 году под Полоцком был найден средневековый двуручный меч² — очень редкая находка даже для археологических экспедиций. Примечательно то, что эти объекты были найдены в ходе нелегализованного копа группой археологов-любителей³.

Ценители старины прочесывают интернет-магазины, антикварные лавки, блошинные рынки и слушают рассказы про разорившихся потомков старинного рода, вынужденных расстаться с очередной вещичкой.

¹ *Белецкая Е.* Исторический улов: спасатель из Беларуси нашел в реке 600-летний рыцарский меч. [Электронный ресурс]: Вокруг Света [сайт]. 27.09.2021. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/istoricheskii-ulov-spasatel-iz-belarusi-nashel-v-reke-600-letnii-rycarskii-mech-id837892/?ysclid=197884dor5682682227> (дата обращения: 09.01.2022).

² Как мы нашли самый большой клад викингов. [Электронный ресурс]: МДРегион [сайт]. 20.10.2017. URL: <https://www.mdregion.ru/o-kladoiskatelstve/28-rasskazi-kladoiskatelstvo/3306-kak-my-nashli-samyi-bolshoi-kad-vikingov.html?ysclid=1978c2g8fo241287739> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Понятия «археологи-любители», «черные археологи», «черные копатели» и «камрады» являются устоявшимися синонимами термину «копатели».

Однако многие предметы старины попадают в торговый оборот совсем по другим каналам. Предметы старины «добывают» малоозаметные обывателю археологи-любители, которых называют копателями (или копарями). Именно эта группа является объектом нашего исследования.

Копатели — группа неоднородная и диверсифицированная. Кто-то специализируется исключительно на чердаках, кто-то на подводных сокровищах и пр. (Арцыбашева 2015; Бердинский 2005; копанина.рф 2013). В нашей работе мы ограничимся изучением деятельности тех искателей предметов старины, которые проводят раскопки, используя при этом металлоискатели.

Под предметами старины будут пониматься найденные артефакты, которые содержат признаки прошлой эпохи (стилистика, технологии изготовления, используемые материалы и пр.) и имеют соответствующую рыночную ценность, а под копом будет подразумеваться совокупность практик, направленных на поиск и извлечение предметов старины (MESTOKLADA 2014; Арцыбашева 2015). Фактически «коп» является несертифицированной археологической деятельностью с соблюдением или полным игнорированием технологии проведения раскопок.

В России занятие копом наказуемо согласно статье УК РФ 243.2 в редакции 2021 года. Любые археологические поиски без надлежащей лицензии приравниваются к противоправной деятельности. При этом в российском законодательстве нет определения археологических раскопок, но есть понятие культурного слоя¹, нарушение которого наказуемо. Однако границы культурного слоя не имеют четкого определения, что делает затруднительным применение этой правовой нормы.

Мировой опыт в этой сфере разнообразен. Есть страны с жестким запретом на любительскую археологию (Италия, Кипр, Израиль). Есть страны, где поиск и извлечение предметов старины из культурного слоя легализованы (Дания, Германия и США) (МД Арена 2017). В Великобритании для легализации и декриминализации деятельности копателей создали Portable antiquities scheme — базу данных находок археологов-любителей (копателей) для их сотрудничества с наукой (Barford 2020; Gill 2010; Lewis 2016; Thomas 2013). В России же ситуация однозначная — официальная наука в лице археологов и историков призывает искоренять деятельность копателей, что поддерживается законодательством и отчасти правоприменительной практикой (Русланов, Русланова, Воробьева 2014; Тузбеков 2019). Точка зрения о необходимости

¹ В статье УК РФ 243.2 под культурным слоем понимается «слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы».

противодействия нелегализованному копу с помощью карательных мер широко распространена в историко-археологических и правовых текстах. В этих работах детально проработана классификация копателей с точки зрения их соотношения с законом. Однако такие нормативно и дисциплинарно окрашенные суждения не могут объяснить то, как устроена эта деятельность, как рекрутируются ее участники, какова их мотивация и внутренняя сегментация, каковы способы встраивания в рынок. Для ответа на эти вопросы необходимо провести социологическое исследование. Наш исследовательский интерес формирует более широкую повестку, а именно: как организуется социальное действие в неправовом поле? Как возможен социальный порядок при отсутствии «официальных» механизмов регулирования?

Цель нашего исследования состоит в системном описании деятельности копателей, что предполагает решение следующих задач:

- выявить мотивацию копателей;
- описать технологии и организацию их труда;
- выяснить репертуар обращения с находками;
- определить формы коммерческой организованности внутри сообщества копателей;
- описать способы легитимации практик копа, а также восприятие законов, регламентирующих коп.

Работа состоит из введения, трех глав (теоретико-методологической, методической и эмпирической) и заключения. Кроме того, имеется приложение, содержащее характеристики информантов, оказавших бесценную помощь в подготовке данной работы.

Теоретико-методологическая основа исследования

В силу законодательных ограничений на любительский коп эта деятельность относится к неформальной экономике, так как сопряжена с нарушением буквы закона и избеганием контроля со стороны государства (Барсукова 2000). Такая деятельность неизбежно ставит перед исследователем вопрос о способах координации акторов, ценообразовании, доверии внутри сообщества и способах минимизации рисков (Beckert, Wehinger 2013; Beckert, Dewey 2017; François 2021).

Для раскодирования проблемы координации мы предполагаем провести детализированное рассмотрение практики копания. Фокус внимания должен приходиться на экономическую культуру копателей в ее «конститутивной» и «комплиментарной» роли (Levin 2008). В таком случае деятельность на «рынке» мы предлагаем рассматривать не как

самоочевидную в своей «рыночности», но как процесс *экономизации*, требующий новых сборок и пересборок смыслов, которыми копатели наделяют свою деятельность (Çalışkan, Callon 2009, 2010; Zelizer 2008).

Мы предлагаем обратиться к теоретико-методологическим принципам Акторно-сетевой теории, один из видных представителей которой, Мишель Калон, является ведущим исследователем процесса «экономизации»: вовлечение практик в логику рыночного взаимодействия (Çalışkan, Callon 2009, 2010; Muniesa, Millo, Callon 2007). Ему же, вместе с Бруно Латуром, мы обязаны формулированием теории «перевода», помогающей исследователю проследить за трансформацией статуса объекта по мере включения его в практическую деятельность (Каллон 2017; Латур 2002).

Из этой научной традиции следует попытка максимально подробного описания практической деятельности акторов, что является ипостасью «иредукционистского объяснения» (терминология Латура) (Латур 2017; Руденко 2018; Томмазо 2018; Широков 2019). Это не только приближает наше исследование к методологическим принципам антропологии (Geertz 1973), но также на теоретическом уровне предполагает самодостаточность такого описания как исследовательского результата (Латур 2017, Широков 2019).

Для такого подробного описания деятельности копателей необходимо придерживаться принципа онтологической *симметрии человеческих и нечеловеческих акторов*, материальных и нематериальных (Каллон 2017; Латур 2002, 2017). Для этого мы включаем в наш теоретический аппарат концепт *социально-технологических ассамбляжей* (Çalışkan, Callon 2009, 2010; Muniesa, Millo, Callon 2007), что позволяет учитывать роль нечеловеческих акторов: от выкопанных предметов до статей в журналах, формирующих «общественное восприятие» копателей (Де Лаэт, Мол 2017; Руденко 2018).

При этом в разных темпоральных и топологических ситуациях участники процесса интерпретируют эти ассамбляжи совершенно по-разному. Свойства выкопанных предметов существуют не сами по себе, а именно в интерпретации («переводе») различных участников актор-сети. Например, возраст выкопанного предмета интерпретируется копателем в категориях ценности находки (символической и рыночной), тогда как представитель правоохранительных органов трактует возраст находки как индикатор тяжести преступления. Один из классифицирующих признаков в уголовном делопроизводстве по копателям — возраст выкопанного предмета. Или, например, выкопанный артефакт войны может актуализироваться не по своей старине, но по эффективности

в качестве исправного оружия с соответствующими последствиями для разных групп акторов.

Кроме того, важным теоретическим основанием нашего исследования является идея о сопряженности практик «экономизации» и «морализации». Так, В. Зелизер в своих исследованиях «экономизации» показала, как в нее вторгается процесс *морализации* (Zelizer 2008). Например, экономический рост с сфере страхования жизни стал возможен благодаря позитивной морализации этой практики. Можно предположить, что внутри сферы «черной археологии»¹ наблюдается сопротивление негативной морализации, производимой со стороны правоохранителей и академического сообщества. Потенциал позитивной морализации создается копателями в процессе формирования ими *конвенциональных институтов* (Barford 2020; Gill 2010; Lewis 2016; Thomas 2013). Процесс морализации неразрывно связан с ростом напряжения между «черной» и академической археологией, которые конфликтуют не столько по поводу извлекаемых из земли находок, сколько по поводу легитимации и делегитимации практик внеакадемического («черного») копа. Главным вопросом в этом отношении для нас становится то, как эта морализация формируется и реализуется внутри практик копа, продажи находок и взаимодействия с «научным знанием», а также последствия этого процесса.

Если деятельность по выкапыванию объекта моральна, то продажа / приобретение находок значительным образом упрощается, следуя импульсам позитивной моральности, то есть его экономизируемость пролонгируется и подкрепляется.

Мы не сможем сделать вывода о том, что морализация всегда делает возможной экономизацию в той или иной форме, но сможем проследить за тем, как конкретные акторы, попавшие в поле зрения нашего исследования, осуществляют эти процессы в своей практике, и какие результаты они достигают в конкретном моменте своей практической деятельности.

Таким образом, на основе публикаций мы приходим к необходимости затронуть три смысловых аспекта — непосредственно коп, его экономизацию и морализацию. Каждому из них будет соответствовать несколько описательных категорий.

Такая теоретическая основа задает структуру нашего исследования.

¹ Черная археология — совокупность нелегальных практик, направленных на поиск и извлечение археологических ценностей из культурного слоя. Является синонимом термину «коп».

Описание «практического копа» мы начнем с мотивационных предпосылок: какими смысловыми категориями копатели объясняют свой начальный импульс к этой деятельности? что ее поддерживает в длительном периоде? Далее, мы рассмотрим практические особенности копания, отмечая в них роль социально-технологических ассамбляжей. Следующим шагом станет описание «перевода» выкапываемых объектов в статус благ, имеющих экономическую и / или историческую ценность, а также взаимосвязь этих двух аспектов. Затем мы приступим к описанию процесса практической экономизации — формированию рыночных практик, выстраиваемых вокруг копа. Наконец, сконцентрируемся на морализациях, охватывающих как непосредственное копание, так и выход копателей на рынок.

Методология исследования

На основе анализа тематической литературы был разработан гайд, который включил в себя пять блоков (копательство, сообщество копателей, коллекционирование, рынок и продажи, моральные легитимации), исключая введение и блок уточняющих вопросов. Дизайн структуры гайда представляет собой закручивающуюся спираль, что объяснялось необходимостью раскрыть респондента перед сенситивными блоками «рынок и продажи» и «моральные легитимации». Это объясняется тем, что эти блоки затрагивают тему продажи найденных находок и проблему отношения к закону с вопросами о методах избежания контакта с правоохранителями.

Единственным критерием отбора информантов являлось участие (в прошлом или настоящем) в копательской деятельности. В силу того, что копатели действуют вне правового поля, было непросто найти их и договориться с ними об интервью. Поиск информантов проводился в тематических группах социальных сетей. Сформированная таким образом стихийная выборка дополнялась методом снежного кома, когда информанты делились контактами и по своим каналам «вербовали» новых участников интервью.

Отбор информантов проводился через две онлайн-платформы: Telegram и ВКонтакте. В Telegram был составлен список активных чатов и групп, которые объединяют копателей. Мы пытались договориться с администрацией каналов и дать объявление о проводимом исследовании, но нам отказали. Было принято решение писать личные письма наиболее активным членам чата, которые скидывают фотографии и иные материалы, служащие подтверждением их копательской

деятельности. В социальной сети «ВКонтакте» использовались группы, которые регулярно публикуют фотографии найденных находок, продают их и проводят аукционы непосредственно в социальной сети или на своих сайтах. В данных группах наибольший интерес представляли те, кто регулярно выставляет лоты на продажу, публикует старые карты или найденные находки. Также мы разместили платное анонсирование нашего исследования в тематических группах ВКонтакте с максимальным охватом более 100 тыс. человек. Дополнительно было направлено свыше 260 личных писем и сообщений к потенциальным информантам в Telegram и ВКонтакте.

Чтобы нивелировать проблемы с недоверием со стороны копателей, мы указывали контакты исследователей со ссылками на их страницы в социальных сетях. Необходимо отметить, что для каждого потенциального информанта составлялось индивидуальное письмо с учетом публикуемых им материалов.

В результате нам удалось собрать 13 интервью длительностью от 40 минут до 3-х часов (приложение 1). Количество отказов свидетельствует о сильном недоверии к исследователям со стороны сообщества копателей. При проведении интервью использовался дистанционный формат для сохранения анонимности информанта. Беседы проходили на онлайн-платформах ZOOM и Telegram с обязательной записью, на что было получено информированное согласие.

Для проверки надежности данных использовался метод триангуляции: сопоставлялись высказывания информантов с другими источниками данных (информацией из общих чатов и групп копателей). Также для того, чтоб снизить чувствительность и проверить информантов на противоречивость, было проведено сопоставление смежных элементов. Дополнительно с этой же целью задавались аналогичные вопросы, но уже о других членах сообщества.

Анализ данных

Анализ данных осуществлялся в программе Atlas.ti, где на основе заключительной кодировки было сформировано пять смысловых блоков:

1. Мотивация копа — что сподвигло копателей начать эту деятельность и чем мотивировано ее продолжение.
2. Организационно-технологический аспект — как организован выезд на коп и какие технические средства при этом используются.
3. Отношение к находкам — способы транспортировки и хранения находок у себя или у коллекционеров после продажи.

4. Рынок и сбыт — формы и способы коммерческой организованности в сообществе копателей.

5. Моральные легитимации — как оправдывается нарушение закона на личностном уровне и через апелляцию к групповым нормам и ценностям.

Мотивация копа

Что послужило толчком для этой деятельности? Единого ответа нет. Кто-то с детства мечтал находить клады. Кто-то случайно получил в подарок металлоискатель и решил его опробовать. Кого-то простая попытка очистить ручей при помощи поискового магнита в конечном счете привела к покупке металлоискателя и занятию копом. Для кого-то толчком послужила пандемия, отрезавшая людей от городских и людных развлечений. Для кого-то интерес к любительскому копу начался с поиска погибших солдат. Кто-то подсел на видео о копателях и их находках и после пары лет просмотров созрел для покупки собственного металлоискателя.

«Я начал смотреть видосы, и мне это понравилось. На протяжении двух лет только смотрел видосы» (Информант 8).

Но это всего лишь начало пути. Первый опыт может оказаться последним. Чтобы продолжать этим заниматься, нужна устойчивая мотивация.

Систематизация материалов интервью с копателями позволила выделить спектр мотиваций, лежащих в основе этой деятельности. При этом мотивации могут сочетаться, действуя одновременно, или сменять друг друга в хронологическом порядке.

1. Мотивация, редуцируемая к понятию «интерес к истории».

Бэкграунды таких копателей сильно разнятся, но общим местом является их увлеченность историей. Многие из них интересовались историей еще с детства, а по достижении сознательного возраста приняли решение о покупке металлоискателя. Занятие копом стало практическим продолжением их интеллектуального увлечения. Часто интерес вызывала именно военная история, что является некоторой российской спецификой.

«Но вообще я начал свой путь в кладоискательстве с военной археологии, потому что я вырос в месте, где шли ожесточенные бои» (Информант 11).

Мотив “doing history” сводится к попытке буквально докопаться до исторического знания, что восходит к их скептическому отношению к конвенциональному историческому дискурсу. Копатели недоверчивы к той истории, что описана в книгах, и потому сами пускаются на поиск «истинной истории» в своей деятельности.

«Если человек хочет узнать историю и узнать что-то насчет старины, то все лежит в земле» (Информант 13).

Для некоторых копателей увлеченность историей проявилась уже в достаточно взрослом возрасте. Повзрослев, обретя собственную семью и видя, как «историческая» и «национальная» память передается из поколения в поколение, они начали интересоваться прошлым, что мотивировало заняться копом.

«Я делаю свою коллекцию, я показываю друзьям, я показываю хорошим знакомым, которые могут познакомиться с этими вещами. Они могут их поддержать, потрогать, потому что в музее вам потрогать не дадут» (Информант 10).

Важно отметить, что любители порассуждать о подлинной истории, о важности тактильных ощущений от соприкосновения со стариной могли прийти к копу совершенно случайно. То есть интерес к копу мог возникнуть весьма спонтанно — подаренный друзьями первый металлоискатель, замеченные копатели во время выезда на природу или случайная реклама в интернете. Толчком могли послужить любые, самые неожиданные обстоятельства.

«Мне подарили хороший прибор, типа: „Леха, чтобы ты болтался, искал, лазил, тебе, может быть, будет это интересно“» (Информант 10).

Копатели не только роют землю, но и изучают архивы, сверяются с древними картами, чтобы определить место копа. Они заранее формируют ожидания от каждой такой экспедиции. Представляя, что еще много не раскопанного, не найденного и с каждым днем умирающего ценного исторического материала лежит в земле, они чувствуют в себе неотвратимый порыв к тому, чтобы обнаружить эти артефакты.

«Сам факт, что вот вы вытащили из земли, извлекли двух с половиной тысячелетнюю монету, она теперь в вашей собственности, вы можете смотреть и думать о том, что ее держали в руках какие-то греки, переселенцы, кто угодно. В общем, тут уже играет роль собственная фантазия» (Информант 9).

2. Мотивация к обогащению.

Однако интерес к истории — не единственное, что двигает копателями. Еще одной ярко выраженной мотивацией для копов является

денежная тема. Находки можно выгодно продать. Особенно выражена эта мотивация у искателей черных металлов. Кусок арматуры не содержит исторической ценности, его выкапывают именно для продажи. А вот предметы старины, напротив, очень часто нагружены историческими отсылками при минимальной рыночной цене. Редкая ценность может оказаться в руках у копателя лишь единожды за несколько лет поисков. Другие находки могут и вовсе не представлять из себя достаточной ценности.

«Очень маленькая вероятность, она практически стремится к нулю, того, что на какой-то старой задрипанной деревенской дороге вы найдете действительно какую-то историческую ценность. Вот в основном мы находим такие обычные предметы быта — какие-то пуговицы, какие-то монетки» (Информант 11).

Денежная мотивация особенно характерна для людей с финансовыми трудностями, которые живут за счет копа. Они могут действовать индивидуально или собираться в бригады. Такой способ заработка обусловлен низким порогом входа в эту деятельность (металлоискатель и лопата), попустительством правоохранительных органов, а также открытостью и доступностью местных рынков сбыта.

«Безработных много стало, и в основном если не металлокопом, то монетами занимаются» (Информант 13).

«Да, приходилось, конечно, продавать. Именно не по своей воле, не ради наживы, а ради того, что вот у нас по области по Смоленской сложно с работой после коронавируса. Очень сложно» (Информант 6).

3. Мотивация к коллекционированию.

Занятие копом и сбор находок предполагает некоторое их накопление. Но невозможно накапливать бесконечно. Встает вопрос: что с этим делать? Находки можно раздавать, продавать или оставлять себе, формируя коллекцию.

Именно **коллекционирование** является основной мотивацией для некоторых копателей. Они испытывают восхищение от сбора и упорядочивания однородных предметов. Некоторые такие копатели-коллекционеры признавались, что с детства имели интерес к накоплению календариков, вкладышей, открыток, значков и пр. У кого-то были коллекции, напрямую связанные с копом — антиквариат, монеты, военная атрибутика.

«Мне постоянно хотелось что-то собрать в какой-то комплект. Зачем я это делала — совершенно не понимаю. То есть это именно на уровне интуиции...» (Информант 4).

4. Копание как процесс, сопряженный с острыми ощущениями, с погружением в определенное эмоциональное состояние.

Примечательно то, что сами копатели неоднократно сравнивали занятие копом с наркоманией. Они описывают свое состояние как непреодолимую тягу к поиску информации, к исследованию местности, к изучению карт, к выезду на многочасовые, а иногда и многодневные сборы. Уже взрослые копатели находят в копе некоторую детскую авантюру и дух приключений. А заоблачная перспектива найти что-то уникальное и по-особенному ценное хоть и является призрачной, но манит надеждой на большой улов.

«И вообще, когда ты идешь, ищешь и вдруг слышишь монетный звон, вот этот вот, у тебя сразу вырабатывается адреналин своего рода, своего рода наркомания просто, в голове сразу перебирается, что это может быть» (Информант 10).

5. Коп как форма досуга.

Копатели отмечают, что металлопоиск — это своего рода активный отдых. Выезжая семьей в лес в выходные дни, они могут брать с собой металлоискатель и активно проводить время, обходя доступные территории.

«Это дает мне повод побольше гулять на природе и изучать по крайней мере свой район, свое место, где я проживаю» (Информант 10).

Особенно актуализировался этот мотив в период пандемии, когда поездки в отдаленную и безлюдную местность стали альтернативой прежним прогулкам.

«Тут все просто — отматываем два года назад. Что у нас было? У нас была пандемия. Нас всех закрыли по домам и сказали никуда не ходить. Естественно, можно было ездить только на дачу» (Информант 4).

Что послужило началом этой деятельности? Видим, что единого ответа нет.

Организация деятельности копателей

Копатели — это не просто люди с металлоискателем. Это определенная субкультура. Это сообщество людей со своими традициями и организационными рамками. Для передачи неформальных правил поведения и обучения мастерству копания используются практики группового копа.

Погружаясь в культуру копа, копатели могут находить сообщников как через социальные сети, сборы и сходки, так и знакомиться с ними непосредственно на местности. Несмотря на недоверие к незнакомцам, некоторые копатели предлагают выезды на совместный коп, а копатели-новички выставляют объявления с просьбой взять их на первый выезд. После такого обучения возможны варианты: продолжить копать в составе этих групп, отстраниться и заняться индивидуальным копом или же сформировать свою группу.

«Наставники объяснили, показали очень много для меня, а потом уже пошел сам и дальше уже сам нарабатывал. Больше я с ними уже не виделся. Те, кто там по-серьезному копают, работают группами такими замкнутыми своими, левых не посвящают» (Информант 10).

Организация копа — в группах или поодиночке — может зависеть как от личных предпочтений каждого копателя, так и от сложившихся обстоятельств. Семейное положение, наличие детей и полная рабочая занятость существенно ограничивают возможность кооперации. Другие намеренно выбирают одиночный коп из соображений, что коп является исключительно интимным занятием, требующим высокой концентрации и дистанцирования от копательских групп.

«Но чаще я один езжу. То есть нет у нас какой-то группы. У меня есть знакомый, кто этим занимается, но мы все никак не скооперируемся, чтоб какой-то совместный сделать» (Информант 11).

Необходимость кооперации обусловлена двумя моментами — транспортным вопросом и соображением безопасности. Наличие машины является одним из необходимых условий для выездов на дальние расстояния, ведь копатели везут с собой тяжелые инструменты и экипировку, а потом вывозят находки. В связи с этим, если у одного из копателей из группы есть машина, то совместные выезды производятся на ней, тогда как другие участники оплачивают топливо.

«Раньше я два года просто своим ходом, пока не познакомился с ребятами. Мы с ребятами выезжали на ихних машинах» (Информант 8).

Это же касается и безопасности, которую легче обеспечить в группе. Несмотря на то что во время самого прохода с металлоискателем людям необходимо держаться порознь для предотвращения конфликтующих сигналов, совместная поездка позволяет защититься от многих опасностей и трудностей, которые несет с собой коп. К примеру, от встречи с дикими животными, охотниками, правоохранительными органами, собственниками территорий и др.

«Была же история, пошел в одно место с прибором, после мне сказали, что там мужичок с топором бегаёт. Потому что идиоты

не закопали там ямки и у него корова ногу сломала, и он теперь гоняет всех оттуда» (Информант 3).

Начинается коп с разведки местности. Для этого на местность накладывают старинные карты, содержащие информацию о деревнях, поселениях и торговых путях. Для этих целей можно воспользоваться специальными приложениями, которые предлагают как бесплатные карты, так и платные. Опытные копатели рассказывают, что могут обнаружить правильное место для копа с помощью простых спутниковых карт. Взглянув на рельеф местности, можно предположить не только бывшие населенные пункты, но и расположение в их пределах конкретных жилых строений и объектов совместного пользования.

«Ну по-разному бывает, если ты нашел новое место на карте, в котором ты не был ни разу... Это называется сходить на разведку, можно и одним днем... Ну можно и на парочку дней с ночевкой, с палаткой двинуться» (Информант 5).

Спектр технических средств, которые используют копатели, может быть базовым или продвинутым в зависимости от потребностей и стажа копателя. В базовый набор входят металлоискатель и лопата. Модели металлоискателя могут быть абсолютно разными — от простых до продвинутых. Разница заключается в точности определения сигнала и возможности определять глубину залежи. Продвинутые и дорогие металлоискатели имеют в своем арсенале разные катушки (насадки в нижней части металлоискателя) и уточняющие конфигурации — их можно настроить на поиск исключительно цветных металлов или даже на поиск конкретного цветного металла. Основное требование к лопате заключается в острой заточке для более эффективного копа.

Помимо основного набора копатели могут использовать дополнительные приборы, облегчающие поиск. Основным дополнительным прибором является пинпоинтер, который способен более точно определить расположение искомого предмета в земляном комке, что ускоряет поиск находки и снижает риск ее повреждения лопатой.

«У него большие плюсы, потому что, когда ты, допустим, ищешь, ну, в грязи, капает дождик, еще чего-то... Металлоискатель дает звук, и копаешь, копаешь, и ничего нет. А с пинпоинтером ты это более точно определишь, где чего» (Информант 10).

В зависимости от длительности и дальности поездки копатели помимо еды, медикаментов, кемпинговых принадлежностей, сменной одежды берут с собой средства самозащиты в виде охотничьих ножей и оружия.

«Если надолго ходишь, то... надо брать с собой нож. Если ружье есть, можно далеко от цивилизации. Ну да, потому что медведи всякие, волки бывают, иногда они там воют, часто ходят. Ну я перцовый баллончик беру с собой, думая, что он меня спасет» (Информант 5).

Интересным моментом в практиках копа являются ритуалы копателей, совершаемые перед началом копа. К традиционным практикам относится **задабривание деда Хабара** (духа — покровителя копа) на удачу. Для задабривания духа необходимо закопать в первую ямку какой-то предмет. Это может быть современная монета, конфета, кусок сахара, или можно вылить в ямку немного алкоголя. Считается, что таким ритуалом копатель дает подаяние земле, прежде чем попытается у нее что-то забрать. Кроме того, плохой приметой считается брать с собой на коп старые находки, поскольку они могут отпугнуть удачу. К частным практикам относится молитва перед копом. Копатели желают удачи друг другу, произнося традиционную фразу: **«Всех благ и фарту под катуху»** (фарта — удача, катуха — насадка к металлоискателю).

«Когда едем на коп, в первую ямку, в первый сигнал я всегда стараюсь бросить монетки современные. Бывает, какие-нибудь конфетины, еще чего-нибудь тоже дедушке Хабару закапываем» (Информант 4).

На основе отношения копателя к собственному делу можно разграничить копателей на тех, для кого это хобби, и тех, кто имеет профессиональный подход. Первые занимаются выездом в свободное время, часто это выезды выходного дня, они имеют базовый набор технических средств и чаще копают поодиночке. Выезд у них происходит в регионе проживания, недалеко от дома или дачи.

«Самое большое, что я отсюда отъехал, от городка, — двадцать пять километров» (Информант 3).

Те же, кто занимается копом более профессионально, чаще имеют широкий арсенал инструментов, несколько металлоискателей и разнообразный набор катушек. Их выезды могут происходить на более дальние расстояния, в том числе за пределы региона проживания. Выезды могут быть долгосрочными, вплоть до нескольких дней, с проживанием в палатках. Групповая коммуникация с сообществом более налажена, выезды производятся группами для эффективного разведывания территории и строевого прохода по ней. Профессионалы отличаются от любителей технической оснащенностью, а также временем, которое они затрачивают на эту деятельность.

«Мы копаем вокруг Москвы. То есть не Московская область, а прибрежные, прибрежные области, прямо по кругу. И плюс еще в Карелии. Пару раз в Карелию выезжаем, но больше на военную археологию» (Информант 2).

Таким образом, с точки зрения организации деятельности копатели делятся на одиночек и работающих в составе групп, а также на любителей и профессионалов. При этом нет взаимного соответствия этих групп: профессионалы, как и любители, могут работать индивидуально или бригадами.

Обращение с находками

В этом разделе мы опишем формы обращения с найденными предметами старины, а также смыслы, вкладываемые в решение оставить или продать находку.

Транспортировка и хранение находок

Транспортировка и хранение находки зависит от ее рыночной стоимости, которая является производной от ее исторической ценности, а иногда ее синергетической ценности для коллекции копателя.

«Понятно, если находки хрупкие, их, конечно, в пакетики там, в какую-то специальную коробочку, чтобы, не дай бог, не сломать, не повредить» (Информант 1).

Золотые монеты и украшения могут перевозиться в конвертах или свертках ткани, хранятся они в отдельных альбомах, в то время как дешевые находки из меди или серебра могут перевозиться в карманах и храниться в банках. Дешевые находки чаще становятся объектами дарения или мелкой перепродажи, поскольку их изобилие не несет какой-либо ценности для пополнения личной коллекции.

«Из этой сотни монет хороших было... Штуки три, наверное, в сохране, все остальное — просто медь. Грубо говоря. Я эти монеты в банку сложил, и за три года целая банка накопилась, я просто сходил и сдал в металлолом» (Информант 5).

«Их много накопилось, пять штук, я думаю, куда мне их столько, а выкидывать жалко, я их на „Авито“ выставил» (Информант 5).

Чрезмерное изобилие не нужных для коллекции копателя находок и переполненность ими рынка приводит к снижению их ценовой и символической ценности. Для начинающих копателей каждая находка может занимать свое особенное место в коллекции, но по мере накопления находок их ценность снижается.

Коллекционирование

Многие копатели сохраняют находки в собственных коллекциях. При сохранении находок копатели рассматривают их как артефакт, через который возможно приобщиться к истории. Предмет старины становится связующим звеном между прошлым и нынешним обладателями.

«То есть, конечно, мне тоже хочется там, насмотревшись, сделать какое-то панно, хочется там написать по каждому кресту, в каком районе он был найден, чтобы это оставалось не просто как декоративное, а чтобы несло какую-то еще историческую ценность» (Информант 4).

«Это ведь была чья-то вещь с историей, это вообще космос, потому что ты можешь себе представить, где эта вещь была, как ею пользовались» (Информант 2).

«Очень многие находки непонятно как сделаны, то есть очень какие-то совершенные технологии» (Информант 1).

Коллекционирование не принимает вида закрытого хранения, а, наоборот, находки собираются в панно или альбомы, становясь демонстрацией респектабельности и историко-культурной осведомленности коллекционера. Сами предметы старины воспринимаются как продукты творческой деятельности людей прошлого. Собственно, их аккумулированная историко-культурная ценность в виде панно или вписанных в интерьер коллекционных наборов создает вид респектабельности копателя.

Дополнительным стимулом сохранять предметы старины выступает желание создать наследие и приобщить своих потомков к истории. Это может быть попыткой формирования и укоренения семейных традиций; приобщения к родовой истории через приобщение потомков; трансформации символической значимости находки с исторической на семейную.

«Монеты останутся в коллекции, останутся для потомков, для детей, для внуков, для правнуков, которые будут держать те же самые две копейки» (Информант 12).

«Конечно, мне хотелось бы, чтобы мои дети передавали какие-то вещи по наследству, чтобы ценили это» (Информант 4).

Таким образом, может происходить слияние исторических и семейных ценностей в символическом значении предмета старины, что способствует формированию внутрисемейной историко-родовой приобщенности. Сохранение находок в своих коллекциях зависит от потребности конструировать образ респектабельности и приобщаться к истории посредством коммуникации с «историчностью» предметов старины.

Продажа находок

Часть найденных при раскопках находок продается. (Организации этого рынка будет посвящен следующий раздел.) Если копатели не в состоянии оставить себе предметы старины из-за финансовых причин или низкой ценности находки для своей коллекции, они продают их в частные руки. Возникает вопрос: почему любители истории продают находки, а не сдают их в музей?

Наше исследование показывает, что такой выбор не сводится исключительно к материальному интересу копателей. Продажа находок имеет более сложное обоснование. Информанты указывают, что продажа предметов старины способствует не столько личному обогащению, сколько сохранению предметов старины. В частных коллекциях находки хранятся в качественно лучших условиях, чем у самих копателей или в музеях.

Претензии к музеям сводятся к нескольким пунктам:

- несовершенство условий хранения в музейных фондах,
 - недоступность значительной части фондов для обозрения обывателей,
 - воровство из музейных фондов, подмена оригиналов подделками.
- «Опять же наши все музеи, девяносто процентов это все муляж, это все новодел называется» (Информант 1).*

«В музеях все уже разграбили, продали, все за границу вывезли, ничего нет толком посмотреть в музеях» (Информант 13).

Кроме того, копатели видят в музейных работниках лоббистов ужесточения запрета на частный коп, что усиливает их нежелание сотрудничать с музеями.

«Монет, которые и не представляют никакой ценности, тьма. Они во всех музеях, во всех запасниках в корзинах, в сундуках, они никому не нужны, но нам нельзя их копать» (Информант 12).

Рынок и сбыт

В данном разделе определим способы и формы коммерческой организованности внутри сообщества копателей, включая оценку найденных предметов, их сбыт и бартерный обмен.

Оценка предметов старины

Оценка находок происходит путем размещения постов в социальных сетях с целью получить информацию от сообщества. Возможно

и прямое обращение к локальным экспертам в крупных чатах. Информанты указывают, что в случае обнаружения неизвестного предмета старины копатель может опубликовать бесплатный пост в ВК или загрузить фотографию в один из чатов в Telegram или ВКонтакте.

«Когда попадается вещь, с которой я, допустим, раньше не сталкивался, да, я могу... в этих пабликах как на определение выставить, спросить у людей, что вы можете сказать об этой вещи. Что это вообще такое?» (Информант 7).

«А в основном вот у нас в чатах, на форумах скидываешь фотографию на оценку. И уже идут комментарии, и ты им пишешь — хочу продать» (Информант 6).

Таким же способом находки проверяются на подлинность, если они были приобретены через сомнительные каналы (блошинные рынки, у продавцов возле исторических памятников). Необходимо подчеркнуть, что финансовая ценность находки выражается через ее «историчность», которая в дальнейшем переводится в стоимостной эквивалент.

Необходимо отметить, что в ходе такого оценивания копатели и эксперты преследуют различные цели. Копатель желает знать истинную ценность находки, а оценщик может занижать цену с целью ее выкупа. С этим связан низкий уровень доверия копателей к экспертам. Соответственно, для нивелирования риска копатели практикуют перекрестную оценку, показывая находку нескольким специалистам и аккумулируя итоговую информацию от экспертов-копателей.

«Тогда такой эксперт, обладая знаниями, выкупает такую монету у копателя задешево и становится обладателем редкости, которую можно либо оставить у себя в коллекции, либо перепродать ее коллекционеру, который тоже понимает, что это монета редкая и ценная, но уже совсем за другие деньги» (Информант 9).

Также помимо экспертов-копателей в интернет-сообществах присутствуют официально дипломированные специалисты, включая профессиональных археологов, научных сотрудников. Они выкупают интересующие их находки либо собирают информацию для своих научных изысканий.

«Я определяю эти монеты, то есть идет взаимовыгодный обмен. И люди, которые с научной точки зрения подходят в нумизматике, все пользуются услугами, все» (Информант 9).

«Поскольку копатель охватывает гораздо большее количество регионов, вы получаете сразу большой массив информации, если за этим следить. Таким образом, к вам скапливается информация гораздо

больше и массивнее, чем если вы поедете в археологическую экспедицию» (Информант 9).

Опрошенный эксперт-оценщик указал на то, что публикуемые копателями материалы представляются более обширными и легкодоступными, нежели музейные фонды. Ученые, поддерживающие связи с копателями, могут узнавать о месте нахождения находок, их количестве, глубине залегания и т. д., что дает им «инсайдерскую» информацию для своих публикаций, а в обмен они проводят оценку и дают дополнительную информацию по предметам старины. Это один из примеров взаимовыгодной коммуникации «обыденного» знания археологов-любителей с представителями конвенциональной академии.

Сбыт находок

В сбыте продукции необходимо разделять сдачу черных металлов и продажу предметов старины.

Сдача черных металлов может давать дополнительный доход или служить основным заработком. Эта деятельность может проходить в правовом поле, что минимизирует риски столкновений с правоохранительными органами и археологами. С другой стороны, сдача металла может быть не самоцелью, а лишь сопровождением поиска предметов старины. Так, сдача металла может покрывать расходы на выезд (горючее, продукты, покупка амуниции, технические приспособления и т. д.) или же становится финансовой поддержкой на время длительных поисков предметов старины.

«Безработных много стало, и в основном если не металлокопом, то монетами занимаются» (Информант 13).

Черные металлы сбывают в приемных пунктах. С предметами старины сложнее из-за налагаемых законами ограничений. Информанты указывают, что дорогие находки продаются через известных им посредников, а предметы низкой стоимости могут проходить через интернет-аукционы или общественные торговые площадки по типу «Авито».

На основе высказываний информантов можно выделить несколько каналов сбыта находок:

1. Через сеть лично знакомых коллекционеров и владельцев антикварных магазинов.

2. Через сеть «перекупов» или «барыг» — группы торговцев, которые занимаются продажей любых товаров (от старинных монет до наград ВОВ, икон, холодного оружия и т. д.).

3. Через интернет — посредством аукционов или прямых продаж через тематические группы посредством Р2Р-торговли.

Необходимо указать, что дорогостоящие предметы сбываются по первым двум каналам исключительно через закрытую систему личных связей. Также копатели не смогли реконструировать (или не захотели) систему циркуляции предметов старины от перекупщика до конечного потребителя. То есть в цепочке от копателя до потребителя есть неизменное звено: копатель — перекупщик — неизвестные агенты — конечный покупатель. При продажах через интернет копатель и покупатель взаимодействуют напрямую, но при торговле через посредников нельзя отследить все звенья и каналы сбыта предметов старины.

«Какие-то дешевые вещи и на площадках можно купить, да. А дорогие вещи только через знакомых, никто ни на площадках, ни через интернет-аукцион не продает» (Информант 1).

Продажи через интернет осуществляются посредством Р2Р-торговли, но таким образом продаются только относительно дешевые находки. Продажа основана на доверии покупателя, поскольку он авансом оплачивает предмет старины, а затем ждет почтовой посылки. Парадоксально, что в сообществе с крайне низким уровнем доверия активно функционирует обмен, полностью основанный на доверии. Так происходят продажи на территории РФ.

Для продажи за пределами страны используются личные связи и закрытые каналы связи. Р2Р-торговля не используется по нескольким причинам. Дело в том, что копатели опасаются преследования за продажу культурных ценностей за рубеж. Но есть и такие копатели, которые проявляют гражданскую позицию и отказываются продавать антиквариат за пределы РФ.

Дарообмен

В сообществе копателей распространена практика обмена подарками. В качестве таковых выступают находки копа. Этот дарообмен предметами старины нельзя считать формой бартера. Бартер предполагает стоимостную эквивалентность обмениваемых благ, это тот же рыночный обмен, но в отсутствие денег. В данном случае обмен подарками является частным случаем реципрокных взаимодействий, при которых форма, сроки и стоимость ответного дара не оговариваются, что вовсе не снимает с принимающего подарок негласное обязательство ответного дара. Реципрокные обмены не предполагают эквивалентность стоимости дара и отдара, а также не преследуют цели максимизации

выгоды. Дарообмен, скорее, направлен на формирование устойчивых взаимодействий в социальной сети копателей.

«И так как мы с ребятами общаемся, они присылают подарки, а я взамен тоже какие-то свои находки. Ну да, наверное, это обмен. Но мы не договариваемся о том, чем мы обмениваемся, то есть это просто, чисто там, типа, — ты мне пришлешь подарок, а я тебе взамен тогда тоже чего-нибудь пришлю» (Информант 2).

Несмотря на то что копатели могут ожидать схожих посылок от других, это скорее механизм создания и укрепления связей и статусов внутри сообщества. Установление более тесных связей способствует формированию групповых выездов, что увеличивает охват территории поиска.

Моральные легитимации

Занимаясь противоправными действиями, копатели вырабатывают систему легитимации своей активности. Такая легитимация затрагивает как личные правила копателей на основе собственных убеждений или принятых в сообществе «традиций», так и восприятие законов, регламентирующих коп.

Традиционным правилом, которого придерживаются без исключения все копатели, является закапывание ямок за собой и за другими копателями. Это правило обосновано эстетической нормой: оставить место раскопок приближенным к тому, каким оно было до вмешательства, а также попыткой защитить скот от травм.

«У копаря есть определенный кодекс чести, что ямки надо закапывать» (Информант 9).

Перед каждым копателем стоит моральный выбор, где он готов совершать раскопки. По условиям законодательства копать людям запрещено практически везде, кроме собственного дачного участка. Однако найти место для копа, которое не содержало бы культурного слоя и не являлось бы чьи-то объектом собственности, хоть и чрезвычайно сложно, но возможно. Выбор места копа зависит от моральных правил копателя.

«Ну не копать рядом с церквями, на кладбищах на старых не копать. Но это мне кажется банально и полные только, наверное, отморозки не поймут» (Информант 11).

Копатели неоднородны с точки зрения принятых ими табу. В нашем исследовании нам встречались люди двух крайностей и промежуточного положения — те, кто копает исключительно «по закону», и те, кто им

пренебрегает и готов копать что угодно, в том числе предметы войны, могилы и курганы.

«Белые» копатели намеренно избегают каких-либо проблем, которые могут возникнуть в результате занятия любимым хобби, они тщательно изучили закон и могут даже носить с собой его распечатки для предъявления правоохранительным органам.

«Я сказал им, вот, смотрите, я сюда пришел не зря время тратить. Сперва ознакомьтесь с документами, а потом будете предъявлять мне. Я отдал им отсканированную копию этого закона и сказал: у меня мало времени. Ознакомьтесь, потом вопросы можете задавать, но я пока побегу по полю» (Информант 13).

Другая крайность — «черные» копатели: демонстрируют полное пренебрежение законами, моральными и этическими нормами, а также собственной безопасностью.

«Ну раскопали этого пана, все, что при нем было, я не знаю, забрали. Ну а кости оставили на поверхности» (Информант 6).

Между этими полюсами находится многочисленная группа «серых» копателей. Они могут отказываться копать в очевидно незаконных местах — на могилах, курганах и археологических памятниках, — однако игнорируют законы о культурном слое, частной собственности и других запретах на места, где можно производить коп.

Несмотря на то что копатели активно критикуют законодательные ограничения копа, они признают их разумную необходимость. Протест вызывает не само государственное регулирование, а ситуация, когда жесткость закона парадоксальным образом уживается с неоднозначностью норм.

«Но как так получается, что закон имеет две стороны — как бы бери, но и нельзя. Вот так же и с копательством. Ты ходи, но и нельзя» (Информант 3).

Критика закона направлена в первую очередь на его репрессивность. Копатели не видят смысла в ограничении копа для простых «серых» копателей и считают, что их незаслуженно смешивают с поистине «черными» копателями.

«Я считаю, что только одними лишь репрессивными мерами и репрессивными статьями вопрос этот не решить» (Информант 11).

«То есть если ты копнул, и там у тебя вышла вещь, которой больше ста лет, значит, ты нарушил культурный слой земли» (Информант 1).

Из предложений с их стороны выдвигается введение в России Британской системы взаимодействия с копателями с возможным выкупом находок государством, лицензирование копа по системе промышленного

рыболовства и ослабление существующих законодательных ограничений для поиска (культурный слой и возраст находок).

В среде копателей распространено негативное отношение к «черным» копателям, так как они своими действиями дискредитируют коп как таковой. «Черные» копатели настраивают профессиональных археологов против копателей, не делая скидку на их внутренние различия.

«Ну вы знаете, вот эти законы... Словом, я отношусь хорошо, потому что много людей, которые... Никакими принципами не руководствуются, они какие-то захоронения грабят, тот же самый курган» (Информант 7).

«Мы живем в цивилизованном мире, и, соответственно, везде, в любом месте должны быть правила, законы и должна быть черта, которую нельзя переступать» (Информант 13).

Таким образом, копатели дифференцированы по степени моральных обременений и уважения к закону. На этой основе производится разграничение на белых — серых — черных копателей. Первые соблюдают принятые сообществом правила, с пониманием относятся к законам. Последние же открыто презируют закон, не всегда следуют традиционным правилам сообщества. Впрочем, «черные» копатели не считают, что занимаются чем-то предосудительным. По большей же части копатели видят в своих действиях праведное спасение хиреющих находок, что и можно заметить в их повествовании.

«Поэтому то, что люди пытаются это поднять, изучить, посмотреть, и этот интерес, он неспроста, как бы, и он, его нельзя запретить, этот интерес людям к истории. Ну это просто аморально запретить людям интересоваться историей» (Информант 1).

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам взглянуть на деятельность копателей как на комплекс социальных практик, охватывающих как поиск предметов старины, так и их встраивание в рыночное пространство.

Мы выявили мотивации копателей — стремление заработать на находках, расширить знания истории, провести досуг в компании единомышленников, собрать или пополнить коллекцию. Также была описана палитра различных моделей организации копа — одиночный или групповой коп, профессиональный или любительский. Эти организационные модели предполагают различный уровень технической оснащенности копателей, а также сложности осваиваемых ими

маршрутов. Дифференциация копателей по мотивам и оргмоделям приводит к различиям в конфигурациях цепей оценки и сбыта находок.

Важно отметить, что, несмотря на выявленную дифференциацию, опрошенные нами копатели оказались более или менее явными археологами-любителями. Практика их металлопоиска расширяется «историческим» измерением, актуализируемым в выкапываемых предметах. «Историчность» находок наделяет их символическим значением, позволяющим осуществить «пересборку» результатов копа в элемент коллекции или предмет продажи. Более того, эта «историчность» распространяется и за пределы непосредственной копательской деятельности — именно она кладется в основу экономизированности выкапываемого из земли.

Далее мы увидели влияние процесса морализации, что распространяется как на «Хабара», так и на самих копателей. «Моральность» собственной деятельности и ее проекция на выкапываемый объект подкрепляют его товарность, создавая возможность экономизации. Не в последнюю очередь это происходит и через актуализацию «исторического» измерения: копатель не просто выкапывает и продает, но позволяет появиться этой «историчности» и стать достоянием общества, которому «нужна» своя история, получаемая не только от академической науки, но и от «простых людей», занимающихся копом. «История» выходит за границы музея и текста и начинает жить в «обычных» руках.

Также мы смогли взглянуть и на процесс формирования актор-сетей, взаимодействие между которыми опосредовано выкопанными предметами: создаются тематические сообщества (онлайн и офлайн), в них выделяются экспертные группы оценщиков, знатоков истории, археологов (в том числе имеющих отношение к конвенциональной академии), известных коллекционеров и просто мастеров копательского дела. Далее смогли выяснить, как происходит оценка и каковы каналы реализации находок на рынке. Так, продажа малоценных находок может осуществляться через тематические группы посредством P2P (person to person) или аукционы, а дорогостоящие вещи реализуются исключительно через личные каналы связей. При этом копатели редко имеют дело с конечными потребителями ценных находок, ограничиваясь контактами с «барыгами» или владельцами антикварных магазинов. Эта разветвленная сеть существует несмотря на юридический статус самой практики копа и предметов старины.

Наше исследование носило разведывательный характер с немалыми ограничениями по сбору данных. Однако мы нашли точки входа в довольно закрытое сообщество через особо заинтересованных в общении

и собственном рассказе копателей. Поэтому нам кажется важным предложить дальнейшие перспективы развития исследований по теме как для нас самих, так и для заинтересованных коллег.

В перспективе мы считаем, что для большей насыщенности описания необходима более обширная полевая работа — проведение включенного наблюдения. Выезд и прямое участие в металлопоиске существенно поможет в построении более комплексных и одновременно партикулярных картин этой практики. То же можно сказать и об участии в аукционах, выставках и барахолках. Выйдя за рамки интервью, исследователь копательской деятельности сможет непосредственно проследить за реализацией всех «измерений», обозначенных нами. Речь идет о производстве «историчности», морализаций и экономизаций уже не со слов, но из практик участников этих актуализаций.

Тем не менее работа в рамках интервью также может быть продолжена, особенно если такой преемник будет заинтересован во взаимодействии «научного» знания с «обыденным». Позиция работников музеев и академии раскрыта нами только через опубликованные тексты. Однако наше исследование показало, что на деле взаимодействие этих «миров» не ограничивается призывами к уничтожению, а вполне себе живо за пределами этих официальных источников.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Барсуковой Светлане Юрьевне за передачу своего опыта написания статей, глубокую и конструктивную критику различных частей работы, которая позволила нам значительно улучшить качество материала, а также за проявленное терпение. Отдельно хотим поблагодарить 13 копателей, которые решили выйти на контакт с исследовательской группой и дали развернутое интервью, где поделились своим опытом и ответили на самые щепетильные вопросы.

Acknowledgements

The authors express their gratitude to Barsukova Svetlana Yuryevna for sharing her experience in writing articles, deep and constructive criticism of various parts of the work, which allowed us to significantly improve the quality of the material, as well as for her patience. In addition, we want to thank 13 diggers who decided to get in touch with the research team and gave a detailed interview, where they shared their experience and answered the most sensitive questions.

Приложение

Таблица 1

Краткая информация по информантам

Продолжительность	Данные об информанте			
	Идентификатор	Пол	Возраст, лет	Стаж копателя, лет
0:53:00	Информант 1	М	≈40–50	≈15
1:28:59	Информант 2	Ж	≈35–45	≈15
1:00:51	Информант 3	М	≈60	2
1:03:24	Информант 4	Ж	≈40–50	3
1:35:31	Информант 5	М	29	7
1:21:39	Информант 6	М	27	≈15
1:32:36	Информант 7	М	≈25	2
1:09:26	Информант 8	М	≈20–25	≈3
3:14:18	Информант 9	М	≈40–50	≈5
0:55:52	Информант 10	М	≈40	≈7
0:41:26	Информант 11	М	≈30	≈3–4
1:20:49	Информант 12	М	≈60	≈15
1:03:06	Информант 13	М	≈30–40	≈13

Источники

Арцыбашева Т. Н. Клад и кладоискательство в этимологии, типологии и современной жизни. Ученые записки // Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. — 2015. — № 1 (33). — С. 1–9.

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Journal of Economic Sociology. — 2000. — № 1 (1). — С. 13–24.

Бердинских В. А. История кладоискательства в России. — М.: Захаров, 2005.

Де Лаэт М., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2 (117). — С. 171–232.

Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыбацких бухты Сен-Бриё // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2 (117). — С. 49–94.

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. — 2002. — Т. 35, № 5–6. — С. 1–32.

Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. — 2017. — Т. 27, № 2 (117). — С. 95–156.

Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике. — Пермь: Гиле Пресс, 2017.

Руденко Н. Больше, чем один — меньше, чем два: понятие и методология артикуляции множества в акторно-сетевой теории // Логос. — 2018. — Т. 28, № 5 (126). — С. 113–136.

Русланов Е., Русланова Р., Воробьева С. Субкультура «черных копателей» Республики Башкортостан: проблемы и решения // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте. — 2014. — С. 62–65.

Таммазо В. Погружаясь в магму: как подходить к исследованию разногласий с помощью акторно-сетевой теории // Логос. — 2018. — Т. 28, № 5 (126). — С. 53–84.

Тузбеков А. И. Социальные сети как ресурс в исследовании деятельности «кладоискателей» (пример Республики Башкортостан) // Социодинамика. — 2019. — № 12. — С. 126–133.

Широков А. Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлективные тексты // Социологическое обозрение. — 2019. — Т. 18, № 1. — С. 186–217.

Barford P. Some aspects of the collection-driven exploitation of the archaeological record in England and Wales // Revista d'arqueologia de Ponent. — 2020. — No. 30. — P. 101–125.

Beckert J., Wehinger F. In the shadow: Illegal markets and economic sociology // Socio-Economic Review. — 2013. — Vol. 11, No. 1. — P. 5–30.

Beckert J., Dewey M. The social organization of illegal markets // The architecture of illegal markets / Eds. J. Beckert, V. Dewey. — Oxford: Oxford University Press, 2017. — P. 1–35.

Çalışkan K., Callon M. Economization, part 1: shifting attention from the economy towards processes of economization // Economy and society. — 2009. — Vol. 38, No. 3. — P. 369–398.

Çalıřkan K., Callon M. Economization, part 2: a research programme for the study of markets // *Economy and society*. — 2010. — Vol. 39, No. 1. — P. 1–32.

Deckers P., Lewis M., Thomas S. Between two places: Archaeology and metal-detecting in Europe // *Open Archaeology*. — 2016. — Vol. 2, No. 1. — P. 426–429.

François P. A French Institutionalism in Economic Sociology? // *Handbook of Economic Sociology for the 21st Century: New Theoretical Approaches, Empirical Studies and Developments* / Ed. A. Maurer. — Cham: Springer International Publishing, 2021. — P. 63–77.

Geertz C. Chapter 1. Thick Description: Toward an interpretive theory of culture // *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. — N. Y.: Basic Books, 1973. — P. 3–30.

Gill D. The portable antiquities scheme and the treasure act: Protecting the archaeology of England and Wales? // *Papers from the Institute of Archaeology*. — 2010. — No. 20. — P. 1–11.

Lewis M. A detectorist's utopia? Archaeology and metal-detecting in England and Wales // *Open Archaeology*. — 2016. — Vol. 2, No. 1. — P. 127–139.

Levin P. Culture and markets: How economic sociology conceptualizes culture // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 2008. — Vol. 619, No. 1. — P. 114–129.

Mackenzie S., Yates D., Beckert J., Dewey M. What is grey about the “grey market” in antiquities // *The architecture of illegal markets: Towards an economic sociology of illegality in the economy* / Eds. J. Beckert, V. Dewey. — Oxford: Oxford University Press, 2017. — P. 70–86.

Muniesa F., Millo Y., Callon M. An introduction to market devices // *The Sociological Review*. — 2007. — No. 55. — P. 1–12.

Thomas S. Editorial: Portable antiquities: archaeology, collecting, metal detecting // *Internet Archaeology*. — 2013. — No. 33.

Zelizer V. A. *Economic lives*. — Princeton: Princeton University Press, 2010.

Белецкая Е. Исторический улов: спасатель из Беларуси нашел в реке 600-летний рыцарский меч. [Электронный ресурс]: Вокруг Света [сайт]. 27.09.2021. — URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/istoricheskii-ulov-spasatel-iz-belarusi-nashel-v-reke-600-letnii-rycarskii-mech-id837892/?ysclid=197884d0r5682682227> (дата обращения: 09.01.2022).

Классификация кладоискателей, или Копатель копателю рознь... [Электронный ресурс]: Копанина.рф [сайт]. 28.07.2013. — URL: <https://копанина.рф/publ/1/1/5-1-0-289> (дата обращения: 10.11.2021).

Список стран, где поиск с металлоискателем разрешен и запрещен (обновлен). [Электронный ресурс]: МД Арена [сайт]. 10.11.2017. — URL: <https://md-arena.com/spisok-stran-gde-razreshen-i-zapreshhen-poisk-s-md/> (дата обращения: 10.11.2021).

Классификация кладоискателей. [Электронный ресурс]: MESTOKLADA [сайт]. 27.09.2014. — URL: <http://mestoklada.ru/blog/zametki/719.html> (дата обращения: 14.11.2021).

Как мы нашли самый большой клад викингов. [Электронный ресурс]: МДРегион [сайт]. 20.10.2017. — URL: <https://www.mdregion.ru/o-kladoiskatelstve/28-rasskazi-kladoiskatelstvo/3306-kak-my-nashli-samyi-bolshoi-kad-vikingov.html?ysclid=1978c2g8fo241287739> (дата обращения: 10.10.2021).

References

- Arцыбашева Т. Н. Клад и клadoискател'ство в етимologii, типologii и современной zhizni [Treasure and treasure hunting in etymology, typology and modern life]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no 1 (33), pp. 1–9. (In Russ.)
- Barford P. Some aspects of the collection-driven exploitation of the archaeological record in England and Wales. *Revista d'arqueologia de Ponent*, 2020, no 30, pp. 101–125.
- Barsukova S. Yu. Neformal'naya ekonomika: prichiny razvitiya v zerkale mirovogo opyta [Informal economy: the reasons of development in the mirror of the world experience]. *Journal of Economic Sociology*, 2000, no 1 (1), pp. 13–24. (In Russ.)
- Beckert J., Dewey M. The social organization of illegal markets. *The architecture of illegal markets: Towards an economic sociology of illegality in the economy*, 2017, pp. 1–38.
- Beckert J., Wehinger F. In the shadow: Illegal markets and economic sociology. *Socio-Economic Review*, 2013, no 11 (1), pp. 5–30.
- Berdinskih V. A. *Istoriya kladoiskatel'stva v Rossii: [Monografiya]* [The history of treasure hunting in Russia]. Moscow, Zaharov, 2005. (In Russ.)
- Çalışkan K., Callon M. Economization, part 1: shifting attention from the economy towards processes of economization. *Economy and society*, 2009, no 38 (3), pp. 369–398.
- Çalışkan K., Callon M. Economization, part 2: a research programme for the study of markets. *Economy and society*, 2010, no 39 (1), pp. 1–32.
- De Laet M., Mol A. The Zimbabwe bush pump: Mechanics of a fluid technology. [Russ ed.: Zimbabvjskij vtulochnyj nasos: mekhanika tekuchej tekhnologii]. Transl. from eng.: A. Salin, E. Bykov. *Logos*, 2017, no 27 (2 (117)), pp. 171–232. (In Russ.)
- Deckers P., Lewis M., Thomas S. Between two places: Archaeology and metal-detecting in Europe. *Open Archaeology*, 2016, no 2 (1), pp. 426–429.
- François P. A French Institutionalism in Economic Sociology? *Handbook of Economic Sociology for the 21st Century: New Theoretical Approaches, Empirical Studies and Developments*. Cham, Springer International Publishing, 2021, pp. 63–77.
- Geertz C. Chapter 1. Thick Description: Toward an interpretive theory of culture. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York, Basic Books, 1973, pp. 3–30.
- Gill D. The portable antiquities scheme and the treasure act: Protecting the archaeology of England and Wales? *Papers from the Institute of Archaeology*, 2010, no 20, pp. 1–11.
- Kallon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Briec Bay [Russ. ed.: Nekotorye elementy sociologii perevoda: priruchenie morskikh grebeshkov i rybolovov buhty Sen-Briyo]. Transl. from eng.: K. Mayorova. *Logos*, 2017, no 27 (2 (117)), pp. 49–9. (In Russ.)
- Latour B. Give me a laboratory and I will raise the world [Russ. ed.: Dajte mne laboratoriyu, i ya perevernu mir]. Transl. from eng.: P. Kusliy. *Logos*, 2002, no 35 (5–6), pp. 1–32. (In Russ.)
- Latour B. Visualization and cognition. [Russ. ed.: Vizualizaciya i poznanie: izobrazhaya veshchi vmeste.] Transl. from eng.: M. Maslyukova, M. Rastorgueva, S. Gavrilenko. *Logos*, 2017, no 27 (2 (117)), pp. 95–156. (In Russ.)
- Levin P. Culture and markets: How economic sociology conceptualizes culture. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, no 619 (1), pp. 114–129.
- Lewis M. A detectorist's utopia? Archaeology and metal-detecting in England and Wales. *Open Archaeology*, 2016, no 2 (1), pp. 127–139.
- Mackenzie S., Yates D., Beckert J., Dewey M. What is grey about the “grey market” in antiquities. *Beckert J., Dewey M. (Eds.) The architecture of illegal markets: Towards an economic sociology of illegality in the economy*. Oxford, Oxford University Press, 2017, pp. 70–86.
- Mol A. *The body multiple: Ontology in medical practice* [Russ. ed.: Mnozhestvennoe telo: Ontologiya v medicinskoj praktike]. Transl. from eng.: K. Mayorova, V. Guseynov,

D. Kozhemyachenko, G. Kononov, V. Legeydo, M. Menshikov, A. Pavlova, A. Salin. Perm', Gile Press, 2017. (In Russ.)

Munies F., Milló Y., Callon M. An introduction to market devices. *The Sociological Review*, 2007, no 55, pp. 1–12.

Rudenko N. Bol'she, chem odin-men'she, chem dva: ponyatie i metodologiya artikulyacii mnozhestva v aktorno-setевой teorii [More than one — less than two: the concept and the methodology of enactment of multiplicity in Actor-Network theory]. *Logos*, 2018, no 28 (5 (126)), pp. 113–136. (In Russ.)

Ruslanov E., Ruslanova R., Vorob'eva S. Subkul'tura “chernyh kopatelej” Respubliki Bashkortostan: problemy i resheniya [Subculture of “black diggers” of the Republic of Bashkortostan: problems and solutions]. *Aktual'naya arheologiya 2. Arheologiya v sovremennom mire: v kontakte i v konflikte*, 2014, pp. 62–65. (In Russ.)

Shirokov A. Politika ob'yasneniya i strategiya opisaniya Bruno Latoura: kak pisat' infrarefleksivnye teksty [The Politics of Explanation and the Strategy of Description of Bruno Latour: How to Write Infra-reflexive Texts]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2019, no 18 (1), pp. 186–217. (In Russ.)

Thomas S. Editorial: Portable antiquities: archaeology, collecting, metal detecting. *Internet Archaeology*, 2013, no 33.

Tommazo V. Diving in Magma: How to Explore Controversies with Actor-Network Theory [Russ. ed.: Pogruzhayas' v magmu: kak podhodit' k issledovaniyu raznoglasij s pomoshch'yu aktorno-setевой teorii]. Transl. from eng.: E. Zotova. *Logos*, 2018, no 28 (5 (126)), pp. 53–84. (In Russ.)

Tuzbekov A. I. Social'nye seti kak resurs v issledovanii deyatelnosti “kladokatelej” (primer Respubliki Bashkortostan) [Social networks as a source for research of “treasure hunters” activities (an example of The Republic of Bashkortostan)]. *Sociodinamika*, 2019, no 12, pp. 126–133. (In Russ.)

Zelizer V. A. *Economic lives*. Princeton, Princeton University Press, 2010.

Хомченко Даниил Юрьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
dyukhomchenko@edu.hse.ru

Шмидова Елизавета Павловна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
liza.shmidova@yandex.ru

Щербак Роман Сергеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
romezz0@gmail.com

Khomchenko Daniil U., National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.
dyukhomchenko@edu.hse.ru

Shmidova Elizaveta P., National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.
liza.shmidova@yandex.ru

Shcherbak Roman S., National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.
romezz0@gmail.com

БИОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-19.kj08-w463

EDN: VJQGYZ

УДК: 316.613

Ч. Э. СЫМОНОВИЧ

(АВТО)БИОГРАФИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОЖАН 1945 ГОДА РОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО АНТРОПОЛОГИИ ЛЕНИНГРАДА — ПЕТЕРБУРГА

В статье представлен аналитический обзор, обобщающий сто (авто)биографических очерков современных жителей Санкт-Петербурга 1945 года рождения, опубликованных в сборнике «Ровесники Победы: истории наших читателей», который был издан ЦГПБ им. В. В. Маяковского в 2020 году. Научная актуальность публикации сборника состоит в значимости первичных личностных автобиографических и биографических материалов как источников сведений не только об обстоятельствах жизни нынешних жителей Санкт-Петербурга, рожденных в 1945 году, но и об их восприятии, переживании этапов своей жизни, о представлении в их сознании ее «смысла». Главная ценность материалов сборника состоит в социальном и культурном, психологическом многообразии, разнохарактерности и представленных в нем воспоминаний, и их авторов. Благодаря этому биографические воспоминания могут быть использованы как исторический источник представителями социальных и гуманитарных наук. При этом в статье подчеркивается характерная тональная заданность, которая проявляется в содержании и форме воспоминаний. Это объясняется тем, что отбор и первичная редакция текстов осуществлялись в районных библиотеках, которые собирали воспоминания горожан.

Ключевые слова: история, город, биография, воспоминания ровесников, послевоенное время, возрастная когорта, жители Санкт-Петербурга, память.

CHESLAV E. SYMONOVICH

**(AUTO)BIOGRAPHIES OF MODERN CITIZENS
BORN IN 1945 AS A SOURCE OF INFORMATION
ON THE SOCIAL ANTHROPOLOGY
OF LENINGRAD — ST. PETERSBURG**

The article provides an analytical and generalizing review of the hundred (auto) biographical sketches of modern residents of St. Petersburg born in 1945, published in the collection “Peers of Victory: stories of our readers” (TSGPB named after V. V. Mayakovsky, 2020). The scientific relevance of the publication lies in the enduring value of primary personal autobiographical and biographical materials as sources of information not only about the circumstances of the life of the current residents of St. Petersburg, born in 1945, but also about their perception, experience of the stages of this life, about the representation in their minds of its “meaning”. The main value of the materials of the collection is in the social and cultural, psychological diversity, diversity of character and the memories presented in it, and their authors. Thanks to this, the collection can be used as a source by representatives of many social sciences and humanities. It should be borne in mind, however, that a certain set of tone, content and forms of memories is characteristic of the collection, because the selection and primary editing was carried out in libraries that collected memories.

Keywords: history, city, biography, memories of war peers, post-war time, age cohort, residents of St. Petersburg, memory.

Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского собрала (г. Санкт-Петербург), отредактировала и выпустила в свет 700-страничный сборник воспоминаний ста жителей Ленинграда — Петербурга, рожденных в год окончания Великой Отечественной войны (Ровесники победы 2020). Работа осуществлялась почти весь 2020 год, от призыва к ровесникам Победы (далее — РП) поделиться воспоминаниями до вручения тем, кто откликнулся и вошел в число авторов, изданной книги.

Успех сборника, ценность его как *популярного источника* сведений о жизненных путях ровесников Победы во многом объясняется тем, что рожденным в 1945 г. было предложено рассказать в свободной форме о детстве, об учебе и работе, о людях, встреченных на жизненном пути, о памятных событиях, о семейной жизни, о кругах общения и, конечно, дружбе. Можно было присылать фотографии и копии редких документов.

При этом мемуарист не должен был, конечно, подтверждать документально или ссылкой факт или явление, которое ему запомнилось. Так, жившая на закрытой для посторонних территории Гостиного двора В. И. Сафонова пишет о разгуле бандитизма после ВОВ «... Чаше всего шайки состояли не из уголовников, а из простых граждан, работников ленинградских предприятий» (с. 473). Некоторые сведения об этом явлении есть в Сети¹, но как было на самом деле, знают только историки ленинградской милиции и вневедомственной охраны (ВОХР).

Ограничением объема сборника объяснялось упоминание организаторов о возможности не расписывать подробно всю жизнь, а остановиться на каком-либо ее этапе, даже одним ярким событием. Часть мемуаристов последовала этому совету. Исключение из правила — лишь 42-страничная публикация отрывков из дневника 2011–2016 годов с описаниями житейских ситуаций, личными впечатлениями, переживаниями политических событий и даже природных явлений (с. 624–668).

Председатель оргкомитета, директор ЦГПБ им. В. В. Маяковского З. В. Чалова призывала описывать *не эпоху, а дать портрет человека на фоне эпохи* (с. 7). Это оказалось труднее всего, ибо авторы воспоминаний не были вершителями чужих судеб, не литераторами, а в основном «простыми советскими людьми». Находясь в народной гуще, мемуаристы воспринимали события и процессы как общие для всей страны (смерть Сталина, полет Гагарина), так и изменившие ход их школьной жизни, их выбор профессии. Авторы воспоминаний, конечно, рассказывают о людях, встреченных в разные периоды жизни. Для меня как историка ровесников Победы особенно интересны характеристики людей, рожденных в 1941–1945 годах (с. 89–90, 100–101, 122, 128–129). Хорошо, когда биографические тексты обходятся без высоких недоказуемых обобщений вроде такого: *«Нашему поколению посчастливилось стать свидетелями и участниками грандиозных событий, произошедших в стране и в мире»* (с. 470).

Недостаточно надежными на первый взгляд представляются данные о движении населения Ленинграда, взятые из приводимого фото машинописной таблицы без ссылки на официальный источник (с. 470). В частности, о том, что за 1945 год число живорожденных составило

¹ https://pikabu.ru/story/leningrad_46_kakie_bandyi_na_samom_dele_orudovali_v_poslevoennom_gorode_4089877 (дата обращения: 25.04.2021).

43 523 человек. В Сети есть ссылка на статью в академическом издании, где указана численность родившихся в 1945 г. 45,2 тысячи¹.

Оргкомитет издания выражал надежду на то, что мемуаристы и их помощники постараются избегать излишней политизированности и резких оценок исторических событий и личностей. Это пожелание в основном было учтено авторами. Так, мемуаристка, рассказывающая о резне армян в Баку, вероятно, хотела, но не должна была называть это явление геноцидом. И лишь подчеркнула спасительные для ее семьи действия русского офицера, который во главе отряда азербайджанских курсантов помог выбраться из бакинского ада 1989 года (с. 27). Куда приятнее читать описание благодного межнационального мира в воспоминаниях девочки из Батуми: *«В нашем огромном дворе, где жили семьи разных национальностей... все и всё знали друг о друге. Жили шумно, интересно, всегда приходили на помощь в трудную минуту»* (с. 382).

Сравнительно редко встречается в сборнике желчный тон, когда воспоминания — это и сведение политических счетов с *«этой [советской] властью»*. Да, не может равнодушно вспоминать сын эвакуированных блокадников о том, что условием возвращения в Ленинград им поставили отказ от своего жилья, занятого якобы людьми из разрушенных домов (с. 511). Добавлю, кстати, что и мой отец, вернувшись в Ленинград в октябре 1945 года по вызову Государственного Эрмитажа, судился с людьми, занявшими его жилплощадь, и решение было не в его пользу. Нечасты в воспоминаниях о блокаде нелицеприятные, мерзкие образы: *«Все эти наспортистки, оправдомы с бегающими глазами, начальство, обжираловка в своем Смольном, вышли из войны весьма благополучными, и тому же обучили свое потомство...»* (с. 511).

Жанр публицистической книги сделал возможными парадные редакторские оценки и воспоминания авторов: *«Какие же славные судьбы у каждого участника, какие светлые воспоминания у большинства из них, несмотря на тяготы... послевоенного времени...»* (с. 7–8). Откликом на это стали несколько воспоминаний только о хорошем, радость любования родным с детства Царским Селом, школой, студенческой жизнью, общественной работой в проектно-институте, работой без оглядки на отдых, концентрацией на выполнении задания, праздниками на работе, застольями там же. А в последних строках

¹ *Ваксеп А. З.* Население Ленинграда в послевоенные годы (1945–1965) // Россия в XX веке: сборник статей к 70-летию со дня рождения В. А. Шишкина / Ред. В. М. Ковальчук. — М.: Ин-т истории РАН, 2005; Тайны истории. Онлайн-архив. — URL: <https://secrethistory.su/> (дата обращения: 19.03.2023).

отболевшее признание о том, что данную семью тоже некогда не обошло раскулачивание, репрессии, колымские лагеря, *«что не сделало наших старших озлобленными людьми... Все были трудолюбивыми, любили искусство, красоту мира, ценили хороших людей и уважали труд других»* (с. 596).

В напуганности председателя оргкомитета издания говорилось о возможности придавать воспоминаниям художественную форму. Как для историка важно, что немногие авторы вняли этому разрешению. Именно поэтому большинство рассказов о жизни воспринимаются как искренние личностные документы. Встречающиеся все же попытки беллетризировать воспоминания по форме не могу признать удачными. Это так называемые «женские душщипательные» рассказы.

Честнее, надежнее «чистые» воспоминания, без претензий на литературность. Это относится не только к текстам ровесников Победы. О детях ВОВ в воспоминаниях редко упоминали до 1990-х годов, но чем меньше оставалось в живых людей из поколений фронтовиков и работников тыла, тем больше внимания привлекали подростки и дети ВОВ.

Чтобы судить об источниковедческом значении текстов, надо бы сверять опубликованные варианты с оригиналами, но предполагаю, что опубликованы непридуманные истории. Из ста мемуаров лишь в редких случаях встречаются слова о «правильных» послевоенных 10-летиях (с. 614), похвала библиотекарей их добрым знакомым, авторам воспоминаний (с. 694).

О разножанровом, разнохарактерном сборнике оказалось непросто рассказать. Общее для всех авторов очевидно: рождение, как правило, на советской земле в 1945 году, беды и тяготы последних месяцев ВОВ и первых послевоенных лет. Сборник содержит немало описаний судеб младенцев, потом дошкольников, особенностей места проживания (город — деревня), социального и материального уровня родителей и лиц, которые их заменили.

Пытаясь выявить и представить читателю социальное происхождение мемуаристов, я попытался составить таблицу, но сразу понял, что в таблице не будет главной строки — социально-психологического самочувствия ребенка, подростка, того, что ярче всего запоминается, что может определить отношение ко всей последующей жизни. Ведь одно дело, если запомнилось, как из премиального отреза, полученного мамой в колхозе, сшито платье для дочки, и другое — было ли нормальное для психики ребенка чувство защищенности, не столько материальной, сколько духовной (а его в таблицу не впишешь).

Подчеркну, что редактирование текстов шло по единой инструкции, но осуществлялось разными людьми. По-разному сокращали и первоначальный объем текста. Большая часть повествований идет от первого лица, но есть и пересказы родственниками, сотрудниками районных библиотек. Что же касается общего количества текстов, то социологи считают представительным для анализа массив, кажется, не менее 400 текстов, чего в сборнике нет и быть не могло. Качественный же анализ вполне возможен. Я, как историк поколения ровесников Победы, 1945 года рождения, читаю и комментирую представленные тексты по-своему. Исследователи других возрастных когорт, других судеб отнесутся ко многим материалам сборника иначе.

Техническая сложность обобщения материалов сборника в том, что трудно и непродуктивно разносить эпизоды воспоминаний по различным темам и сторонам жизни мемуаристов. Многие факты, явления могут служить материалом для истории и быта, и административного права, и политической атмосферы эпохи. Когда автор одного из воспоминаний пишет об аресте отца и осуждении его на пять лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) за нарушение паспортного режима, то это событие семейного быта. Но это же и штрих к административной характеристике прикрепления граждан к месту жительства, а ведь речь идет не о колхознике, закрепощенном с начала 1930-х годов, но о бывшем фронтовике, служившем в летных частях. За давностью лет, или сознавая неизбежность жесткости послевоенного законодательства, или включив самоцензуру, автор воспоминаний не комментирует смерть отца (с. 389).

При углубленном анализе текстов как исторического источника необходимо привлекать ресурсы Интернета. Так, обращение к одному из порталов о фронтовиках позволяет предположить, что отец одной из мемуаристок — сержант А. И. Меньшиков, который служил на Ставрополье в 1000-м штурмовом авиаполку и награжден за оборону Кавказа¹.

Влияние места рождения и жизни мемуаристов несомненно. Читателю запомнится радостное чувство СВОБОДЫ плавания на лодке навстречу закату, памятное для Нины Казаковой, чей дом стоял на берегу залива в Гавани (с. 256). Не зря она была дочкой военного моряка, старшины 1-й статьи. Живя у Московского вокзала, можно было не знать о наводнениях. А Таню Абрамову в октябре 1955 года отец несет на плечах по полузатопленному Лермонтовскому проспекту (с. 12). Мемуаристка, жившая в детстве на Троицком поле, вспоминает

¹ <http://ava.org.ru/shap.html> (дата обращения: 06.03.2021).

о тогдашних просторах для занятий лыжами. А вот штрихи из области не физической, а социальной географии. В рабочих домиках в Володарском р-не (и других окраинах), где люди знали друг друга, квартиры не запирали, пока не прихлынули из деревень новые, завербованные на заводы «ленинградцы» (с. 386). Н. Л. Здоровская в 14 лет переехала вместе с родными из рабочего района в дом рядом с «Пассажем». И сразу оценила различия в социальной среде: «...я быстро привыкла. Это была другая жизнь, не хуже и не лучше, просто другая» (с. 239).

При тщательно организованном единообразии советского общества быт существенно зависел от природной зоны, от этнической среды, от пребывания под оккупацией или нахождения в советском тылу в годы ВОВ. Анна Шуткова пишет, как мать принесла её, новорожденную, после отступления немцев в белорусское село, где «от дома осталась одна яма от погреба... Надеть было нечего... Весной рвали крапиву, щавель собирали и варили суп, пекли из этого лепешки... Соседи помогли построить сарайчик... Вечером жгли лучину...» (с. 190). В. В. Харитонов из рабочей семьи в Нальчике запомнил, что «город был разрушен почти полностью... Наши 10 (саманных) барачков ... были более престижные... чем соседние полуземляные. Туалет и вода — на улице. Зимой в основном питались кукурузной кашей, свеклой, капустой. В феврале мы уходили в горы, где были поляны с черемшой, а затем приходило время разных фруктов и садовых ягод... Алычу я продавал на базаре вместо уроков» (с. 608–609). Ближе к сельскому быту, чем к городскому, был уклад жизни детства и молодости И. И. Чудновской в корпусах для персонала туберкулезной больницы в поселке Разлив, где работала ее мама (с. 673).

В некоторых текстах прослеживается не одно или два места пребывания, а череда городов и городков, по которым служба носила офицеров и их семьи. Отец Н. А. Филипповой строил аэродромы на Западной Украине, в Амурской области, Омске, Новосибирске, в Литве, Ставрополе, на Крайнем Севере (с. 602). В воспоминаниях другой дочери офицера — майора, попавшего в начале 60-х годов под сокращение Вооруженных Сил, читаем, что в большие города разрешали ехать только уволенным в запас «большим чином». Отцу же Л. М. Ключниковой, как и другим бывшим офицерам рангом ниже, разрешено было селиться только в небольших городах, и он с семьей бедствовал сначала в мазанке в станице Кавказской на Кубани, потом в г. Себеже Псковской обл. «Жили мы ... там очень бедно... Продовольствие поставлялось ограниченно... Посылали нас, детей, стоять в очереди. Это бывало на целый день» (с. 279). Вероятно, по контрасту с трудным детством

Л. М. Ключникова высоко оценивает как-то легко преодолеваемые «дефициты времен застоя», радуется праздникам на работе, недорогим путевкам в соцстраны (с. 279–280).

Происхождение мемуариста. Родительская семья, старшие родители

Особое место в биографических рассказах отведено социальному происхождению, родительской семье. О своем происхождении пишут практически все, но формулируя по-разному: *«петербурженка в нескольких поколениях»* (чья бабушка, однако, из Тверской губернии) (с. 30), *«бабушка — смолянка, дед и отец — инженеры-путейцы, другой дед — кузнец»* (с. 380), *«отец — офицер, мама — учительница, а в Войну — швея, занятая на производстве обмундирования»* (с. 388). Первое и главное во многих воспоминаниях — о погибших родных и о том, как эти потери резко изменили судьбы семей и самих авторов воспоминаний (с. 348).

О родителях принято говорить и писать только хорошее, и видимо, этим во многом объясняется не столько следование соответствующей нравственной норме, сколько убеждение авторов в том, что родители и страна дали их поколению все то, что могли. Поэтому малое внимание со стороны матери, самого близкого человека, объяснялось невероятными нагрузками ее на работах ради удовлетворения материальных нужд семьи (с. 626).

Война разрушила одни семьи, но способствовала созданию других. Пожалуй, большинство авторов воспоминаний росли в двух- или трехпоколенных семьях, и не всегда полных. Не менее чем в половине семей были взрослые мужчины, чаще всего бывшие фронтовики. Были и матери-военнослужащие: медики, связисты или, например, занятые обслуживанием приборов в артиллерии (с. 344). Бывало, что второй, послевоенный, брак матери становился причиной того, что ребенок от первого брака переходил на воспитание к бабушке, деду (с. 390, 597) или даже отправлялся в интернат.

Особо следует подчеркнуть социальную роль дедушек и бабушек, например, в передаче внукам стремления избрать творческую профессию (с. 589). Сила или робость духа авторов воспоминаний проявляется в их выдержке, в отсутствии гневных выкриков по отношению даже к сталинизму, поставившему под вопрос свободу и жизнь родственников, обвиненных по «ленинградскому делу», делу врачей-вредителей, буржуазных космополитов, преклонявшихся перед границей (с. 195).

Самоописания

Внешность: ни хвалиться своей внешностью, ни сетовать на ее недостатки не принято, но сделанные вскользь штрихи в воспоминаниях мы встречаем: «Я же [в 5-м классе не нравилась] никому (некрасивая была и очень идейная)» (с. 634).

Одежда, обувь... «Помню себя с трех лет... В коричневом пальтишке с черным бархатным воротничком (бабушка сшила из своего рабочего платья)» (с. 380). Некоторые детали одежды и обуви остались памятны ровесникам Победы навсегда. Более или менее острые, тяжкие переживания по поводу неполноценности своего внешнего «оформления» накапливались по мере вступления в средний и тем более старший школьный возраст. Громадной вехой становилась первая влюбленность в классе в пятом-шестом и страстное желание выглядеть хотя бы не хуже других в глазах любимого человека.

Состояние здоровья: тема сложная для воспоминаний и потому для многих нежелательная. К 75 годам болезней у мемуаристов было немало, но упоминают о них редко, только чтобы объяснить какое-то важное обстоятельство биографии. Так, Елену Никитину (большую двухмесячную) спас в конце января 1946 года ее дядя, доставив к врачу во время страшных морозов, укрыв ее своей шинелью и грея теплом своего тела (с. 388).

Характер: нет ли противоречия во фразах о себе и о родном доме Галины Юрьевой:

«По жизни я была очень маленькая и тихая. Папа понукал, коммуналка, пороли меня часто. У меня свой ремень был... Закомплексована была...» Естественно, что из родительского дома, от физических методов воспитания Галина бежала после окончания художественного училища на работу по распределению в Кыштым, как оказалось — в зону радиации... *«Через год мама узнала. Ну, опять поколотили меня...»* (с. 693).

В поисках причин строгости родителей возвращаемся к словам о них, но и они почти ничего не проясняют: *«Папа всю блокаду работал, а маму в конце 42-го с детским домом по Ладоге увезли, а потом она в 44-м вернулась, позже они поженились, и я потихонечку появилась»*. Вот разве что деталь «...с детским домом» наводит на мысль о том, что маме Галины, работавшей в военном детском доме, было не до сантиментов и в обращении со своей дочуркой.

Не будучи специалистом в области возрастной психологии, не проводя собственный глубинный опрос, трудно оценивать ответы о раннем

дошкольном детстве мемуаристов. Вряд ли что-то они помнят сами до достижения 3-летнего возраста и, наверное, в основном пересказывают узнанное ими от взрослых или напомнимое детскими фото.

Семейный, домашний, коммунальный, дворовый быт, игры

Естественно, что домашний и ближайший соседский быт представляет главное содержание воспоминаний о дошкольном этапе жизни. О коммунальных квартирах, гражданских и в военных городках вспоминает большинство авторов. Причем речь большей частью не о скандалах и пьяных драках, но о дружной соседской взаимопомощи, совместных празднованиях, о выступлениях детей с «концертами» перед соседями. Редкостью является рассказ о личном хозяйстве в семье заводского рабочего Феофана Борисова в городке Гурьеве. Всей большой семьей вели это хозяйство — держали скот и птицу, брали обрат на молокозаводе, сами сбивали масло (с. 229). Немало написано об очередях за мукой, другими продуктами, о нормах отпуска в одни руки, о нападениях на детей, отоваривавших карточки. О запираемых на ночь дворах-колодцах, заставленных поленищами дров, о плитах мощения тротуаров и булыжной мостовой, о вражде мальчишек «двор на двор», о радостных праздниках и субботниках по уборке, о бродячих точильщиках, музыкантах, которым бросали мелочь из окон, о молочниках из пригородов, ходивших по квартирам с бидонами (с. 699–700).

Незабываем в воспоминаниях и метраж комнаты, количество родных, теснившихся на 10–20 кв. метрах. В те годы тесно жило большинство, после огромных потерь жилого фонда в период ВОВ. Г. В. Ефремова помнит старшего брата, заболевшего в их подвальной сырой комнате бронхиальной астмой и рано умершего (с. 220). Если в семье был мужчина, возможный исход из коммунального быта заключался в строительстве в пригороде своего дома, отчасти на ссуду, предоставляемую государством (строительными материалами могло помочь предприятие). В сельской местности нередки были и самовольные порубки, преследуемые по закону.

Галя Ч. запомнила прогулку в возрасте 4-х лет с отцом в Мартышкино, его болезнь и смерть (*«День похорон папы. Я подхожу к разным людям и спрашиваю: „А вы будете плакать?“ С мамой мы ни разу не были ни в музее, ни в театре. ...Работать маме приходилось и ночами... Я ложусь спать, а она стучит костяшками на счётах... Уроки проверить у меня ей было некогда, поговорить — тем более»*) (с. 629).

И это чисто самостоятельное воспоминание. Иное дело, когда девочка, которой был один год, «вспоминает», как семья заготавливала дрова на зиму 1946/47 года: «...Добывали их где-то в районе Царскосельского железнодорожного моста у Обводного канала, после чего тащили на санках по бульжникам, так как снег еще не выпал...» (с. 389). Понятно, что в основе таких воспоминаний лежат рассказы родственников.

Памятны для людей всех возрастов взрослые и детские игры, не только развлекавшие, отвлекавшие от нужды и неурядиц, но и готовившие к взрослой жизни. Семейные и соседские компании просиживали, играя в дурака, простого и подкидного, в «акулину», в «пьяницу», в «козла», в «кинга». Наряду с картами в ходу была игра в лото (с. 31). Большое распространение имели познавательные игры с киданием кубика с цифрами на гранях и определением количества ходов каждого играющего по полю с изображениями дорог, путей с подвохами и возможными скачками вперед. Встречаем и такое описание развлечения взрослых: «*На работе у бабушки сотрудницы катали меня на перевернутых счётах по паркету*». Л. Б. Кулаковой запомнилось, как они с мамой напрасно простояли целый день за куклой-пупсом в очереди в универмаге «Пассаж» (с. 325). Но никакой предмет игр не мог сравниться с гордой радостью играть в то, что было сделано руками родного человека: «...*Папа смастерил мне первую игрушку — машину... с красным крестом... С этой машиной весь двор играл, возили в ней своих кукол, которых нас научили делать бабушки из тряпочек...*» (с. 380). Думаю, не только Галина Костенко до сих пор помнит, что лежало в ее ящичке для игрушек (с. 311). Просто не все об этом написали. В моем, например, лежит до сих пор клык моржонка, пряслице из отцовского археологического раскопа, два свинцовых раскрашенных танка с отломанными стволами пушек и что-то еще забытое и труднодоступное на дне сундука.

Образование, события школьных времен

Очевидно, что более основательны и надежны воспоминания о школьных годах, особенно о врезавшихся в память бедах, трудностях, радостях, об учителях, о школьном быте. На первое место ставлю русскую послевоенную «экзотику» в воспоминаниях Анатолия Петрова. Он ходил в сельские школы сначала за два, потом за шесть километров от дома, с обрезом винтовки от волков, владея оружием начиная с 7 лет (!). Это было не в далекой тайге, а под Ропшей, ибо оружия было в земле много. На чердаке у него хранилось еще четыре единицы огнестрельного оружия, в том числе пулемет-пистолет Дегтярева. В их

начальной школе, как водится, учитель вел занятия сразу в четырех классах. Анатолий окончил семилетку, а после строительного училища стал плотником, потом освоил еще несколько строительных специальностей. Это тоже была учеба, только не школьная, не вузовская. Был крепким, спортивным; учила и армия: три года в войсках ПВО. Важной нравственной школой он считает великую русскую литературу начиная с детских слез о «Бульке» Льва Толстого. Переходя от школьного раздела в раздел «про политику», считаю необходимым подчеркнуть, что Анатолий Васильевич гордится и сталинским периодом, и всей советской историей. Ему страшно смотреть на умирающее, по его мнению, отечество (с. 419). В этом плане он отступил от рекомендаций оргкомитета, и, к чести последнего, его строки вошли в публикацию.

Но вернемся к теме «образование». Т. В. Абрамова упоминает свою «девичью» ивановскую школу, основанную в 1833 году благотворителем Степаном Григорьевичем Ивановым. В издании «Энциклопедия Санкт-Петербурга» в статье А. В. Кобака и В. В. Антонова раскрывается славная история этой школы, не раз преобразованной, расширенной и другими попечителями, и общественными организациями¹, и это объясняет несколько наивные слова мемуаристки о хранении традиций школы (*помнится, в первой половине 50-х гг. парами чинно ходили на переменах не только в этой школе Ленинграда...*). Тепло Татьяна Васильевна пишет об отце-фронтовике, демобилизованном в 1953 году, но приводимых ею данных недостаточно хотя бы для краткого рассказа о его боевом пути (с. 9–10).

Благодаря Сети находим деталь биографии отца Тамары Захаровны Азаровой. Она упомянула о его награде — ордене Красной Звезды (с. 16). Возможно, это был отмеченный в электронном ресурсе «1418» старший краснофлотец Захар Сергеевич Азаров, 1910 года рождения, уроженец с. Таболо Епифанского р-на Тульской области...² (в районе собраны сведения не только по истории сел, но и о содержании метрических книг).

Неожиданно «добрую» службу сослужил Ибрагиму Гисматулину подростковый школьный шовинизм. Если бы его не били за то, что он татарин, то не дрался бы и он, и не попал бы в лагерь для перевоспитываемых, не прошел бы там школу подводного плавания и не стал бы на долгие годы водолазом-спасателем (с. 132). Весьма любопытная

¹ Церковь Равноапостольной Марии Магдалины при Ивановском девичьем училище. — URL: <http://encspb.ru/object/2804676746?dv=2853952566&lc=ru> (дата обращения: 28.02.2021).

² <https://1418museum.ru/heroes/32527817> (дата обращения: 28.02.2021).

деталь о школе 60-х годов упоминается А. Ф. Титовым: в ходе тогдашних преобразований всего и вся «стали приходить лекторы и, разделив класс на мальчиков и девочек, рассказывать о [половой?] жизни. ... Мы наконец узнали, что как называется» (с. 560). Интернет подтверждает: «В 60-х годах западные страны охватила сексуальная революция. ... Появились уроки на эту тему и в школах многих капиталистических стран. В СССР... также решили заняться секспросветом, и в школах появился знаменитый курс „Основы советской семьи и семейного воспитания“. ...Сексуальные отношения на уроках „Основ“ не упоминали... В 1965 году курс изъяли из школьной программы из-за его неэффективности»³.

Достаточно серьезен вопрос: в какую часть обзора поместить упоминания или рассказы мемуаристов о влюбленностях, о любви, об «отношениях», связанных с любовью и не связанных. О вступлении в фактические и юридические браки. С последними достаточно ясно, ибо в воспоминаниях мемуаристок с высшим образованием эти события помещаются примерно между первыми курсами вузов и их окончанием, но о влюбленностях упоминалось, естественно, гораздо раньше, начиная если не с пребывания в детском саду, то во всяком случае в школе. Не удивлен сообщению Г. М. Костенко: «...В третьем классе мы переехали в другой район. ...я прощались во дворе со своими друзьями. ...Витя Ефремов поцеловал меня в щеку и сказал: „...Прошу, приезжай еще“. ...А я еще подумала: он что, может, влюбился?» (с. 312).

Труд в жизни мемуаристов

Нет необходимости доказывать определяющую роль общественно-полезного труда в жизни советских мемуаристов и их родителей, особенно в годы восстановления и развития народного хозяйства, и позже — в «дозастойные» времена. Потерявшая миллионы воинов и тружеников страна не имела возможности создавать тепличные условия для семей с детьми, в том числе из неполных семей. Не удивляют воспоминания, например, Е. А. Никитиной, что мама и бабушка, которые работали, вынуждены были оставлять ее дома на попечении 9-летней соседской девочки (с. 321).

Светлана Багдасарян, росшая в большой армянской семье в Баку, работала с 1957 года (с 12 лет). В парикмахерской за 100 отпаренных

³ <https://bigpicture.ru/seksualnoe-obrazovanie-v-sssr-i-rossii-ot-stalinskoj-pedologii-dopapinyh-zhurnalov> (дата обращения: 04.05.2021).

и выглаженных пеленок ее кормили и давали немного денег. Так она заработала для семьи на стиральную машину «Ока» (с. 26)¹. Люба Бутковская стала в 13 лет полноправной колхозницей — работала в поле и при коровах, без денежной оплаты, за натуроплату зерном; работала также на своем участке, пока уехавшая в город мать не сумела вывезти ее и сестер из сельскохозяйственного артельного «рая» (с. 54).

Тамара Федорова начала работать в колхозе еще раньше — боронила, возила копны и т. д. (с. 585). К 1970-м годам выучилась на медсестру и работала, пока не повела ее Советская власть по общественной линии — профсоюзной, затем административной, потребовавшей высшего юридического образования. Ко второй половине 2000-х годов Тамара Ивановна Туркина (урожденная Федорова) была уже деятельным представителем муниципального самоуправления в своем поселке. Впрочем, такой вариант завершения трудовой истории не так часто упоминается в данном сборнике.

С 14 лет работала санитаркой в стоматологии и Л. Ю. Взорова, ибо мать зарабатывала мало (с. 59). После 8-часового рабочего дня иной раз она засыпала на уроке в вечерней школе. Видимо, в заводской поликлинике не соблюдали положение о сокращенном рабочем дне для подростков. Так, у меня на фабрике с 1959 года мастер прямо-таки отгонял меня от станка после шести часов работы, пока мне не исполнилось 18 лет. Для не имевших по возрасту паспорта работа по закону не могла длиться дольше 4-х часов.

Петр Цимох вспоминает о сборе колосков на колхозных полях, о заготовке шишек и сдаче их за деньги в лесхоз, чтобы чем-то помочь матери (с. 617), ибо в 13 тыс. колхозов распределение денег и продуктов по труду отсутствовало в первые послевоенные годы (с. 617). На предприятиях и в учреждениях настоятельно предлагали подписываться на государственные займы. Это был фактический налог, наряду с подоходным и с налогом на бездетных и малосемейных граждан².

В противоположность бытующему мнению о неготовности школ и предприятий к профессиональному образованию старшеклассников с 1959 года было введено важное для социализации молодых овладение рабочими профессиями: *«Четыре дня мы учились ... а два дня у нас*

¹ Круглые активаторные стиральные машины «Ока» с загрузкой 2–4 кг сухого белья и ручным отжимом производил завод им. Свердлова с 1956 г. — URL: <https://fb.ru/article/290075/stiralnyie-mashinyi-oka-opisanie-i-osobennosti> (дата обращения: 28.02.2021).

² Васюкин А. Как советские люди получали зарплату облигациями. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5f3149b60d8f01499c086ba1/kak-sovetskie-liudi-poluchali-zarplatu-obligaciiami-5fd794011c5dc11652b23763> (дата обращения: 28.02.2021).

было производственное обучение на электроламповом заводе... Вместе с аттестатом зрелости я получила, — пишет Татьяна Абрамова, — свидетельство о присвоении специальности» (с. 12, 315, 636, 679). Вероятно, прием на работу несовершеннолетних был практически во многих отраслях и местах вынужденным, ибо к рабочему возрасту ребята лишь приближались. Немало их, стремясь скорее начать работать, уходили из «детских» школ в школы рабочей и колхозной молодежи, вечерние и сменные школы.

Большую и, наверно, недооцененную роль в эти годы играла система среднего специального образования. Многие участники рецензируемого сборника получали специальность после 7-го класса именно в техникумах и училищах, в том числе военных. Это позволяло быстрее встать на ноги, помогать старшим, устраивать свою взрослую жизнь и, прежде всего, семейную.

Большинство участников сборника — женщины, и потому их первое слово не о карьерах, а о доме, о родных и во все периоды жизни. Среди женщин — авторов этого сборника больше таких, которые сохраняли специальность и место работы десятилетиями, за исключением лишь провальных 90-х годов, выбивших некоторых из колеи в рынок или на пенсию, но даже об этом они пишут, не давая волю гневу. Так, 50 лет проработала в библиотеках И. И. Чудновская (с. 679). У других повороты «карьеры» в связи с катастрофой страны 1991–1993 годов бывали огромные и болезненные, ибо ровесникам Победы было по 46–48 лет.

К. М. Казаков из разработчика оборудования для стыковки космических кораблей превратился в организатора «предприятия» по выпуску музыкальных звонков (с. 254). Не самый причудливый поворот — превращение инженера-химика в соучредительницу салона красоты с мини-кафе при ней (с. 186). Да и я в то время уходил на восемь лет с мизерной зарплаты историка в рабочие на военную стройку, и последние 15 лет работаю рабочим-ремонтником в больнице (с. 542).

Важнейшим фактором формирования трудовой биографии был выбор занятия, профобразования, специальности, места работы, но этот выбор был возможен не всегда. Изначально многое решала судьба, определившая место рождения и заданность трудового пути. В этом плане нормальным, правильным ходом жизни считаю для данного сборника жизненный путь орденоносной доярки и общественного деятеля Ставрополя Марии Михайловны Скрипник (с. 507).

Для одних мемуаристов важными факторами были собственные представления о желательном занятии, для других главным становился размер трудового дохода. Естественно, вмешивались подчас резко

и родные, в первую очередь родители, в более зрелом возрасте — брачный партнер. Так было у Людмилы Кадыш (урожд. Немцовой), в свое время самого молодого мастера спорта по гимнастике, кандидата в олимпийскую сборную СССР 1964 года (с. 249). К чести Выборгской библиотеки им. Лихачева, памяти Л. В. Кадыш был посвящен вечер 30 октября 2019 года¹, а в сборнике о ее жизни рассказал сын.

Влияние родителей, любивших свою профессию, не требовало длительного принуждения, особенно если речь не шла о многолетних занятиях музыкой, которые далеко не сразу давали ребенку творческую радость. Поэтому естественным в семье творческих работников был выбор подростком профессии художника, притом что дома царил музыка. И напротив, уходя от опасности светить отраженным светом, Андрей Юрьевич Толубеев не сразу следует за своим великим отцом — актером драмы, окончив Военно-медицинскую академию (с. 362).

Ближе к периоду застоя, когда люди постепенно расслабились, изменилось и отношение к работе, во всяком случае у части 25–30-летних. Вряд ли это относилось к рабочим-сдельщикам, но к офисным сотрудникам в НИИ и КБ — в полной мере. *«И чего-то мы там (техники и младшие научные сотрудники) считали... чертили, ездили в командировки... На самом деле... дурью маялись. Большие болтали, смеялись... отмечали дни рождения, праздновали разные события... вязали... И так работали многие коллективы НИИ и КБ... Советского Союза. ...Но тогда люди думали: так и должно быть... Главное — все вместе...»* (с. 638). Это высказывание при внимательном рассмотрении выводит на основополагающую для общества взаимосвязь экономики, политики и общественной нравственности. Что тут первично? Думаю, политика.

Если бы правители времен застоя не боялись «огорчать» трудящихся своей страны, радовать врагов, то сведения о действительном положении в хозяйстве были бы правдивы, не победны, и это дало бы какую-то встряску хотя бы части граждан, не равнодушных к судьбам социализма и своим. Но статсборники с 1980-х годов «худели», значения темпов роста становились всё лукавее... И даже на те тревожные тирады, что раздавались с Пленумов ЦК КПСС, люди не обращали внимания. То есть не только несовершенство экономического строя задерживало рост, но и замалчивание этого несовершенства. Здание политической системы постепенно тонуло в зыбучем песке экономических потерь.

¹ <http://www.vybnews.ru> (дата обращения: 18.03.2021).

Не говоря уже о непосильном грузе гонки перевооружений, помощи зарубежным «друзьям и союзникам».

В основном эту сторону жизни воспоминания обходят. Многие мои ровесники до сих пор не могут или не хотят понять, что их относительное благополучие в 1970–1980-е годы имело источником проедание «основного капитала» системы, накопленного природой (нефть) и трудом предшественников, отказывавших себе во всем. Но если в это не углубляться, то нормально воспринимаются положительные оценки существования в годы застоя. Так, в коммунальной квартире одной из мемуаристок *«всегда делились всем... Никакого расслоения не было... На 10 рублей можно было прожить ... неделю... У меня как конструктора... в 30 лет оклад с прогрессивкой составлял 150 рублей... Этот период жизни был насыщен культурными событиями...»* (с. 392–393).

Авторами сборника оказались рядовые (в смысле карьеры) советские люди, патриоты не только своей России, но и Союза Советов. Намек на диссидентство, исповедуемое по отношению к советскому строю или нынешнему, смутно проступает лишь в двух-трех текстах (например, на с. 394). Так было не потому, что большинство советских людей средних и старших поколений глядели только в свои тарелки, кошельки и на экраны ТВ, а потому, что легче было верить массовой агитации, чем рискнуть работой, семьей и личной свободой ради некоей «свободы» для всех.

То, что мы, ровесники войны, непременно изучали в вузах, не зря называлось не «Экономикс», не «Экономической теорией», а «Политэкономией социализма», и именно она призвана была обосновать наш экономический оптимизм, веру в победу нашей системы в мирном соревновании с Западом. Ослабление этой веры ровесников Победы в 1980-е годы недостаточно отражено в их воспоминаниях, как и объективная обусловленность перестройки, ее неудачи и обвал в 90-е годы. Возможно, это потому, что о плохом, неприятном писать не так интересно и желанно, как о светлом подростковом этапе жизни, о юной свежести на этапе обновления, в период «оттепели».

Из отдельных политических сюжетов, затронутых в воспоминаниях, назову примету либерализации общества после XX партсъезда в тексте И. И. Чудновской: учительница истории 434-й школы поселка Разлив И. И. Фирфарова позволяла ученикам старших классов на уроках *«высказывать свое... мнение по теме, которую проходили, спорить»* (с. 679). Другой эпизод политической микроистории — удивительный для нас, советских людей, помнящих 10–15-летние очереди на

улучшение жилищных условий: получение отдельной квартиры мемуаристкой после ее жалобы в ЦК КПСС (возможно, сыграла роль работа М. Н. Пампушкиной на строительстве БАМа) (с. 400).

В воспоминаниях мужчин встречается довольно подробное описание их срочной или кадровой службы в Вооруженных Силах. Не часто встретишь в жизнеописаниях городских мужчин горделивое подчеркивание добровольного вступления в ряды Вооруженных Сил (с. 233). Законом 1 сентября 1939 года такое для мирного времени не предусматривалось, но в данном случае речь идет о сыне погибшего фронтовика, о человеке, который с юности ориентировался на профессиональную военную карьеру, Герое России, командире атомной подводной лодки.

Достоин упоминания описанный церемониал принятия новобранцами присяги на верность стране, сопровождавшийся 30-километровым маршем от расположения части до мемориала «Разорванное кольцо» на Дороге жизни: *«Кому было идти обратно тяжело, тех подвозили до части санитарные машины...»* (с. 618).

В жизни политика, экономика и культура переплетены, как известно, что подтверждается и биографией нашего ровесника, свернувшего с технической стези на комсоровскую, затем на профсоюзную не ради борьбы за материальные интересы и права коллег, а для обогащения их досуга культмассовыми мероприятиями. У тех, от кого зависело продвижение данного профкультурга к руководству домом культуры, клубами, представление его к почетному званию, не было сомнений, ибо он говорил и делал все правильно. Так же он писал и в данном сборнике: *«На поведении послевоенных детей, БЕЗУСЛОВНО, сказывалась атмосфера того времени: особый патриотизм, гордость за Победу над страшным врагом, уверенность в том, что жизнь будет налаживаться»* (с. 459). Кажется, что автор приведенных выпренных строк жил среди каких-то особых, газетных и киноперсонажей, либо он намеренно подпускает розового тумана. Сегодняшним противникам прославленных советских послевоенных времен не интересны мнения ровесников Победы, практически *«вышедших в тираж»*.

Иное дело, когда оценки в воспоминаниях даны не ради «проходимости» текста в печать, не ради соответствия духу времени, явно отдающему предпочтение не ужасным, а героическим страницам внутренней отечественной истории, а как последний поклон прожитому, пусть не всегда ровно и радостно, зато временами счастливо в прекрасном и яростном советском мире. Таковы тексты Е. С. Петровой и многих других, которыми определяется главное настроение сборника. Как это

настроение формировалось, имело ли значение для этого идеологическое обеспечение, культурное строительство, эмоциональная атмосфера в советском обществе, какой временной этап был определяющим для культурного формирования когорты ровесников Победы?

Отражение в воспоминаниях духовности, культурной атмосферы, важнейших явлений литературы и искусства

Для второго десятилетия XXI века в России на удивление мало упоминаний мемуаристов о роли религии в их жизни. Разве что о крещении в начале 1990-х годов, когда немалая часть наших ровесников пришла если не к Богу, то в церковь, не очень понимая, какой это неимоверный душевный труд, груз. Какая великая ответственность перед собой, ближними и дальними — стремление следовать ветхозаветным правилам жизни и тем более христианским заповедям блаженства (с. 17).

Многие авторы сборника вспоминают о юности и молодости, оптимистично обрамленной или наполненной советскими песнями 60–70-х годов, о широком формате киноэкрана. Это было время уже не той ранней бедности и тесноты, когда в семье в 6-метровой комнатке было лишь две детские книжки — П. Бажова и Б. Житкова, и хорошо, если эти авторы понятны не только ребенку, но интересны и взрослому (с. 492). Один из самых близких для моей привязанности к книгам — рассказ Б. А. Ларионова о его работе на благо библиотек нашего города начиная со школьной скамьи, столь распространенной на рубеже 50–60-х годов (с. 330).

Немногие из авторов сборника заняты профессионально художественным творчеством. Среди них — композитор-песенник, художник, авторы стихов и прозы, о которых упоминалось в начале статьи. Как рядовой читатель и зритель, повторяю, что романы, стихи, песни, картины мемуаристов — это, как правило, лишь факты из их биографии, но не явления городского масштаба, не говоря уже о российском. Единственным исключением представляются стихи В. Н. Семеновой, ибо они единственные без претензий на широкое признание, без вселенских поз, бесхитростные и потому трогательные (с. 489–491).

По-настоящему интересен для историка культуры текст стилиаги, «лабуха» Славы Гладковского, вольного музыканта, колесившего с вокально-инструментальным ансамблем по малым городам страны и улаждавшего слух любителей западных шлягеров исполнением «на языке оригинала», заученном в русской транскрипции (с. 155).

С другой стороны, удивительно упоминание Г. В. Ефремовой о хороводах «стенка на стенку», водимых в ее детстве не в кондовой деревне, а во дворах возле Политехнического института: *«А мы просо сеяли, сеяли, ой, дид-ладо, сеяли, сеяли...»* (с. 223). Но чему удивляться, если население Ленинграда после блокады обновилось больше чем наполовину за счет приезжих, в том числе и бежавших всеми правдами и неправдами из разоренных войной колхозов, добываемых налогами, госпоставками, натуроплатой услуг МТС, дорожной повинностью, лесозаготовками, торфоразработками и др. На другом полюсе — пиршества интеллекта, французский язык, ставший профессией, и творческие взлеты подростков в литературном клубе «Дерзание» во Дворце пионеров им. А. А. Жданова (с. 289).

При всей возможной на государственно-партийном уровне унификации, выравнивании условий формирования советских людей послевоенного образца сохранялись и воспроизводились различия между огромными социальными группами и слоями, и это не могло быть иначе даже в сталинские времена, а тем более в условиях «вегетарианского» (не людоедского) социализма после осуждения отца советских народов.

Окончательные оценки мемуаристами себя и жизни, прожитой в основном в той стране, которой больше нет

Е. С. Петрова подробно пишет о счастливом детстве в сыром полу-подвале, который лишь через тридцать лет был признан непригодным для жилья. В детском саду булка пахла плесенью, рыбий жир лили прямо в суп. В день получки — пир: студень и булка с повидлом. Счастье, когда Елене доставалась вода из-под консервированного горошка и масло из-под рыбных консервов. Радость — это перелицовка бабушкиного пальто, флакон тетиных духов, абажур, пасхальные яства, чтение вечером вслух, театр у микрофона... *«Я очень горжусь своей бабушкой и всей семьей. Папа не жил с нами... но я всегда, до последнего его дня получала посылки с подарками... Он был очень любящим отцом»* (с. 427–430).

Нам, пока еще живым ровесникам Победы, куда важнее воспоминания о собственных ошибках и даже о плохих, мягко говоря, поступках. Я писал эти строки *«во дни печальные Великого поста»* 2021 года, глядя на страницу 189 сборника «Ровесники Победы», на которой автор

воспоминаний, Ольга, просит прощения у своей бывшей учительницы литературы, которая *«не вписалась в струю оттепели, читала свои старые, устаревшие конспекты»*. Ольга и другие 17-летние не знали в 1962 году, что стоит за этой отсталостью старой учительницы, какие беды, ужасы и страхи ВОВ, какие потери и запугивания (с. 189). Интересующихся судьбой учительницы Аси Львовны Гольдиной Ольга адресует к «Подстрочнику» Лилианы Лунгиной. Так намечается еще одно звено в цепочке воспоминаний¹.

Почти в каждом рассказе о жизни — не горечь, не страх, не ненависть, не стыд «за бесцельно прожитые годы», а умиротворенность, более-менее искреннее признание естественности для человека переживания «жизни ради жизни». Таков текст Галины Голубевой, дочки офицера: *мама, дочка и сын снимают комнату 12 метров. Чтобы выйти в туалет, надо выйти в сени, на двор, подняться на пригорок, и там большая дыра... Во дворе — воля, игры... Детсад отпугнул дисциплиной. В соляном парке продавались пирожки, семечки, там было колесо обозрения, играл оркестр... Запомнились кинофильмы для детей. И все это в вологодской деревне Дуброво было, — по ее сегодняшним словам, — *праздником каждый день»* (с. 166). Еще одним характерным для сборника примером обобщения итогов своей жизни видятся последние строки воспоминаний Л. М. Ключниковой: *«Об этом времени (90-х годах) вспоминать не хочется... Мы выстояли, выдержали. ... Была моя жизнь трудной? Конечно. Но это моя жизнь... Она одна, и неповторима»* (с. 281).*

Дописывал текст 9 мая 2021 года, и считаю своим долгом вспомнить слова В. Н. Катюхина, который как о родных написал о тех, кто пал 6 мая 1945 года в г. Оломоуце в Моравии, о тех двух с половиной миллионах советских воинов, которые покоятся в более чем четырех тысячах воинских мемориалах по всей Европе, и о тех, кто все реже и меньше ценит свой долг памяти перед спасшими их от нацизма (с. 274).

Таким образом, главная ценность материалов сборника воспоминаний состоит в социальном и культурном, психологическом многообразии, разнохарактерности представленных в нем судеб. Благодаря этому биографические воспоминания могут быть использованы как исторический источник представителями социальных и гуманитарных наук.

¹ <http://www.famhist.ru/famhist/lungina/00017c7e.htm> (дата обращения: 22.03.2021).

Источники

Ровесники Победы: истории наших читателей: сборник / Сост. Е. О. Левина, Ж. Н. Малахова; гл. ред. Е. Г. Ахти. — СПб.: ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 2020.

References

Rovesniki Pobedy: istorii nashikh chitateley: sbornik [Peers of victory: stories of our readers: collection]. Comp. by E. O. Levin, J. N. Malakhov; Ed.-in-chief E. G. Ahti. St. Petersburg, Vladimir Mayakovsky Central City Public Library, 2020.

Сымонович Чеслав Эрастович, кандидат исторических наук,
Союз ученых Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия.
cheslavs@yandex.ru

Symonovich, Cheslav E., PhD, Union of scientists, St. Petersburg, Russia.
cheslavs@yandex.ru

DOI: 10.25990/socinstras.pss-19.vqff-p285

EDN: XENDHR

УДК: 316.74:796

С. В. ВЪЖЕВСКИЙ

**ПЕРВЫЙ ИСТОРИК
РОССИЙСКОЙ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ
ОСКАР ЮРЬЕВИЧ БУШМАН**

Статья посвящена жизни и спортивно-организаторской деятельности Оскара Юрьевича Бушмана (1894–1983). На примере его жизненного пути, охватывавшего юность в досоветской России и активную деятельность на изломах шести с лишним десятилетий советского времени, показано становление рядового человека из низов общества как значимого общественного и спортивного деятеля. Эта деятельность начиналась с участия в спортивных мероприятиях, далее сочеталась с организационными усилиями, включая организацию соревнований, организацию судейства, организацию строительства спортивных сооружений, тренерскую работу, и оканчивалась созданием Совета ветеранов спорта и Музея физкультуры и спорта Ленинграда.

Ключевые слова: легкая атлетика, Оскар Бушман, жизненная стратегия, советское общество, общественная деятельность.

SERGEY V. VYZHEVSKII

**THE FIRST HISTORIAN OF RUSSIAN ATHLETICS
OSCAR BUSHMAN**

The article is devoted to the life and social (sports and organizational) activities of Oscar Bushman (1894–1983). On the example of his life path, which covered his youth in pre-Soviet Russia and big activity on the fractures of more than six decades of Soviet time, the promotion of an ordinary person from the bottom of society as a significant public and sports figure is shown. This activity began with participation in sports events, then combined with organizational efforts, including organizing competitions, organizing refereeing, organizing the construction of sports facilities, coaching, and ended with the creation of the Sports Veterans Council and the Museum of Physical Culture and Sports of Leningrad.

Keywords: athletics, life strategy, Oscar Bushman, public activities, soviet society.

В силу определенных причин история государства Российского в XX веке воспринимается нами разорванной и через призму той или иной идеологии. Кто-то идеализирует личность или политику

последнего самодержца из рода Романовых, кто-то выбирает кумиром одного из советских правителей, кто-то находит своих мессий в «святых 90-х», тогда как движение истории можно осознать только в единстве всех ее периодов, которые связывают между собой простые человеческие биографии — биографии людей, ненавязчиво совмещающие все эти разорванные и произвольно идеологически раскрашенные хронологические отрезки. Наверное, эти люди, если бы они дожили до наших дней, с недоумением относились бы ко многим нашим дискуссиям: ведь они жили и действовали во все эти времена и, несмотря на всю их лоскутность и пестроту, воспринимали единой и неделимой и свою личную жизненную историю, и историю страны, в которой жили.

Одним из таких людей является спортсмен и спортивный организатор, первый историк российской, преимущественно петербургско-ленинградской, легкой атлетики Оскар Юрьевич Бушман (1894–1983). Именно в его публикациях, вышедших в 1960–1970-е годы, была выстроена привычная нам канва имен и событий начиная с первых соревнований, проведенных в Павловском парке 6 августа (по старому стилю, 18 августа по новому) 1888 года, и кончая послевоенным временем, когда в спорте стали проявляться совсем иные тенденции. И совсем не случайно, что Оскар Бушман стал одним из инициаторов создания Музея физической культуры и спорта Ленинграда, музея, который сегодня, увы, не существует.

Биографические источники

Что мы знаем о нашем герое? Его краткая биография представлена в интернете на портале по истории спорта «Спорт-страна.ру» (дата публикации: 31 октября 2016 года): *«Бушман Оскар Юльевич. Родился 9 августа 1894 года в Санкт-Петербурге. Спортсмен (легкая атлетика), арбитр, спорторганизатор. Судья всесоюзной категории (1940). Почетный судья по спорту. Окончил коммерческое училище. Воспитанник КЛС (Санкт-Петербург). Выступал за „Санитас“ (Санкт-Петербург/Петроград) — с 1912 года. Победитель Ленинградского кросса (1914) в беге на 8 км. Организатор и первый руководитель коллектива физической культуры на Черниговском холодильнике (Ленинград). Первый председатель секции Ленинградского областного совета физкультуры (ЛОСФК) — с 1924 года. Был преподавателем Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. Член бюро физической культуры профсоюза пиццевиков. Участник*

первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Скончался 17 октября 1983 года».

Еще более коротка биография спортсмена в энциклопедии «Легкая атлетика»:

«БУШМАН Оскар Юльевич. СССР. (1894–197?). Видный организатор физкультурного движения, историк и популяризатор легкой атлетики в Ленинграде. Судья Всесоюзной категории (1940), почетный судья по спорту» (Зеличенко и др. 2012).

Еще один вариант биографии приведен в «Книге памяти и славы профсоюзного спорта Ленинграда»: *«БУШМАН Оскар Юрьевич (9.08.1894–17.10.1983). Участник Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн. Доброволец 3-й Петроградской дивизии народного ополчения. Воевал на Ленинградском, Прибалтийском фронтах. Удостоен боевых наград. Род.<ился> в Петербурге. Легкая атлетика (бег). Судья всесоюзной категории. Воспитанник Петербургского КЛС. Выступал за „Санитас“ (с 1912). Победитель городского кросса (1914 — 8 км). Окончил коммерческое училище. Организатор и первый рук.<оводитель> КФК на Черниговском холодильнике („Ленхладкомбинате“). Член бюро ФК профсоюза пиццевиков. Первый председатель легкоатлетической секции ЛОСФК (с 1924). Преподаватель ЛИИЖТа. Публиковался в городских и центральных изданиях»*

(Рогаткин, Шиянов 2015).

Прямо скажем, сведений немного, причем бросается в глаза расхождение в отчестве. Для того чтобы прояснить биографию Оскара, обратимся к документам из его личного архива. В нашем распоряжении имеются:

1. «Анкета ветерана спорта г. Ленинграда для истории спорта Петрограда-Ленинграда» (Бушман Анкета), собственноручно заполненная Бушманом 4 мая 1967 года.

2. «Трудовая, общественная и спортивная биография ветерана труда, партии, войны и спорта судьи всесоюзной категории по легкой атлетике и лыжному спорту Бушмана Оскара Юрьевича» («Биография

Оскар Юрьевич Бушман.
1967

Бушмана О. Ю.») (Бушман Труд) — 4-страничный документ, составленный самим спортсменом в 1982 году и отпечатанный на его печатной машинке.

3. «Биография О. Ю. Бушмана» (Бушман Био) — 3-страничный машинописный документ, отпечатанный самим спортсменом в 1981–1982 годах.

4. «Спортивная биография О. Ю. Бушмана» (Бушман Спорт) — 2-страничный машинописный документ, отпечатанный на той же печатной машинке в 1981–1982 годах.

5. «Этапы жизнедеятельности Оскара Юрьевича Бушмана» (Этапы 1979) — 4-страничная рукопись мелким почерком, отличным от почерка Бушмана, с разбивкой биографии по годам.

6. «Этапы жизнедеятельности Оскара Юрьевича Бушмана» (Этапы 1981) — краткий вариант одноименного предыдущего текста тем же мелким почерком на 1 странице.

В ряде случаев будем привлекать документы из других источников.

Ранний период

Начнем с отчества. Во всех известных нам документах, в том числе собственноручно заполненных Бушманом в разные годы, его отчество значится Юрьевич, а не Юльевич. На что мы и будем далее ориентироваться. Что касается даты рождения, то во всех прижизненных документах Оскар Юрьевич сообщал, что родился он в Петербурге 8 августа 1894 года в семье рабочего (слесаря) Обуховского сталелитейного завода (с 1922 года — Петроградский государственный оружейный оптический и сталелитейный завод «Большевик», ныне акционерное общество Государственный Обуховский завод) (Бушман Анкета; Бушман Труд).

О своих детстве и юности Бушман вспоминает коротко: *«Лишившись отца в малолетнем возрасте воспитался в одном из церковно-приходских приютов при одной из лютеранских церквей Петербурга, где и закончил 6-ти классную школу, а затем в возрасте 16-ти лет начал свою трудовую деятельность в качестве конторского ученика в одной из частных мукомольных фирм, а через 2 года перешел также в частное издательство, где работал экспедитором»* (Бушман Труд). Так как по национальности Оскар Юрьевич — эстонец, то логично предположить, что воспитывался он в школе и приюте при Эстонской лютеранской церкви Св. Иоанна (современный адрес: ул. Декабристов, 54в), построенной в год его рождения. Сама же

Яникирик находится рядом, на улице Декабристов, 54а. Действительно, в метрической книге данной церкви за 1894 год находим запись о рождении 26 июля по старому стилю (7 августа по новому) и о крещении 14 августа (26 августа по новому стилю) младенца Оскара, родителями которого были «Юрий Буш (Juri Busch), он же Бушман, запасный нижний чин, слесарь, и законная его жена Мария, урожденная Нейфельдт, оба Ев.<ангелическо->Лютеранского вероисповедания» (ЦГИА 1894). Восприемниками при крещении были мельник Оскар Вилолк (вспоминаем о будущей работе Бушмана в мукомольной фирме), контролер конно-железной дороги Ян Шуман и девица Лилия Минна Томберг.

Как видим, запись подтверждает наше предположение об отчестве, а в отношении даты рождения Оскар Бушман ошибся в переводе стиля на один день, что не удивительно: со сдвигом на 13 дней переводились даты с 1900 по 1918 год, в том числе и значимая для него дата Октябрьской революции.

Среди языков, которыми Бушман владел в дальнейшем, значатся русский, немецкий и предположительно эстонский языки, которым его обучили в школе (больше вроде бы негде), а также отмечается его знание математики. Учебу мальчик закончил в 1909 или 1910 году, а значит, начал ее в 1903 или 1904 году, в девяти-десятилетнем возрасте. С 1910 года Оскар уже ученик конторского служащего в мукомольной фирме, а потому информация о его учебе в коммерческом училище неверна. Первое место работы уточняется по адресной и справочной книге «Весь Петербург». В 1912 году Оскар Юрьевич проживает в доходном доме по адресу: Кирилловская, 16 (на углу с 10-й Рождественской, ныне Советской улицей, по последней дом числится как № 21), и служит в конторе «Братья Шмидт» (Весь Петербург 1912). Торгово-промышленное товарищество братьев Шмидт было основано в Саратове в 1888 году Андреем и Петром Ивановичем Шмидтами. Основная деятельность — мукомольная. Муку Шмидтов из Саратова использовали самые известные хлебопекарные заведения Москвы, Петербурга и Европы. В 1913 году Оскар живет поблизости с прежним адресом — на 10-й Рождественской, 19 (Весь Петербург 1913), в 1914 году — на Фурштатской, 35 (Весь Петербург 1914). В 1912 году Бушман переходит на работу экспедитором в частное издательство (в какое — неизвестно) и вступает в Санкт-Петербургский кружок любителей спорта (СПб. КЛС). Пребывание в кружке сыграло важнейшую роль в его жизни. В 1968 году, рассказывая об истории кружка, начинавшейся в деревне Тярлево, тогда относившейся к Павловску, спортсмен

с гордостью подписался: «Оскар Бушман, участник <Тярлевского> кружка с 1912 года» (Бушман 1968).

В то же время ни в одном известном нам документе Бушман ни разу не упоминает о своем участии в кружке «Санитас», о чем утверждается в процитированных выше биографических справках. С одной стороны, в те времена спортсмены могли состоять одновременно в разных кружках, и так часто и было, с другой — «Санитас» специализировался в первую очередь на тяжелой атлетике, в чем Оскар Юрьевич никогда замечен не был. Тогда как Санкт-Петербургский кружок любителей спорта не только создал легкую атлетику в России, но и в последующие десятилетия оставался сильнейшим легкоатлетическим кружком Петербурга и России, традиционным организатором общероссийских легкоатлетических состязаний. Как вспоминал Бушман, в 1912 году его зарплата экспедитора составляла 25 рублей в месяц, тогда как членские взносы в кружке (СПб. КЛС) для члена-соревнователя составляли 15 рублей в год. Понятно, что позволить себе платить такие суммы могли далеко не все, а значит, этим финансовым барьером ограничивалось участие в нескольких кружках одновременно.

14/27 сентября 1913 года Оскар впервые выступил за СПб. КЛС в соревновании. Это был пробег на 28 верст Петербург — Павловск на приз газеты «Вечернее время», издававшейся Борисом Сувориным, который сам увлекался спортом. Первый такой пробег на длинную дистанцию, приближающуюся к марафонской (впоследствии его называли «первым русским марафоном»), с участием 35 спортсменов прошел 14/27 сентября 1912 года. Он стартовал на Московском проспекте и финишировал в Павловском парке, там, где в 1888 году начинали бегать первые русские легкоатлеты.

Любопытно, что полная марафонская дистанция в 42 километра впервые была включена в программу соревнований в России на Первой Всероссийской спортивной олимпиаде, проходившей в Киеве с 20 по 24 августа (со 2 по 6 сентября по новому стилю) 1913 года. При этом состав участвующих в «русском марафоне» 14/27 сентября 1913 года в Петербурге был настолько сильным, что чемпион Первой Всероссийской олимпиады Н. Максимов, представлявший Русское национальное общество любителей спорта (РНОЛС), пришел к финишу только восьмым, победителем стал член СПб. КЛС Н. Владимиров, а наш герой О. Бушман (также СПб. КЛС) пришел к финишу четвертым из 54 участников.

В 1914 году Бушман выигрывает 8-верстовый «Кросс Петербурга» (Этапы 1979) или «в Петербург» (Бушман Труд), проводимый, как он

утверждает, обществом «Унион» (Бушман Анкета) (на Первой Всероссийской олимпиаде победу в кроссе на 8 км одержал Н. Владимиров). Уточнить данные об этом кроссе в настоящее время не удалось.

Как раз в это время в жизни страны происходит перелом: в августе 1914 года начинается Первая мировая война. По этому поводу Бушман сообщает: *«В 1914 году был мобилизован в армию и направлен на фронт Первой мировой войны солдатом-мотоциклетистом сначала в 5-м Сибирском корпусе (под Варшавой) ...»* В 1915 году наш спортсмен *«переведен в разведгруппу мотоциклетной команды при штабе 9-й армии на Юго-Востоком, впоследствии на Румынском фронте»* (Бушман Труд). В мае — сентябре 1916 года участвовал в Брусиловском прорыве. Дослужился до чина ефрейтора.

После революции

После Февральской революции 1917 года Оскара избирают секретарем солдатского комитета 2-й армейской мотоциклетной команды, входившей в состав 9-й армии. В конце 1917 года демобилизуют. При записи о демобилизации Бушман делает пометку: «Госпиталь — Дворец труда» (Этапы 1979). Возможно, он заболел и прежде, чем был демобилизован, попал на лечение в «Подвижной лазарет имени Ея Императорского Высочества великой княгини Ксении Александровны», организованный при Ксенинском институте благородных девиц в Петрограде (впоследствии в здании института разместился Дворец труда).

В 1918 году Оскар возвращается в Петроград, где устраивается на работу шофером в Петроградский железнодорожный узел «Петрокоммуны». В 1919 году его дважды направляют (возможно, также шофером) *«в штаб войск Петроградского округа для отражения весеннего и осеннего наступлений войск Юденича на Петроград»* (Этапы 1979), после чего возвращают на основную работу. Этим и ограничилось участие Бушмана в Гражданской войне.

В 1921 году Оскар Юрьевич переходит на работу шофером в губернский статистический отдел (ЦГАИПД 9088), а в следующем, 1922 году Бушман устраивается счетоводом на «Черниговский холодильник» («Завод льда», ныне Петербургский хладокомбинат № 1) (ЦГАИПД 9088). Это предприятие было создано на базе «Акционерного общества товарных складов», которому принадлежали многоэтажный холодильник и завод сухого льда, расположенные на Черниговской улице в Петрограде — Ленинграде. К началу 1920-х годов завод производил 4000 пудов льда в сутки.

Переход на «Черниговский холодильник» сам Бушман в своих поздних записях датировал 1923 годом (Бушман Труд), так что память его подвела ненадолго. Работая на заводе счетоводом, а затем кладовщиком, Оскар Юрьевич возобновил занятия легкой атлетикой и в порядке общественной инициативы организовал коллектив физкультуры. Вслед за этим Бушман создал аналогичный коллектив в Московско-Нарвском районе города и в том же 1923 году — *«бюро физической культуры при обкоме профсоюза пищиков»*, а также *«принял активное участие в развитии своего любимого вида спорта не только по профсоюзной линии, но и в самом городе. Руководил гор.<одской> секцией по легкой атлетике при Губ.<ернском> Совете ф<изической>/ к<ультуры>»*. (1923–24 г.г.)» (Бушман Труд).

Отдельно подчеркнем, что организацией, поощрявшей массовое развитие спорта на предприятиях и Бушмана как организатора спортколлективов, являлся профессиональный Союз пищиков и что организаторская деятельность велась на общественных началах и выростала снизу на базе опыта дореволюционных спортсменов. И Оскар в ряду организаторов был далеко не единственным, но скорее типичным представителем.

Тем более что возраст еще позволял самому показывать пример молодым. В 1923 году Бушман принял участие в возобновленном пробеге «русского марафона» по маршруту Слуцк (Павловск) — Петроград. Можно даже предполагать, что он был одним из инициаторов возобновления этого соревнования. Пробег состоялся 14 октября 1923 года, на этот раз он стартовал со стадиона Слуцко-Тярлевского (бывшего Павловско-Тярлевского) кружка любителей спорта и финишировал на проспекте 25 Октября (Невском проспекте) у здания дома № 20, где в этот год располагалась редакция «Вечерней Красной газеты». В 1924 и 1925 годах Бушман также участвовал во 2-м и 3-м традиционных пробегах «Тярлево — Петроград» и «Детское Село — Ленинград» («марафонский» забег приспособлялся к реалиям и несколько раз менял название и точки старта и финиша). В настоящее время это соревнование является старейшим в России, сохранившим свою преемственность, и носит название Международного легкоатлетического пробега Пушкин — Санкт-Петербург на призы газеты «Вечерний Петербург».

Еще один пробег, участие в котором Бушман отмечает в своей анкете, состоялся в 1924 году. Это было первенство Ленинграда в эстафете 10 на 1000 м. Победительницей стала команда ЛЦКС (Ленинградский центральный клуб «Спартак»), за которую он выступал. Как утверждал

Оскар Юрьевич, основное ядро «Спартака» составили бывшие члены Санкт-Петербургского кружка любителей спорта (Бушман 1968).

Создание новых коллективов и возобновление соревнований потребовало обустройства мест для занятий спортом. Прочитируем «Биографию О. Ю. Бушмана»: *«Учитывая недостаток спортивных сооружений, когда масса трудящихся в результате совершенной революции получила свободный доступ к занятиям физическим развитием, чего она была лишена ранее, он, используя средства профсоюза, непосредственно руководил постройкой 3-х спортивных объектов, существующих и поныне. Это стадион, построенный в 1924 году, оборудовано гимнастическое зало в 1925 году, ныне занимаемое ДСШ Московского РОНО и в 1927 году капитально переоборудовал находящийся сейчас в ведении Ленгорсовета ДСО „Спартак“ стадион в бывшем Удельнинском парке»* (Бушман Био). Еще раз остановимся и отметим, что руководство строительством спортивных сооружений Оскар Юрьевич производил на общественных началах, *«в качестве общественного директора»* (Этапы 1979), тогда как средства на строительство (материалы, оплата рабочим) выделяла профсоюзная организация. Хотя как знать, возможно, энтузиасты-спортсмены строили себе стадионы сами в нерабочее время, и требовалось только приобретение материалов.

Насчет стадиона, построенного в 1924 году, Бушман в других документах уточняет, что это был стадион «Скорострел» (Бушман Труд), первоначально — Московско-Нарвская база профсоюза пищевиков (современный адрес стадиона: Московский проспект, 102). В 1935 году этот стадион был реконструирован для обувной фабрики «Скорострел», ныне здесь располагается СПб ГБУ «Спортивный центр „Физкультура и здоровье“» (стадион «Московский»). Второй стадион — «Удельная» (современный адрес: улица Аккуратова, 7а) в Удельнинском парке — был создан еще в 1911 году для футбольного клуба «Унитас». Бушман, по-видимому, организовал реконструкцию этого стадиона, когда он был передан профсоюзу пищевиков и носил названия «Мукомол», «Красный кондитер», «Пищевкус», «Пищевик». С 1940-х годов на базе стадиона действовала учебно-спортивная база ленинградского «Спартака». Благодаря тому, что при бушмановской реконструкции на стадионе были учтены интересы легкой атлетики, здесь в послевоенное время была организована школа бега известного марафонца Льва Сенькова и в феврале 1968 года — клуб любителей бега по инициативе другого ветерана «Спартака» Олега Лося. В настоящее время стадион принадлежит спортивной школе «Олимпийские надежды» и ожидает очередной реконструкции.

Что касается гимнастического зала на Московском проспекте, то его адрес установить не удалось. «Спортивная биография О. Ю. Бушмана», где об этом рассказано наиболее четко, была написана приблизительно в 1981–1982 году. В указанное время РОНО Московского района располагалось по адресу: улица Победы, 10. Это недалеко от Московского проспекта. В этом же здании располагалась Детско-юношеская спортивная школа № 2 Московского района. Вот только здание, где располагались РОНО и школа, было выстроено в 1956 году. Возможно, спортивная школа в те годы арендовала какой-то зал неподалеку.

Партия, спорт, профсоюз

Такая активная жизненная позиция, проявляемая сверх основной работы, не могла не привести Бушмана в партию. 20 февраля 1925 года в ходе второй волны Ленинского призыва он становится кандидатом в члены ВКП(б) (ЦГАИПД 9088). Это было время споров о будущем нового государства и путях его развития, сопровождавшееся активной внутривнутрипартийной борьбой. В ходе этой борьбы руководитель Петрограда, ставшего Ленинградом, Г. Е. Зиновьев объединился с Л. Д. Троцким против политики И. В. Сталина. Однако оппозиция оказалась разгромленной. 26 марта 1926 года Зиновьев лишился поста председателя Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а 21 ноября 1927 года был исключен из партии. На смену Зиновьеву как лидеру города пришел С. М. Киров. В таких непростых условиях, где рядовым коммунистам не всегда было очевидно, к какой стороне примкнуть, 17 марта 1927 года Оскар Юрьевич становится членом партии.

Посильное участие в политической деятельности не заменило для Бушмана активной реализации в деятельности спортивной. Еще одной сферой приложения сил стала организация судейской коллегии. *«Включившись в судейство легкоатлетических соревнований города сразу же после Октябрьской революции, в... 1927 году совместно с небольшой группой товарищей организовал первую в стране... коллегия судей по легкой атлетике, которая впоследствии в течение ряда лет одновременно зимой возглавляла проведение соревнований по лыжам до организации самостоятельной коллегии»* (Бушман, Спорт). В другом автобиографическом наброске Бушман конкретизирует, что, *«перестав сам выступать в соревнованиях, после 1925 года, активно принимает участие в судействе соревнований... в Ленинграде, выезжая также*

на судейство в Москву на проводимые там соревнования» и что товарищами его по организации судейской коллегии была «небольшая группа дореволюционных спортсменов» (Бушман Труд).

«Тогда же (в 1927 году. — С. В.) организовал при Центральном клубе профсоюза пищевиков команду легкоатлетов, среди которых, под руководством Б. Взорова и Б. Милевского, были рекордсмены страны: Е. Кузнецова, Н. Янушковская, Т. Орлова и другие» (Бушман Спорт).

Еще раз подчеркнем, что вся эта деятельность по организации спорта, включая участие в судействе на разных уровнях, была для спортсмена общественной и осуществлялась бесплатно во внерабочее время. Среди соревнований, в судействе которых в эти годы участвовал Оскар Юрьевич, 1-я всесоюзная спартакиада 1928 года, прошедшая в Москве с 11 по 24 августа 1928 года. Официально спартакиада была посвящена первому пятилетнему плану и 10-летию советского физкультурного движения, в то же время по духу она продолжала традиции 1-го первенства России по легкой атлетике, проведенного под эгидой СПБ. КЛС в 1908 году, в год 20-летия отечественной легкой атлетики. Более того, даже дата проведения спартакиады была явно или неявно приурочена к дате 40-й годовщины рождения легкой атлетики, отмечавшейся 6/18 августа 1928 года.

Результатом осуществления многолетней судейской деятельности стало присвоение О. Бушману в 1940 году звания судьи всесоюзной категории по легкой атлетике, а после Великой Отечественной войны — еще и по лыжному спорту. Возвращаясь в 1927 год, отметим, что с этого времени *«его (Бушмана. — С. В.) общественная работа переплетается с исполнением различных партийных поручений. Он избирается в завком предприятия, затем направляется на коллективизацию сельского хозяйства, участвуя там активно в выполнении плана 1-й пятилетки нашей страны по переустройству сельского хозяйства»* (Бушман Труд).

Освобожденным от производства секретарем завкома (заводского комитета профсоюзной организации) предприятия Бушман избирается только в 1929 году. Начиная с этого года его можно считать профессиональным профсоюзным организатором (причем в первую очередь эта деятельность касалась не спорта), но находился на этой должности недолго.

В январе 1930 года Оскара направляют в числе 25 тысяч членов партии на коллективизацию сельского хозяйства в Поволжье. Место, куда его направили, было выбрано с учетом знания им немецкого языка. Бушман организовал Покровскую МТС (в Покровском кантоне автономной социалистической советской республики немцев Поволжья)

и стал ее директором. С декабря 1930 года Оскар Юрьевич, согласно учетной партийной карточке, — директор Зельманской МТС (ЦГАИПД 9088), сам же он вспоминает, что был еще директором Лизандергейской МТС (Бушман Труд). Участвовал в кампании по борьбе с кулаками.

В конце 1931 года Бушман заболел и возвратился в Ленинград, где был избран председателем завкома Складов и холодильников Ленинградского союза потребительских обществ (ЛСПО). Одновременно по сложившейся уже традиции в Обкоме профсоюза пищевиков он опять-таки на общественных началах занимается развертыванием физкультуры и спорта на предприятиях отрасли. Новый поворот судьбы наступает Оскара в ноябре 1933 года. Как владеющего немецким языком его направляют на оперативную работу в органы Госбезопасности. С обострением классово-борьбы, спровоцированной перегибами коллективизации и десятилетием внутривластных склок с оппозицией, в работе ОГПУ (с 1934 года — НКВД) наступило самое жаркое время. Особенно заштормило после убийства С. М. Кирова, когда были выдвинуты предположения, что оппозиция перешла к террору и саботажу. Проблемы, с которыми сталкивалась страна, было невозможно решить ограниченными старыми кадрами, и приходилось решать их, рекрутируя в органы власти свежую кровь — молодежь и людей с активной жизненной позицией. Для Бушмана это был уже третий призыв. Первым стал Ленинский, приведший его в партию, вторым — призыв на коллективизацию сельского хозяйства, откликнулся он и на третий. Однако не все старые сотрудники НКВД были согласны с тем, что их потеснили, и не все люди со стороны смогли оказаться на высоте поставленных перед ними задач. Ведь, как правило, они не имели образования и практического опыта в тех сферах деятельности, куда их призывали. В случае с НКВД это привело к перегибам, стоившим жизни как ни в чем не повинным людям, так и многим из тогдашних чекистов.

О службе Бушмана на новом месте нам известно немного. Сам он впоследствии отмечал, что на службе в НКВД продолжал *«свою общественную работу по спорту в городе, в частности по судейству соревнований, в 1933 году стал руководить (также в общественном порядке) секцией легкой атлетики Областного совета „Динамо“, где, возглавляя динамовцев Ленинграда в течение последующих 15 лет (до 1949 года) вместе со старшим тренером Г. И. Никифоровым, обеспечил успешные их выступления как на первенствах города, так и на многих всесоюзных соревнованиях, среди которых (его подопечных. — С. В.) были:*

А. Максунув, Г. Турова, бр.<атъя> Ал<ексан>др и Артур Шехтель, Л. Куликова, Э. Рохлин и многие другие рекордсмены и чемпионы страны» (Бушман Спорт).

Ленинградская команда «Динамо» возникла в среде чекистов. Как утверждает Оскар Юрьевич, он проработал в энкавэдэшном клубе до 1949 года. В то же время не все так просто. Известно, что 23 марта 1936 года Бушману присваивается звание сержанта государственной безопасности, а 17 декабря 1936 года его увольняют с должности помощника оперуполномоченного Особого отдела Управления НКВД Ленинградской области с исключением с учета согласно статье 38 п. «в» Положения о службе в ГУГБ. Указанная статья гласила: «38. Кроме того, в отдельных случаях причинами увольнения могут быть: а) приговор суда или решение Особого Совецания при НКВД СССР; б) арест судебными органами; в) невозможность использования на работе в Главном управлении государственной безопасности».

В тот же день, 17 декабря 1936 года, Дзержинский районный комитет ВКП(б) подтвердил решение партийной организации НКВД «об исключении БУШМАНА из рядов ВКП(б) за скрытие своей принадлежности к оппозиции и за укрывательство оппозиционера Журавлева». Видимо, кто-то из друзей Журавлева был уличен в мнимых или реальных контактах с оппозиционерами (а последними могли быть их бывшие партийные товарищи). Апелляция на это решение рассматривалась Комиссией партийного контроля 5 февраля 1937 года и была оставлена без удовлетворения (ЦГАИПД 1728).

Год на дворе — грозный. Оставалось ожидать ареста и осуждения. В автобиографических заметках Бушмана имеются записи: «Репрессии „культ личности Сталина“» (Этапы 1979) (в пространном варианте, с датой 1937 год) и «Репрессия культа личности» (Этапы 1981) (в коротком варианте, под 1938 годом). Так что арест был весьма вероятен.

Особый отдел, в котором служил Бушман до увольнения и исключения из партии, — это военная контрразведка — борьба со всеми видами шпионажа, прежде всего в армейских структурах. Коллега, вместе с которым он пострадал, — Георгий Нилович Журавлев — временно исполняющий должность оперуполномоченного ЭКО (Экономического отдела) УНКВД Ленинградской области. Экономический отдел занимался борьбой с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве, с валютчиками и спекулянтами, преступлениями по должности. Звание сержанта Государственной безопасности Журавлеву было присвоено 23 марта 1936 года, в тот же день, что и Бушману, и в тот же день,

что и Бушман — 17 декабря 1936 года — Журавлев был уволен из НКВД по тому же пункту 38-й статьи. Что их объединяло, почему они вместе попали в беду, сказать трудно. Можно только предположить, что и Журавлев в результате остался жив и вернулся к активной работе. В базе данных «Память народа» присутствует член партии Георгий Нилович Журавлев, 1899 года рождения, который в 1941 году был призван в армию и защищал Ленинград, служа начальником административно-хозяйственной части 10-й стрелковой дивизии. Скорее всего, это и есть бывший энкавэдэшник.

Так или иначе, но два года у Бушмана выпадают из жизни. Дальнейшие сведения о себе он приводит начиная с 1939 года. Рассказывает он об этом довольно скупко: *«Перед началом Великой Отечественной войны 2 года работал в Октябрьском Доме пионеров, зав. <едующим> Оборонно-физкультурным отделом». «Его работа (до войны) в Доме Пионеров Окт. <ябрьского> р-на в качестве зав. <едующего> военно-физкультурным отделом проникнута военно-патриотическим воспитанием школьников»* (Бушман Труд).

Видимо, обвинения против нашего героя были сняты после преодоления ежовщины. В то же время Бушман, как мы помним, утверждает, что с 1933 по 1949 год он *«возглавлял динамовцев Ленинграда»* и *«обеспечил их успешные выступления»* (Бушман Спорт). И если понимать это буквально, выходит, что его связь с командой «Динамо» не была утрачена даже в годы репрессий. *«С первых дней (Великой Отечественной войны. — С. В.) ушел добровольцем (год мой тогда еще не призывали) в Армию Народного Ополчения (в 3-ю Петроградскую дивизию, переименованную затем в 44-ю стрелковую дивизию) в отдельную автороту в должности старшины (по старой военной специальности шофера-мотоциклиста), в составе которой провоевал сначала на Ленинградском, а затем на Волховском фронте, а в декабре (год не указан. — С. В.) был откомандирован (как эстонец по национальности) в национальные части, где в 1944 году на Ленинградском фронте участвовал в боях за освобождение ЭССР»* (Бушман Труд).

Эстонские национальные части в Красной армии объединялись в 8-й Эстонский стрелковый Таллинский корпус, созданный 25 августа 1942 года. Однако в состав корпуса входили части, созданные ранее, в том числе 7-я Эстонская стрелковая Таллинская дивизия (сформирована 27 декабря 1941 года) и 249-я Эстонская стрелковая дивизия (сформирована 10 февраля 1942 года). С учетом того, что новые части включались в корпус и в 1943, и в 1944 году, восстановить

пропущенный Бушманом год пока не представляется возможным. Тем не менее наиболее вероятно, что это случилось либо в декабре 1941, либо в декабре 1942 года, так как медаль «За оборону Ленинграда» в списке его наград не значится. Единственный имеющийся на сегодняшний день в базе данных «Память народа» документ с упоминанием Бушмана позволяет только уточнить, что Оскар Юрьевич был призван 7 июля 1941 года Куйбышевским РВК г. Ленинграда, демобилизован 18 июля 1945 года в звании сержанта. Причем в упомянутую базу данных так и не попала еще единственная боевая награда Бушмана — медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Бушман Анкета). *«После окончания войны, вернувшись в Ленинград, работал 3 года в Областном Совете „Динамо“ в должности отв. <ответственного> руководителя по легкой атлетике и лыжному спорту, а затем в течении 10 лет в ЛИИЖТе ст. <аршим> лаборантом на кафедре физвоспитания, уйдя в 1959 году на заслуженный отдых»* (Бушман Труд).

Насчет работы в ЛИИЖТе Бушман поясняет, что *«совместно с коллективом преподавателей добивается успехов для института, который становится ведущим в Ленинграде среди более 40 вузов города. Заканчивает он свою работу там в качестве начальника хоккейной команды с шайбой, участвующей в высшей лиге нашей страны»* (Бушман Труд).

Отметим, что послевоенная работа в «Динамо» и ЛИИЖТе являлась уже оплачиваемой, и с этого времени деятельность Бушмана в области организации спорта можно считать профессиональной. Впрочем, в эти же годы начинаются внутренние изменения в советском спорте. Отечественный спорт начинает медленно, но верно скатываться в профессионализм, начинает становиться зрелищем, а идея гармоничного развития каждого члена общества шаг за шагом подменяется идеями «большого спорта» или так называемого «спорта высших достижений». Впрочем, Бушман и его коллеги из старого поколения спортсменов вряд ли могли проследить и осознать эти изменения.

Новые вехи в спортивной карьере

Итак, в 1959 году, в возрасте 65 лет О. Ю. Бушман выходит на пенсию. Но разве мог такой активный человек оставаться без дела! Общественная работа, без которой он не мог себя помыслить, не просто продолжается, но обретает новые формы. На первый план

окончательно выходит судейская деятельность. До 1961 года Оскар Юрьевич остается членом президиума Ленинградской городской коллегии судей по легкой атлетике, в создании которой в 1927 году он принял самое деятельное участие. Впоследствии Бушман с гордостью отмечал, что *«в течение 40 лет работы в коллегии судей по легкой атлетике подготовил большое количество судей по этому виду спорта»* (Бушман Справка). А о своем личном вкладе в судейскую деятельность, продолжавшуюся до последних дней жизни, Оскар Юрьевич говорил так: *«Среди спортивной деятельности его, помимо многолетней активной работы в части судейства не только в Ленинграде, но и во многих городах страны, в том числе, Москвы крупных всесоюзных соревнований, как первенства СССР и I-й Спартакиады народов СССР, можно указать его участие, <в судействе> ряда сверхмарафонских пробегов, проводимых ленинградским клубом бега ДСО „Спартак“, которые были организованы его руководителем мастером спорта О. Лось, которые начали проводиться с 1967 года (Ленинград-Выборг, Ленинград-Москва, Заполярный-Ленинград, особенно следует отметить пробег по маршруту Волгоград-Ужгород (2313 километра), проведенный в 1968 году, посвященный 50-летию ВЛКСМ и такой же дате организации старейшей дивизии наших Вооруженных Сил 24-й Самаро-Ульяновской дивизии, организованной в 1918 году. Этот пробег проходил по боевому пути этой дивизии в Великую Отечественную войну с участием ветеранов дивизии при торжественной встрече с маршалом Еременко (ныне покойным) в Киеве 28.VII. Как главный судья пробега О. Ю. Бушман сопровождал участников в течение 38 суток пробега на всех видах транспорта (вплоть до на багажниках милицейских мотоциклов) несмотря на то, что ему тогда было 74 года. По пути пробега, особенно в Зап.<адной> Украине, он как участник Брусиловского прорыва (в 1919 году) выступал с беседами на военно-призывных пунктах перед призывниками об этом событии»* (Бушман Труд).

Подобные сверхмарафонские пробеги с участием О. Ю. Бушмана как судьи происходили и в последующие годы, а архивная фотография, сделанная 12 августа 1982 года, запечатлела его в качестве судьи на Дворцовой площади Ленинграда после пробега Пушкин — Ленинград. 8 августа этого года Оскару Юрьевичу исполнилось 88 лет. Таким образом, спортсмен по-прежнему оставался верен своим идеалам, ведь основная масса участников этих пробегов не были профессионалами.

Легкоатлет Олег Лось (второй справа), судья Оскар Бушман (третий справа) и другие участники пробега Заполярный — Ленинград после финиша. 1968.
Фото В. Ф. Галактионова (ЦГАКФФД СПб Ар 240014)

Судья Оскар Бушман (в центре) после пробега Пушкин — Ленинград на Дворцовой площади. 12 августа 1982 года. Фото В. Ф. Галактионова (ЦГАКФФД СПб Ар 240101)

Вторым направлением работы спортсмена-пенсионера стала организация в Ленинграде в 1967 году Совета ветеранов спорта (впоследствии — Клуб ветеранов спорта). В этом деле он участвовал вместе со сверстниками С. Е. Ефремовым и П. И. Кушниковым. В 1970 году Бушман оказался в числе организаторов такого же совета при Областном совете «Динамо». При этом Бушман проводил анкетирование всех вступавших в организацию, составлял биографические справки о ветеранах, следил за их юбилеями и размещал в прессе материалы о юбилеях.

Третьим, не менее важным, занятием на заслуженном отдыхе стал сбор материалов для написания истории легкой атлетики в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Этим делом Бушман начал заниматься с 1956 года и продолжал его до своей смерти в 1983 году. Фактически легкая атлетика пронизывала всю его жизнь с тех пор, как в 1912 году он пришел в Санкт-Петербургский кружок любителей спорта. Оскар Юрьевич вращался в кругу людей, которые так же, как он, прошли через все этапы развития русского спорта — от первых малочисленных дореволюционных кружков через организацию массового советского спорта к победам в Великой Отечественной войне и многократным спортивным победам на уровне страны. На этом пути он был и участником, и организатором, и судьей, фактически сам творил историю, и этот опыт необходимо было осознать и зафиксировать. *«С 1956 по 1979 г. Имел задачу как в далеком прошлом активный спортсмен, член СПб. КЛС с 1912 года, как участник первых спортивных соревнований в советское время, как организатор спортивных коллективов 20-х — 30-х годов, как судья легкоатлетических состязаний с 1925 года, наилучшего отображения в истории советского спорта хода развития и отдельных этапов этого пути ленинградской легкой атлетики, собрал большой исторический материал по этому виду спорта как в архивах Публичной и Академии наук библиотеках, так и путем сбора его у частных лиц, за это время опубликовал более 150 статей в различной периодической печати как Ленинграда, так и Москвы, Таллина, Петрозаводска. В 1979 году, накануне Олимпийских игр в Москве принимал непосредственное участие в организации в Музее истории Ленинграда специальной выставки „Из истории легкой атлетики в Петербурге, Петрограде, Ленинграде“. Сейчас (в 1982 году. — С. В.) эта выставка в сокращенном виде экспонируется в Ленинградском техникуме физкультуры. В связи с предстоящим в 1988 году столетним юбилеем зарождения легкой атлетики на русской земле О. Ю. Бушманом создана в черновом виде монография, посвященная этой замечательной дате*

и также большой фотоальбом в 150 листов, включающий в себя отдельные публикации с фотоснимками из истории легкой атлетики» (Этапы 1979).

Всю эту не по годам активную деятельность прервала смерть Оскара Юрьевича 17 октября 1983 года в возрасте 89 лет. Ни монография по истории легкой атлетики, ни альбом аннотированных фотографий так и не были опубликованы (в другом документе Бушман дополнительно сообщает, что *«он подготовил к изданию свой многолетний труд... (монографию и фотоальбом. — С. В.) при участии института физкультуры им. П. Ф. Лесгафта»* (Бушман Труд)). Что же касается выставок, то началось все с того, что организованный в 1967 году при участии Бушмана Совет ветеранов спорта поставил вопрос перед городскими властями об организации в Ленинграде музея спорта. Первый приказ председателя Комитета по физической культуре и спорту при Исполкоме Ленгорсовета депутатов трудящихся «О создании Ленинградского музея физической культуры и спорта» был издан в 1970 году. Согласно этому приказу, практическое создание музея должно было начаться в 1971 году, а председателю Совета ветеранов спорта Г. В. Фольшину (1906 — после 1983 года) было предложено *«подобрать для работы в Совете музея ветеранов спорта, желающих активно участвовать в создании Музея»*. Однако дело не сдвинулось, и в 1973 году к созданию музея спорта подключили Государственный музей истории Ленинграда, которому было поручено оказать методическую помощь. Именно в этот музей были направлены отобранные Фольшиным ветераны спорта, среди которых был и О. Ю. Бушман. Первым итогом этой работы и стали упомянутые Бушманом выставки, организованные в Ленинграде начиная с 1979 года. Сам же Музей физической культуры и спорта г. Ленинграда был открыт на общественных началах 12 декабря 1982 года, а потому сведения о нем не попали в использованные нами для данной статьи автобиографические материалы Оскара Юрьевича, составленные несколько ранее. Вероятно, истрепанный десятилетним ожиданием, он не особо надеялся, что открытие все-таки состоится. Первым директором музея и председателем его совета стал С. Т. Бодренников (1904–1984), оставивший дневники, где подробно описаны мытарства по созданию музея и в том числе отражена роль в этом деле О. Ю. Бушмана. В 1984 году музей становится ведомственным, на этот год в его фондах числилось около 6000 единиц хранения — *«документы, призы, завоеванные на соревнованиях, архивные материалы, фотографии, афиши, предметы живописи, скульптуры и графики, отражающие развитие физической*

культуры и спорта в городе, а также коллекции, сувениры, передаваемые спортивными и другими организациями и частными лицами». Часть этих предметов была вкладом О. Ю. Бушмана и привлеченных им ветеранов спорта.

Заключение

Настало время подвести итоги. Перед нами прошла жизнь рядового активного человека. Восемьдесят девять лет жизни — восемьдесят девять лет истории страны. Российской империи и Советского государства от рождения до распада. Через личную историю Оскара Бушмана мы вопрошаем об истории российского спорта, которую он во всех смыслах творил и которая не то оборвалась, не то заблудилась в середине 2000-х годов. Именно тогда был закрыт Музей спорта Санкт-Петербурга — Ленинграда, в который наш герой вложил и свою частичку души.

А впрочем, чему удивляться? На примере биографии Бушмана мы видим, что после ликвидации советского строя спорт откатывается к своему началу. В первую очередь он перестает быть массовым и возвращается к кружковщине, оплачиваемой из кармана тех, кто на это способен. Клубные членские взносы сопоставимы с годовыми абонементом на фитнес. Плох или хорош был Советский Союз, но он, напомним тем, кто не знает или забыл, ввел восьмичасовой рабочий день с достойной оплатой, в результате чего у большинства трудящихся появилось время для досуга, который можно было занять в том числе и спортом. Именно это освободившееся время такие активные люди, как Бушман, заполнили бескорыстной спортивной и общественной деятельностью. И опирались они в этом деле на защитников прав трудящихся — профессиональные союзы. Либеральные реформы 1990-х годов привели к тому, что большинство людей активного досуга лишились. И ныне их права в этой сфере некому защитить. Где теперь профсоюзы? Чтобы заработать на семью, на квартиру, да и для того, чтобы бизнес развить, надо забыть о 8 часах работы — крутиться круглые сутки без выходных и отпусков... Счастливого исключения — молодые, те, кто еще учится, но и образование теперь все больше оказывается платным...

Нынешним спортопроходцам становится все труднее. Появились две новые проблемы, которых не знал ни кружковый, ни советский массовый спорт. Первая из них — коммерциализация. И ладно бы за абонементы деньги брали. «Большой спорт должен быть источником

больших денег» — этот современный императив хоронит спорт массовый. На виду у всех узкий круг профессиональных «гладиаторов» и стоящих за ними импресарио, получающих неоправданно высокие доходы (легкой атлетике не повезло вдвойне — она с трудом поддается монетизации). Отныне те, кто стремится к спортивным вершинам, сражаются за презренный металл, а не за свое гармоничное развитие и не за свою жизненную идею. Рядовой член общества может, конечно, восхищаться таким «спортсуперменом», но не может отождествить себя с ним, не попробует сделать так же, хотя бы у себя во дворе.

Вторая проблема — заикленность на так называемом «спорте высших достижений». В принципе эти две напасти сливаются. Молодой человек на заводе «Черниговский холодильник» мог бы увлечься примером своего коллеги Оскара Бушмана и пойти на стадион тренироваться. Но он вряд ли будет проситься в цирковые атлеты, за «гладиаторами» (футболистами, хоккеистами, фигуристами...) на арене Колизея он всегда будет наблюдать с пивом и попкорном. Бизнесменам от этого двойной профит — везде денежку занесут.

К сожалению, получается так, что опыт Оскара Бушмана в нынешних условиях не может быть востребован. И, может быть, правильно, что его история легкой атлетики до сих пор не издана, а ее герои забыты. Нам нечему у них учиться. Или все-таки есть чему?

Источники

Бушман О. Ю. Анкета ветерана спорта г. Ленинграда для истории спорта Петрограда-Ленинграда. 4 мая 1967 года. Машинописная форма документа, заполненная от руки. Архив Музея истории города Павловска (МИП).

[*Бушман О. Ю.*] Биография О. Ю. Бушмана. 1981–1982. Машинописный документ. Архив МИП.

[*Бушман О. Ю.*] Спортивная биография О. Ю. Бушмана. 1981–1982. Машинописный документ. Архив МИП.

[*Бушман О. Ю.*] Трудовая, общественная и спортивная биография ветерана труда, партии, войны и спорта судьи всесоюзной категории по легкой атлетике и лыжному спорту Бушмана Оскара Юрьевича (Биография Бушмана О. Ю.). 1981–1982. Машинописный документ. Архив МИП.

Бушман О. Тярлевский кружок // Легкая атлетика. — 1968. — № 5. — С. 1–3.

Бушман Оскар Юрьевич. Биографическая справка. 1967. Машинопись. Архив МИП.

Весь Петербург на 1912 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: Изд. А. С. Суворина, [1912].

Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. — [СПб.]: Изд. А. С. Суворина, [1913].

Весь Петербург на 1914 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга / Под ред. А. П. Шашковского. — [СПб.]: Изд. т-ва А. С. Суворина — «Новое время», [1914].

Зеличенко В. Б., Спичков В. Н., Штейнбах В. Л. Легкая атлетика. Энциклопедия. — Т. 1: А–Н. — М.: Человек, 2012.

Розаткин А. В., Шиянов Л. П. Книга памяти и славы профсоюзного спорта Ленинграда. — СПб., 2015.

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–19. Коллекция личных дел. Д. 150558. Бушман Оскар Юрьевич.

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9088. Оп. 1. Д. 454. Л. Коллекция учетных карточек членов и кандидатов в члены партии: Буш Борис Михайлович — Буштырев Т. С.

ЦГИА. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 7. Ч. III. Л. 565–664. Список рожденных и крещенных в Евангелическо-лютеранском эстонско-немецком приходе Св. Иоанна в 1894-м году в С.-Петербурге. Л. 601 об. — 602.

Этапы жизнедеятельности Оскара Юрьевича Бушмана. 1979 (?). Рукописный документ на 4 страницах. Архив МИП.

Этапы жизнедеятельности Оскара Юрьевича Бушмана. 1981. Рукописный документ на 1 странице. Архив МИП.

References

Bushman O. Y. *Questionnaire of a Leningrad sports veteran for the history of Petrograd-Leningrad sports*. May 4, 1967. A typewritten document form filled out by hand. Archive of the Museum of the History of the city of Pavlovsk (MIP).

[Bushman O. Y.] *Biography of O. Y. Bushman. 1981–1982*. A typewritten document. MIP archive.

[Bushman O. Y.] *Sports biography of O. Y. Bushman. 1981–1982*. A typewritten document. MIP archive.

[Bushman O. Yu.] *Labor, social and sports biography of the veteran of labor, party, war and sports judge of the All-Union category in athletics and skiing Bushman Oscar Yuryevich (Biography of Bushman O. Yu.). 1981–1982*. A typewritten document. MIP archive.

Bushman O. Tyarlevsky circle. *Athletics*, 1968, no 5, pp. 1–3.

Bushman Oscar Yuriyevich. Biographical information. 1967. Typescript. MIP archive.

The whole of St. Petersburg for 1912: address and reference book of St. Petersburg. [St. Petersburg.], edition of A. S. Suvorin, [1912].

The whole of St. Petersburg for 1913: address and reference book of St. Petersburg. [St. Petersburg.], edition of A. S. Suvorin, [1913].

The whole of St. Petersburg for 1914: the address and reference book of St. Petersburg / Ed. by A. P. Shashkovsky. [St. Petersburg.], publication of A. S. Suvorin's t-va — “Novoe Vremya”, [1914].

Zelichenok V. B., Spichkov V. N., Steinbach V. L. *Athletics. Encyclopedia. Vol. 1. A–N*. Moscow, Chelovek, 2012.

Rogatkin A. V., Shiyonov L. P. *The Book of memory and glory of trade union sports of Leningrad*. St. Petersburg, 2015.

TSGAIPD St. Petersburg. F. R-1728. Op. 1–19. Collection of personal files. d. 150558. Bushman Oscar Yurievich.

TSGAIPD SPb. F. R-9088. Op. 1. D. 454. L. Collection of registration cards of members and candidates for party members: Bush Boris Mikhailovich — Bushtyrev T. S.

TSGIA. F. 2294. Op. 1. D. 7. Ch. III. L. 565–664. List of those born and baptized in the Evangelical Lutheran Estonian-German Parish of St. St. John in 1894 in St. Petersburg. l. 601 ob — 602.

Stages of the life of Oscar Yuryevich Bushman. 1979 (?). Handwritten document on 4 pages. MIP archive.

Stages of the life of Oscar Yuryevich Bushman. 1981. A handwritten document on 1 page. MIP archive.

Выжевский Сергей Викторович, сотрудник, Музей истории города Павловска, Санкт-Петербург, Россия.
dharma_ser@bk.ru

Vyzhevskii Sergei Viktorovich, Pavlovsk museum of local history, researcher, St. Petersburg, Russia.
dharma_ser@bk.ru

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2023
Выпуск 19

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редколлегии: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, кв. 526.
Тел.: +7 (812) 316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *А. А. Нотик*
Дизайн обложки *Т. Б. Тунова*
Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*

Подписано в печать 24.07.2023. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 7,9. Тираж 50 экз. Печать офсетная.
Заказ № 119РС.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespbr.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespbr.ru